

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

Научный журнал

2016 № 1

Главный редактор **Пашенцев Дмитрий Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора **Ирошников Денис Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь редакции **Гаипова Вероника Рустамовна**

Члены редакционной коллегии:

Алексеев Кирилл Васильевич, кандидат филологических наук, доцент (г. Рязань)

Артемьев Николай Семёнович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Рязань)

Ветютнев Юрий Юрьевич, кандидат юридических наук (г. Волгоград)

Грибов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук (г. Ярославль)

Жаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, доцент (г. Челябинск)

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Саратов)

Матузов Николай Игнатьевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Саратов)

Мещерякова Ольга Михайловна, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Мордовец Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Саратов)

Пантюхина Инга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Сангаджиев Бадма Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)

Чердаков Олег Иванович, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор (г. Москва)

Южанин Вячеслав Ефимович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Рязань)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)
Учредитель Ирошников Денис Владимирович

Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77 – 41561** от 13.08.2010 г.
Выходит шесть раз в год

ISSN 2220-5500

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук (Перечень журналов ВАК)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 82319

Сайт журнала: www.jur-science.com

Электронная почта: jur-science@mail.ru; jur-science-os@mail.ru

Почтовый адрес редакции:
390044, г. Рязань, а/я 58

Издатель: ООО «Издательство «Концепция»
390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1
conception.rzn@gmail.com

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Свободная цена

JURIDICAL SCIENCE

Science journal

2016 № 1

Editor-in-chief **Pashentsev Dmitriy Alekseevich**, Doctor of legal sciences, professor
Deputy of editor-in-chief **Iroshnikov Denis Vladimirovich**, Candidate of legal sciences, associate professor
Executive secretary of the editorial board **Gaipova Veronika Rustamovna**

Editorial Board:

Alekseyev Kirill Vasilyevich, Candidate of philology, associate professor (Ryazan)
Artemyev Nickolay Semenovich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation (Ryazan)
Vetyutnev Yuriy Yuriyevich, Candidate of legal sciences (Volgograd)
Gribov Aleksandr Sergeevich, Candidate of legal sciences (Yaroslavl)
Zharov Sergey Nickolayevich, Doctor of legal sciences, associate professor (Chelyabinsk)
Malko Aleksandr Vasilyevich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of Science of the Russian Federation (Saratov)
Matuzov Nickolay Ignatyevich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of Science of the Russian Federation (Saratov)
Mesheryakova Olga Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow)
Mikhaylova Irina Aleksandrovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow)
Mordovets Aleksandr Sergeevich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation (Saratov)
Pantyukhina Inga Vladimirovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Ryazan)
Redkous Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow)
Sangadzhiev Badma Vladimirovich, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow)
Cherdakov Oleg Ivanovich, Doctor of legal sciences, Candidate of History, professor (Moscow)
Yuzhanin Vyacheslav Efimovich, Doctor of legal sciences, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation (Ryazan)

The journal is registered in the Federal service for supervision in the sphere of communications, information technology and mass communications (ROSKOMNADZOR).

Promoter Iroshnikov Denis Vladimirovich

Media registration certificate PI № FS77 – 41561 from August the 13th, 2010.

The journal is published 6 times a year

ISSN 2220-5500

The journal is included in the “List of Russian scientific journals, which should be published basic scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences”

The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue “Russian Press” (index 82319).

Official web-site: www.jur-science.com

E-mail: jur-science@mail.ru; jur-science-os@mail.ru

Postal address of editorial office:

Ryazan, post office box 58, postal code – 390044.

Publishing house: “Conception” Co Ltd

Krupskaya Street, 17/1, Ryazan, postal code – 390044.

conception.rzn@gmail.com

In case of reprinting the publication the link to the journal is obligatory

Uncontrolled prices

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Ваньков А.В. Кодификация статутного права и нормативных правовых актов исполнительной ветви власти в США: сущность и процедуры...4

Джаназян В.Г., Чердаков О.И. Влияние идеологических концептов деструктивной направленности на правовую среду современной России.....12

Дорская А.А. Государственно-конфессиональные отношения в контексте российской правовой традиции.....16

Недилько Ю.В. Телеологический и смысловой аспекты толкования намерений законодателя...23

Пашенцев Д.А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации.....29

Рахманов Ф.Б. Нормативность первобытной мифологии.....33

Стругова Е.В. О правосознании и его деформации.....41

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Соловьев С.Г. Мысли о содержании и перспективах правового института перераспределения муниципальных полномочий.....49

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Климова А.Н. Особенности реализации принципа свободы договора в предпринимательских договорах.....57

Логинова Е.В. Понятие и правовая природа корпоративных отношений с позиций современной гражданско-правовой науки.....64

Подшивалов Т.П. Защита прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением: обзор диссертационного исследования.....69

Рыбаков И.В. Место норм, регулирующих отношения аренды государственного и муниципального имущества, в системе гражданского права.....75

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

Анисимов А.П. Влияние аварии на Чернобыльской атомной электростанции на развитие российского экологического и социального законодательства.....79

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Коротких Н.Н. Проблемы квалификации преступлений, совершенных в отношении двух или более лиц.....86

Ларин В.Ю. К вопросу об уголовной ответственности за посягательства в отношении сотрудников органов внутренних дел.....92

Пантюхина И.В. Анализ специального освобождения от наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ.....101

Румянцев М.С. Примечание как прием законодательной техники в регламентации уголовной ответственности за посягательства против порядка корпоративного управления (ст. 170.1, 185.2, 185.4, 185.5 УК РФ).....111

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Сидорова С.А., Буравлев Ю.М. К вопросу о системе административного права.....116

РЕЦЕНЗИИ НА НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Шамба Т.М. Рецензия на монографию В.Ю. Панченко «Юридическое содействие реализации прав и законных интересов: методология, теория, правовая политика».....123

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

***

КОДИФИКАЦИЯ СТАТУТНОГО ПРАВА И НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЕТВИ ВЛАСТИ В США: СУЩНОСТЬ И ПРОЦЕДУРЫ

ВАНЬКОВ Александр Васильевич

Аннотация. В статье анализируются основные федеральные собрания статуты и нормативных правовых актов исполнительной ветви власти США (президента США и федеральных ведомств): *United States Statutes at Large*, *United States Code* и *Code of Federal Regulations*. Излагаются точки зрения правоведов на форму систематизации законодательства в данных сводах (кодексах), приводятся доводы в поддержку высказанной автором позиции в пользу наличия кодификации в данных сводах. Выводы, полученные при исследовании данных вопросов, касаются места кодификации в современной практике всеобщей систематизации нормативных актов, возможности и целесообразности создания сводов законодательства в России.

Annotation. The article analyzes the main statute-books and regulatory legal acts of the US executive branch (the President of the United States of America and federal departments): the *United States Statutes at Large*, the *United States Code* and the *Code of Federal Regulations*. The article provides the views of legal scientists concerning the forms of systematization of legislation in these statute-books (codes). The article also produces arguments in support of the author's position expressed in favor of codification in the given codes. Conclusions obtained in the course of the study of these issues are connected with the role of codification in the contemporary practice of general systematization of legislation and possibility and reasonability of creating consolidated laws in Russia.

Ключевые слова: кодификация, систематизация законодательства, статутное право, американское право, своды, кодексы, всеобщая систематизация.

Keywords: codification, systematization of legislation, statutory law, American law, statute books, codes, general systematization.

Наличие кодификации как формы систематизации законодательства в странах общего права, в том числе в США, является дискуссионным вопросом. Детальное изучение структуры и процедур формирования систематизированных изданий американских нормативных правовых актов позволяет предложить решение данного вопроса и обеспечить более точное теоретико-правовое осмысление правотворчества в правовой системе данной страны, а также сделать выводы, касающиеся всеобщей систематизации (кодификации) законодательства, создания сводов нормативных актов в других странах.

На текущий момент практика систематизации законодательства на федеральном уровне США достигла следующих результатов:

1) законы (статуты) систематизируются в изданиях *United States Statutes at Large* (Свод законов США) и *United States Code* (Кодекс законов США);

2) нормативные правовые акты исполнительной власти (президентские и ведомственные нормативные акты) сосредоточиваются в сборнике *Code of Federal Regulations* (Кодекс федеральных нормативных актов)¹.

---

¹ Перевод наименований приведен по 20-му изданию справочника Палаты представителей конгресса США «Как создаются американские законы», исправленному и дополненному советником по пересмотру законодательства Э.Ф. Уиллетом-мл., эскв. и распространенному посольством США. С. 83–85.

На уровне штатов имеются аналогичные федеральным собраниям статутов и ведомственных нормативных актов.

Свод законов США (далее – Свод) включает в себя законы и параллельные резолюции², принятые в течение очередной сессии конгресса, прокламации президента, изданные с даты завершения очередной предшествующей сессии конгресса, а также предложенные или ратифицированные поправки к Конституции США. Принятые в ходе внеочередной сессии парламента акты конгресса включаются в издание Свода, формируемого по результатам ближайшей очередной сессии³.

Так как регулярные сессии конгресса США проводятся раз в год, Свод формируется на ежегодной основе Службой (управлением) по делам Федерального реестра Национального управления архивов и документации (the Office of the Federal Register of the U.S. National Archives and Records Administration). Свод представляет собой хронологически упорядоченное собрание актов, представленных в таком виде, в каком они были приняты, без учета тематики, актуального статуса законов, поправок, внесенных в законы⁴.

Тома Свода законов США содержат следующие блоки: списки биллей, ставших публичными и частными статутом (List of Bills Enacted Into Public Law, List of Bills Enacted Into Private Law), списки публичных и частных статутов (List of Public Laws, List of Private Laws), список параллельных резолюций (List of Concurrent Resolutions), список прокламаций (List of Proclamations), тексты законов (публичных и частных), тексты параллельных резолюций, тексты прокламаций, указатель известных наименований статутов (Popular Name Index), предметный указатель (Subject Index)⁵. Тома могут подразделяться на части.

Списки биллей, ставших законами, содержат перечни соответствия номеров биллей номерам законов. Списки статутов, параллельных резолюций и прокламаций перечисляют соответствующие акты в хронологическом порядке и содержат страницы, где размещены тексты соответствующих документов. Указатель известных наименований статутов содержит краткие наименования статутов в алфавитном порядке с отсылками к страницам с текстами статутов, а предметный указатель – термины и предметы регулирования в алфавитном порядке с отсылками к соответствующим страницам тома.

Таким образом, Свод законов США является официальной хронологической инкорпорацией федеральных законов США, параллельных резолюций конгресса США, а также прокламаций президента США. Для поиска информации он неудобен из-за хронологического принципа построения. Однако смысл его издания состоит в том, что ссылка на текст закона в том виде, как он напечатан в Своде, будет приниматься всеми судами страны в безусловном порядке⁶: наличие правовой нормы не может быть опровергнуто ссылкой на какой-либо иной источник публикации.

Вместе с тем для более удобного поиска положений статутного права существует Кодекс законов США. Вопросы формирования данного Кодекса, подготовки его новых изданий отнесены к компетенции Службы советника по пересмотру законодательства Палаты представителей конгресса США (the Office of the Law Revision Counsel)⁷.

Включению в Кодекс законов США подлежат постоянно действующие и имеющие общее применение законы⁸. Кодекс разделен на ряд широких по тематике титулов (разделов), которых в текущем издании насчитывается 52.

Каждый раздел регулирует определенную группу однородных общественных отношений, т. е. систематизация проведена по предметному принципу. Внутри разделов могут иметься разные по объему и наименованию структурные единицы: подразделы, части, подчасти и т. п. Основной структурной единицей является статья (section), обозначаемая знаком «§», кото-

² Документы, принимаемые обеими палатами американского парламента по вопросам, относящимся к функционированию палат, выражению их мнения, отражению каких-либо фактов, принципов. Подробнее см.: Dove R.B. Enactment of a Law. 1997. P. 3 URL : <http://thomas.loc.gov/home/enactment/enactlaw.pdf> (дата обращения: 28.12.2015).

³ 1 U.S.C. § 112 (2012).

⁴ Sullivan J.V. How Our Laws Are Made. Washington : Government Printing Office, 2007. P. 54. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CDOC-110hdoc49/pdf/CDOC-110hdoc49.pdf> (дата обращения: 28.12.2015).

⁵ См., напр.: United States Statutes at Large. 2010. Vol. 124 [GPO's Federal Digital System]. URL : <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-124/pdf/STATUTE-124.pdf> (дата обращения 28.12.2015).

⁶ 1 U.S.C. § 112 (2012).

⁷ 2 U.S.C. § 285b (3) (2012).

⁸ 1 U.S.C. § 204 (a) (2012).

рая также может состоять из подстатей, параграфов (абзацев), подпараграфов, пунктов, подпунктов. Разбивка Кодекса законов США на структурные единицы и их нумерация не может служить образцом для зарубежного законодателя ввиду запутанности и отсутствия унификации.

Пожалуй, единственной интересной особенностью нумерации структурных единиц разделов United States Code является стремление обеспечить возможность дополнения разделов без нарушения нумерации. Для этого главы ряда разделов имеют только нечетные номера⁹, а в некоторых разделах имеются пропуски (резервирование) в нумерации статей. Однако полностью это проблему не решает. Когда ресурс нумерации исчерпывается, приходится вводить статьи с громоздкими буквенно-цифровыми индексами¹⁰.

Половина разделов кодекса (26) приняты в качестве действующего права (positive law titles), остальные не принимались в качестве законов (non-positive law titles)¹¹. Последние представляют собой редакторскую переработку различных статутов, которые были разделены на отдельные положения, после чего эти положения были вмонтированы в различные структурные единицы разделов Кодекса законов США.

В связи с этим относительно non-positive law titles можно согласиться с мнением В.И. Лафитского о том, что в разделах Кодекса законов США сводятся законодательные нормы, а не сами законы¹².

Указанная редакторская переработка не является результатом законодательного процесса. Ее осуществляет Служба советника по пересмотру законодательства. При принятии нового закона Служба назначает, в какие структурные единицы кодекса положения этого закона должны быть помещены, меняет стиль изложения материала, ссылки на структурные единицы так, чтобы положения законов смогли быть вставлены в текст Кодекса¹³. При этом не создается новый закон и не утрачивают силу перерабатываемые законы.

Следовательно, с точки зрения формы систематизации законодательства разделы non-positive law есть официальная предметная инкорпорация, так как они составлены уполномоченным органом, но не законодателем.

Данные разделы – презумпция доказательства (prima facie evidence) наличия законов, включенных в них. Презумпция доказательства наличия законов означает, что в суде ссылка на норму права в том виде, в каком она зафиксирована в Кодексе, принимается, но может быть опровергнута путем ссылки, например на Свод законов США. Об этом свидетельствует множество судебных актов¹⁴.

Причиной, по которой одна часть разделов Кодекса законов США является лишь презумпцией доказательства наличия законов, включенных в него, является большое количество ошибок, которые возникают при работе с таким масштабным проектом¹⁵.

Для того чтобы Кодекс законов США перестал быть лишь презумпцией доказательства наличия законов, конгресс США ведет работу, направленную на принятие законодательных актов в виде разделов Кодекса. Разделы, принятые в качестве действующего, или «позитивного», права (positive law titles), являются достаточным доказательством наличия содержащихся в них правовых норм и принимаются в качестве такового всеми судами США.

Данный процесс принятия разделов в качестве законов, называемый кодификацией, направлен на достижение Кодексом законов США следующих юридико-технических характеристик, которыми такие разделы обладают¹⁶:

1. Улучшенная организация нормативного материала. Кодификация разделов позволяет пересобрать структурные единицы статутов полностью, переструктурировать материал, изменить местоположение статей, упростить тем самым поиск нормы права в статуте и улучшить восприятие закона в целом.

⁹ См., напр.: 2 U.S.C. ; 51 U.S.C. Subtitle II (2012).

¹⁰ См., напр.: 43 U.S.C. § 390h–39, 485k, 615cccc (2012).

¹¹ Positive Law Codification in the United States Code. URL : http://uscode.house.gov/codification/positive_law_codification.pdf (дата обращения: 28.12.2015).

¹² Лафитский В.И. Основы конституционного строя США. М.: НОРМА, 1998. С. 99; Он же. Конституционный строй США. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2011. С. 136.

¹³ 2 U.S.C. § 285b (4) (2012).

¹⁴ См., напр.: Royer's, Inc. v. United States, 265 F.2d 615 (3rd Cir. 1959); United States. v. Welden, 377 U.S. 95 (1964); Preston v. Heckler, 734 F. 2d 1359 (9th Cir. 1984); United States v. Zuger, 602 F. Supp. 889 (D. Conn. 1984); U.S. National Bank of Oregon v. Independent Insurance Agents of America, 508 U.S. 439 (1993); Olson v. Mellon, 4 F. Supp. 947 (W.D. Pa. 1933); American Bank & Trust v. Dallas County, 463 U.S. 855 (1983).

¹⁵ Whisner M. The United States Code: Prima Facie Evidence and Positive Law // Law Library Journal. 2009. Vol. 101. P. 549.

¹⁶ Positive Law Codification in the United States Code.

2. Улучшение формулировок, словоупотребления, редакционные изменения. Формулировки меняются на более современные и пригодные для чтения, унифицируются и упрощаются их текст. Длинные сплошные формулировки разбиваются на нумерованные структурные единицы.

3. Включение в текст закона новых статей, содержащих дефиниции для часто применяемых в каком-либо структурном блоке терминов, а также статей, заключающих в себе общие положения для ряда других статей.

4. Удаление устаревших положений.

5. Корректировка технических ошибок: опечатки, пунктуационные, грамматические неточности, типографские ошибки, упущенные положения.

6. Повышение точности текста. Кодифицированные разделы всегда содержат действительный текст закона, без какой-либо редакторской обработки, проведенной не законодателем. Это упрощает написание текстов законопроектов о внесении изменений в Кодекс законов США.

Применительно к рассматриваемому процессу С.Л. Зивс выделил также характеристики, связанные с изменением существа кодифицируемых законоположений¹⁷: внесение новелл в законодательство, создание общей нормы права посредством соединения в ней ранее повторявшихся аналогичных норм, включение в закон положений из нормативных актов исполнительной ветви власти, норм, сформированных прецедентным правом, норм международных документов, обычаев.

При принятии разделов Кодекса законов США в виде законов законодательные акты или их статьи, нормы которых включаются во вновь создаваемый раздел, признаются утратившими силу.

Таким образом, в случае с разделами *positive law* рассматриваемого Кодекса законов США процесс их создания является кодификацией в том же смысле, в каком кодификация понимается в российской юридической науке.

Сам Кодекс законов США при таких обстоятельствах является упорядоченным на

предметной основе, частично официально инкорпорированным и частично действительно кодифицированным сводом федеральных законодательных актов и их отдельных структурных единиц. Тем не менее, по данному вопросу существуют иные точки зрения.

Так, оценивая вид систематизации законодательства в рамках Кодекса законов США, И.Ю. Богдановская и А.Е. Петрова говорят об отсутствии в данном случае кодификации в привычном смысле слова¹⁸. Объединение правовых норм в данном кодексе при этом рассматривается как инкорпорация, или консолидация, или «компиляция», или «ревизия», но не кодификация. Однако обоснованность такого подхода вызывает серьезные сомнения.

Действительно, практика создания консолидирующих законодательных актов существует в английском статутном праве. В публикации палаты общин английского парламента «Этапы парламентского рассмотрения правительственного законопроекта» (*Parliamentary Stages of a Government Bill*)¹⁹ указывается, что консолидирующие законопроекты (*consolidation bills*) делают возможным соединение, иногда с незначительными правками, нескольких действующих законов в один с целью упрощения статутного права.

Однако оказывается, что, хотя консолидирующие билли присущи английскому праву, они не характерны для американского федерального права. Так, С.Л. Зивс особо подчеркивал, что в Кодексе законов США не усматривается формальной систематизации наподобие английской консолидации²⁰.

Думается, что современное законодательство в США слишком динамично, чтобы можно было использовать механизм консолидации для издания объединенных нормативных актов путем лишь механического их соединения. В целом объединение группы актов не может не учитывать опыт их реализации, а тексты

¹⁷ Зивс С.Л. Практика систематизации законодательства в капиталистических государствах / Юридическая комиссия при Совете министров СССР; ВНИИ Советского законодательства; Сектор зарубежного законодательства; отв. ред. С.В. Боботов. М., 1964. С. 15–17.

¹⁸ См., напр.: Богдановская И.Ю. Источники права на современном этапе развития «общего права»: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 173; Она же. Особенность систематизации в странах общего права // Право и политика. 2007. № 7. С. 48–51; Петрова Е.А. Система источников современного американского права (теоретический и сравнительно-правовой аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 105, 106, 109.

¹⁹ *Parliamentary Stages of a Government Bill*. 2010. FS No. L1. Ed. 3.7. P. 8. URL: <http://www.parliament.uk/documents/commons-information-office/101.pdf> (дата обращения: 28.12.2015).

²⁰ Зивс С.Л. Развитие формы права в современных империалистических государствах. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 52.

статей и пунктов не могут быть оставлены совершенно без изменений²¹. Такая работа охватывается кодификацией, а не консолидацией.

По вопросу природы систематизации в рамках Кодекса законов США, например, А.Н. Пилипенко прямо высказал точку зрения о различном характере систематизации в разных разделах кодекса: инкорпорация и, с некоторыми особенностями, кодификация (каждая форма систематизации – для определенной части нормативного материала)²². Именно такое понимание, с учетом проведенного анализа механизмов формирования United States Code, представляется правильным.

Еще одним сводом нормативных актов на федеральном уровне в США является Code of Federal Regulations (Кодекс федеральных нормативных актов).

Формированием Кодекса федеральных нормативных актов занимается Служба (управление) по делам Федерального реестра Национального управления архивов и документации²³.

Включению в Кодекс федеральных нормативных актов подлежат президентские и ведомственные нормативные акты общего применения и постоянного действия²⁴. Структура данного Кодекса сходна со структурой United States Code: он состоит из 50 разделов (титолов).

В.З. Пулянов отмечает, что, как и в Кодексе законов США, ведомственные нормативные правовые акты здесь размещаются по сферам управления²⁵. Однако систематизация в Code of Federal Regulations несколько сложнее: она не исчерпывается просто предметным характером. Разделы Кодекса федеральных нормативных актов состоят из подразделов

и глав, которые, как правило, носят название соответствующего федерального ведомства и состоят из более мелких частей по областям регулирования. Это, в частности, позволило О.В. Михайлову сделать вывод о том, что критерий систематизации здесь ведомственный²⁶. Поскольку каждому ведомству отведена определенная область правового регулирования, предметный характер систематизации при использовании ведомственного критерия систематизации сохраняется. Таким образом, объединяя рассмотренные позиции, следует заключить, что принцип систематизации в Code of Federal Regulations предметно-ведомственный.

Основная структурная единица указанного Кодекса – статья (section). Статьи могут объединяться в части и подчасти, а также разделяться на параграфы и подпараграфы (до шести уровней иерархии). Службой (управлением) по делам Федерального реестра Национального управления архивов и документации рекомендуется использовать не более трех уровней иерархии внутри статьи²⁷.

В Кодексе федеральных нормативных актов нумерация структурных единиц более унифицирована, чем в Кодексе законов США. В связи с этим можно сказать о некоторых плюсах такой нумерации и иерархичности построения нормативного материала. Нумерованные части или параграфы статей всегда лучше, чем параграфы, не имеющие нумерации. Отсутствие нумерации неудобно для ссылок на законодательство, так как приходится считать абзацы вручную при том, что иногда «абзацы» должны именоваться в одних случаях «частями», а в других – просто «абзацами»²⁸.

Что касается вида систематизации, то весь Кодекс федеральных нормативных актов является кодификацией федерального ведомственного законодательства, так как построен из нормативных актов, конструирующих данный Кодекс, вносящих изменения в его текст, и является единым документом. Однако эта кодификация имеет ряд особенностей.

²¹ Соминский А.С. Понятие и формы систематизации советского законодательства (тезисы сообщения) // Научная сессия, посвященная теоретическим вопросам систематизации советского законодательства : тез. докл. и сообщ. / Всесоюз. ин-т юрид. наук. М., 1961. С. 17.

²² Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб. : Пресс, 2003. С. 376.

²³ Code of Federal Regulations [The U.S. National Archives and Records Administration]. URL : <http://www.archives.gov/federal-register/cfr/> (дата обращения: 29.12.2015).

²⁴ About Code of Federal Regulations [Government Printing Office's Federal Digital System]. URL : http://www.gpo.gov/help/index.html#about_code_of_federal_regulations.htm (дата обращения: 29.12.2015).

²⁵ Пулянов В.З. Государственная регистрация и публикация правительственных и ведомственных нормативных актов в США. М. : Министерство юстиции СССР : ВНИИ советского законодательства, 1977. С. 14.

²⁶ Михайлов О.В. Систематизация нормативно-правовых актов как способ их совершенствования. М. : Изд-во РГТЭУ, 2003. С. 94.

²⁷ Federal Register Document Drafting Handbook, October 1998 Revision; Chapters 5 and 6, 2011 Revision. [The U.S. National Archives and Records Administration]. P. 2–28. URL : <http://www.archives.gov/federal-register/write/handbook/ddh.pdf> (дата обращения: 29.12.2015).

²⁸ Такая структура статей, без нумерации частей или абзацев, присутствует в Трудовом кодексе Российской Федерации.

Так, Кодекс федеральных нормативных актов – это лишь презумпция доказательства наличия текстов документов, включенных в него. Оригинальным текстом считается публикация в Федеральном реестре²⁹. Кроме того, каждая глава и часть Кодекса обладает некоторой обособленностью, своим внутренним набором терминов.

В разд. 3 Кодекса федеральных нормативных актов (в отдельном подразделе этого раздела) сосредоточены акты президента США, которые издаются не как части этого Кодекса, а как самостоятельные акты. Они упорядочены здесь лишь в хронологическом порядке, т. е. эта небольшая часть сборника является инкорпорацией президентских документов.

Рассматривая Кодекс федеральных нормативных актов с точки зрения вида систематизации, С.Л. Зивс отметил, что, хотя данный свод в готовом виде не утвержден, по типу издания он приближается к кодификации³⁰.

Таким образом, Кодекс федеральных нормативных актов есть упорядоченный на предметно-ведомственной основе практически полностью кодифицированный свод федеральных ведомственных нормативных актов с включением в него блока инкорпорированных актов президента США.

В связи с изложенным представляется необходимым ответить на вопросы о целесообразности или нецелесообразности, о возможности или невозможности создания сводов законов и прочих нормативных актов, которые объединяли бы все нормативные акты постоянного действия.

Интересный вывод делает Р. Кабриак, указывая, что для любой кодификации характерно стремление к полноте, к идее всеобщего кодекса³¹. В США эта тенденция с присущей ей спецификой, которая была рассмотрена в настоящей статье, воплощается в жизнь. Однако Р. Кабриак отмечает, что ныне во Франции вошли в моду «систематические кодификации», которые предполагают, что вся совокупность норм французского права должна быть распределена примерно на 60 кодексов, и эта идея признается им утопичной³².

Говоря о сводах законодательных актов штатов, В.И. Лафитский отметил, что огромный объем этих сводов снижает эффективность работы с законодательным материалом (лишь развитие компьютерных технологий уменьшает трудности обращения с нормативным материалом)³³. Думается, что данная точка зрения является не вполне верной по следующим причинам.

Издание множества мелких законов ведет к дублированию актов, противоречиям, усложняет поиск норм права. Напротив, чем крупнее нормативные акты и чем меньше их количество, тем проще найти нужный акт, а затем в нем требую норму и понять механизм ее реализации³⁴.

В связи с этим уместно привести мнение Т.Я. Хабриевой о том, что увеличение числа законов не способствует росту уровня законности, противоречия и несогласованности в результате хаотичного нарастания законодательства снижают авторитет законодательства и его эффективность³⁵.

Т.Н. Рахманина полагает, что отпочкование от базовых кодифицированных актов более мелких нормативных актов, регулирующих отдельные институты, может нанести ущерб единству системы права³⁶.

Как считает В.Б. Исаков, развитие правотворчества предполагает постоянную систематизацию и кодификацию. Так как бумажная форма юридических текстов исчерпала себя, электронное опубликование нормативных актов решает эту проблему³⁷. Безусловно, кроме самого электронного опубликования, необхо-

²⁹ 44 U.S.C. § 1510 (e) (2012).
³⁰ Зивс С.Л. Практика систематизации законодательства в капиталистических государствах. С. 23.

³¹ Кабриак Р. Кодификации / пер. с фр. Л.В. Головки. М.: Статут, 2007. С. 388.

³² Там же. С. 389.

³³ Лафитский В.И. Основы конституционного строя США. С. 99; Он же. Конституционный строй США. С. 145.
³⁴ Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Власенко. М.: Юриспруденция, 2010. С. 281–282; Михайлов О.В. Систематизация нормативно-правовых актов как способ их совершенствования. С. 21; Сивицкий В.А. Проблемы систематизации правовых норм в Российской Федерации. М.: Формула права, 2007. С. 17.

³⁵ Хабриева Т.Я. Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы междунар. науч.-практ. конф., 25–26 сентября 2008 г., Нижний Новгород / под. ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России: ТПП Нижегород. обл., 2009. С. 26.

³⁶ Рахманина Т.Н. Кодификация законодательства. М.: Юрист, 2005. С. 130.

³⁷ Исаков В.Б. Официальное электронное опубликование как необходимая предпосылка для перехода к системе непрерывной кодификации // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы междунар. науч.-практ. конф., 25–26 сентября 2008 г., Нижний Новгород / под. ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России: ТПП Нижегород. обл., 2009. С. 259.

димы также системы электронного редактирования, управления редакциями, внесения изменений в нормативные документы. Разумеется, большие по объему статуты, кодексы или своды законов не являются проблемой с точки зрения электронной обработки информации.

Американский опыт показывает, что технически создать свод нормативных актов, охватывающий все законы или подзаконные нормативные акты государства (федерации), принципиально возможно. Однако кодификация – не цель, а средство построения целостной системы правовых актов³⁸. Создание всеобщего свода федеральных законов в нынешних условиях в России требует значительного объема затрат различных видов ресурсов (временных, финансовых, кадровых) и представляется весьма затруднительным³⁹. Дело в том, что сплошную кодификацию или создание свода нормативных правовых актов целесооб-

разно осуществлять при стабилизации законодательства⁴⁰, чего в данный момент не наблюдается.

Думается, что в России на федеральном уровне создание свода законов – дело будущего. Это возможно при качественном улучшении юридической техники, использовании новейших информационных технологий и опыта других государств. Целесообразной на сегодня является кодификация в привычном виде, путем издания кодексов и иных крупных нормативных актов, отменяющих ранее действовавшие раздробленные и противоречащие друг другу акты. Такая работа не только заложит основу для последующей всеобщей систематизации, но и сама по себе является ценной. О возможности создания сводов законов сегодня можно говорить на уровне субъектов РФ, так как объем регулирования на этом уровне не столь значителен.

Библиографический список

1. Богдановская, И.Ю. Источники права на современном этапе развития «общего права»: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007.
2. Богдановская, И.Ю. Особенности систематизации в странах общего права // Право и политика. – 2007. – № 7.
3. Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Власенко. – М.: Юриспруденция, 2010.
4. Зивс, С.Л. Практика систематизации законодательства в капиталистических государствах / Юридическая комиссия при Совете министров СССР; ВНИИ Советского законодательства; Сектор зарубежного законодательства; отв. ред. С.В. Боботов. – М., 1964.
5. Зивс, С.Л. Развитие формы права в современных империалистических государствах. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
6. Исаков, В.Б. Официальное электронное опубликование как необходимая предпосылка для перехода к системе непрерывной кодификации // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы междунар. науч.-практ. конф., 25–26 сентября 2008 г., Нижний Новгород / под. ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. – Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России: ТПП Нижегород. обл., 2009.
7. Кабрияк, Р. Кодификации / пер. с фр. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2007.
8. Кудешкина, О.Б. Систематизация отечественного законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2002.
9. Лафитский, В.И. Конституционный строй США. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2011.
10. Лафитский, В.И. Основы конституционного строя США. – М.: НОРМА, 1998.
11. Михайлов, О.В. Систематизация нормативно-правовых актов как способ их совершенствования. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2003.

³⁸ Хабриева Т.Я. Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства. С. 33.

³⁹ По данному вопросу существуют и другие точки зрения. Так, А.С. Пиголкин предлагал принять специальный закон о подготовке полного и официального свода законов Российской Федерации, разработать государственную программу и методические документы. См. подробнее: Систематизация законодательства в Российской Федерации. С. 51–53.

⁴⁰ Кудешкина О.Б. Систематизация отечественного законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 129; Рахманина Т.Н. Кодификация законодательства. С. 135.

12. Петрова, Е.А. Система источников современного американского права (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.
13. Пулянов, В.З. Государственная регистрация и публикация правительственных и ведомственных нормативных актов в США. – М. : Министерство юстиции СССР : ВНИИ советского законодательства, 1977.
14. Рахманина, Т.Н. Кодификация законодательства. – М. : Юристъ, 2005.
15. Сивицкий, В.А. Проблемы систематизации правовых норм в Российской Федерации. – М. : Формула права, 2007.
16. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб. : Пресс, 2003.
17. Соминский, А.С. Понятие и формы систематизации советского законодательства (тезисы сообщения) // Научная сессия, посвященная теоретическим вопросам систематизации советского законодательства : тез. докл. и сообщ. / Всесоюз. ин-т юрид. наук. – М., 1961.
18. Хабриева Т.Я. Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника : материалы междунар. науч.-практ. конф., 25–26 сентября 2008 г., Нижний Новгород / под. ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. – Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России : ТПП Нижегород. обл., 2009.
19. About Code of Federal Regulations [Government Printing Office's Federal Digital System] [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.gpo.gov/help/index.html#about_code_of_federal_regulations.htm (дата обращения: 29.12.2015).
20. American Bank & Trust v. Dallas County, 463 U.S. 855 (1983).
21. Code of Federal Regulations [The U.S. National Archives and Records Administration] [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.archives.gov/federal-register/cfr/> (дата обращения: 29.12.2015).
22. Dove, R.B. Enactment of a Law. [Electronic resource]. – 1997. – Mode of access : <http://thomas.loc.gov/home/enactment/enactlaw.pdf> (дата обращения: 28.12.2015).
23. Federal Register Document Drafting Handbook, October 1998 Revision; Chapters 5 and 6, 2011 Revision. [The U.S. National Archives and Records Administration]. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.archives.gov/federal-register/write/handbook/ddh.pdf> (дата обращения: 29.12.2015).
24. Olson v. Mellon, 4 F. Supp. 947 (W.D. Pa. 1933).
25. Parliamentary Stages of a Government Bill. [Electronic resource]. – 2010. – FS No. L1. – Ed 3.7. – Mode of access : <http://www.parliament.uk/documents/commons-information-office/l01.pdf> (дата обращения: 28.12.2015).
26. Positive Law Codification in the United States Code [Electronic resource]. – Mode of access : http://uscode.house.gov/codification/positive_law_codification.pdf (дата обращения: 28.12.2015).
27. Preston v. Heckler, 734 F. 2d 1359 (9th Cir. 1984).
28. Royer's, Inc. v. United States, 265 F. 2d 615 (3rd Cir. 1959).
29. Sullivan, J.V. How Our Laws Are Made [Electronic resource]. – Washington : Government Printing Office, 2007 – Mode of access : <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CDOC-110hdoc49/pdf/CDOC-110hdoc49.pdf> (дата обращения: 28.12.2015).
30. U.S. National Bank of Oregon v. Independent Insurance Agents of America, 508 U.S. 439 (1993).
31. United States Statutes at Large [Electronic resource]. – 2010. – Vol. 124 [GPO's Federal Digital System]. – Mode of access : <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-124/pdf/STATUTE-124.pdf> (дата обращения: 28.12.2015).
32. United States v. Zuger, 602 F. Supp. 889 (D. Conn. 1984).
33. United States. v. Welden, 377 U.S. 95 (1964).
34. Whisner, M. The United States Code: Prima Facie Evidence and Positive Law // Law Library Journal. – 2009. – Vol. 101.

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ ДЕСТРУКТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ПРАВОВУЮ СРЕДУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ДЖАНАЗЯН Вагинак Грачинович,
ЧЕРДАКОВ Олег Иванович

Аннотация. В статье говорится о влиянии идеологических концептов деструктивного характера на российскую правовую среду. Отмечается роль идеологии террора в разрушении установленного правопорядка, сложившихся правоотношений, правовой культуры и правового менталитета граждан. Раскрывается значение современных средств коммуникации в распространении деструктивных идеологических установок.

Annotation. The article deals with the influence of ideological concepts of a destructive nature on the Russian legal environment. The author points out at the role of terrorist ideology in the destruction of the established legal order, existing legal relations, legal culture, and legal mentality. The article reveals significance of modern means of communication in the propagation of destructive ideology.

Ключевые слова: правовая среда, идеологические концепты, идеология террора, идеологическое пространство, деструктивная идеология, интернет-среда.

Keywords: legal environment, ideological concepts, terrorist ideology, the ideological space, destructive ideology, the Internet environment.

Правовая политика государства на теоретическом уровне находит отражение в правовой идеологии, которая формируется с целью овладения массовым сознанием населения для объединения и сплочения общества на основе сложившихся правовых ценностей. Правовая идеология обеспечивает ценностно ориентированное восприятие определенных жизненных ситуаций, приучает личность к анализу социально-политических явлений и процессов для дальнейшего интегрирования в социальную и правовую среду. Правовая идеология может реализовываться в виде четко сформулированных идеологических концептов, которые в определенных ситуациях способны скрывать подлинные интересы и цели государства.

По мнению М.А. Филипповой, «идеологические концепты отражают ценностно маркированное отношение к действительности с позиций определенной социальной группы, формируются в сфере официальной идеологии и внедряются в массовое сознание»¹. Автор четко определил роль идеологических концептов, отметив в них главное назначение – воздействие на массовое сознание.

Современная российская правовая среда представлена множеством официально признанных идеологических концептов, отражающих различные мировоззренческие позиции политически ангажированных сил. Например, концепт «демократия»² принадлежит к особому идеологическому типу концептов, имеет свою структуру и направлен на изменение мирового устройства посредством демократически настроенных сил, включающих и гражданское общество.

Концепт современного гражданского общества одни исследователи связывают с построением гражданской жизни, которая: а) неполитична и негосударственна; б) социальна; в) частноправна; г) активна; д) индивидуализирована. Основным условием формирования гражданского общества в современной России является установление статусного места гражданского капитала в структуре социума³. Другие ученые рассматривают концепт развития гражданского общества через призму глобалистских вызовов современности⁴.

¹ Филиппова М.А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. С. 5.

² Филиппова М.А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США). С. 4.

³ Доманов В.Г. Гражданское общество: современный концепт и перспективы его реализации в России : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2010. С. 4.

⁴ Галкина Е.В. Теоретические концепты гражданского общества и российская политическая практика // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 6 (14). URL : www.sisp.nkras.ru

Помимо сложившихся и принятых большинством членов нашего общества идеологических концептов, в последнее десятилетие в российское идеологическое пространство начали внедряться иные, чуждые или деструктивные идеологические установки. Это произошло по нескольким причинам. Во-первых, из-за нарастающего общественного скепсиса, основанного на отрицательном отношении к власти и чиновникам, погрязшим в коррупции и стяжательстве. Во-вторых, из-за неверия граждан в позитивную перспективу развития нашего государства. В-третьих, из-за политической близорукости власти. Пока коммунисты разбирались с буржуазией, а капиталисты пытались разделить мир, общество попало под влияние идеологии террора. В-четвертых, из-за усиления позиций религиозных экстремистских организаций. В-пятых, из-за массовой миграции населения из экономически отсталых стран в развитые европейские государства. В-шестых, из-за чрезмерного воздействия на сознание граждан средств массовой коммуникации, особенно социальных сетей, электронных СМИ и технологий информационного зомбирования. Все это позволило заполнить идеологическую нишу отрицательной энергией, направленной против всего человечества.

Под деструктивной идеологией можно рассматривать комплекс идеологических установок, направленных на разрушение устоявшихся правовых ценностей и дестабилизацию установленного правопорядка.

Л.А. Калинин считает, что деструктивная идеология – это система теорий, взглядов, норм, ценностей и методов, отражающая интересы определенной социальной группы, способствующая разрушению тех общественных отношений, которые необходимы в данных объективных условиях развития общества⁵. Автор делит идеологию на относительно деструктивную и абсолютно деструктивную. Под относительно-деструктивной идеологией он понимает идеологию, способствующую разрушению существующих общественных отношений. Абсолютно деструктивная идеология направлена на разрушение любых социальных связей и институтов, что исключает саму воз-

можность развития и функционирования общества⁶.

Мы не согласны с данной точкой зрения, так как считаем, что понятие «деструктивный» (лат. *destructivus*)⁷ означает разрушение, ведущее к уничтожению самого предмета, процесса или явления, в данном контексте – сложившейся идеологии.

Сама по себе идеология террора, так же, как либерализм, социализм, консерватизм, анархизм, капитализм, нацизм, национализм и др., представляет набор установок, которые могут быть реализованы при определенных социально-политических и правовых условиях. Фактически для включения идеологии в активную стадию необходимо сформировать социальную среду, готовую ее потреблять.

В отличие от идеологии терроризма, которая используется заинтересованными лицами «исключительно для морального оправдания своей античеловеческой деятельности», идеология террора служит в качестве социально-философской доктрины, определяющей вектор движения конкретных социальных групп, и напрямую связана с дестабилизацией социальной или этнополитической ситуации, с созданием хаоса посредством множественности конфликтов, способных изменить расстановку сил в отдельном государстве и определенных регионах мира.

Практика показывает, что идеология террора получила благоприятную почву, на которой взращиваются радикальные, теоретически обоснованные идейные установки, базирующиеся на применении насилия различными способами с целью достижения конкретных политических результатов. Идеология террора, в отличие от иных, основывается на принципах насилия ради насилия, обусловленного личностной или политико-идеологической мотивацией. В связи с этим идеология террора формирует специфическую ценностно-мотивационную систему, распространяющуюся в религиозной среде, интернете или медиaprостранствах.

В соответствии с действующим российским законодательством, в частности, ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ

⁵ Калинин Л.А. Деструктивная идеология как социальный феномен: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2007. С. 8–9.

⁶ Калинин Л.А. Деструктивная идеология как социальный феномен: социально-философский анализ. С. 11.

⁷ Исторический словарь галлицизмов русского языка. URL : http://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus (дата обращения: 26.01.2016).

«О противодействии терроризму» терроризм характеризуется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Основная опасность воздействия идеологических концептов террористической направленности состоит в разрушении основ правовой среды, а именно установленного правопорядка и сложившихся правоотношений. Из-за чрезмерного воздействия на социально активные слои населения, как правило, молодежь, проводники деструктивной идеологии добиваются мгновенного эффекта. Это в свою очередь создает условия для формирования конфликтных ситуаций между социальными слоями населения, определенными неформальными группами и властью. Как правило, каждый идеологический концепт формируется из расчета его применения во времени, пространстве и адресован конкретному кругу лиц.

Помимо идеологических теорий, терроризма к деструктивным идеологическим концептам можно отнести все антигосударственные, социально опасные и раскалывающие общество идеологические установки, сделанные в интересах миноритарных социальных групп, теоретически обоснованные, нацеленные на реализацию данных интересов неприемлемыми для всего общества методами⁸.

В нашем понимании деструктивные идеологические концепты формируются в социальном пространстве определенными недовольными слоями населения. Их недовольство мотивирует сторонников к расшатыванию сложившейся социально-правовой системы. При этом антагонистически настроенное меньшинство свою позицию выражает в форме заимствованных базовых элементов основополагающих учений, принятых в обществе. К деструктивным идеологическим концептам, получившим наибольшее распространение, можно отнести: а) антирелигиозную идеологию, имеющую радикальную форму выражения; б) ок-

культно-мистические учения, основанные на неприятии человеческих ценностей; в) радикальные политические учения; г) религиозные экстремистские учения; д) псевдонаучные учения, направленные на уничтожение человечества; е) националистическую идеологию; ж) идеологию отдельных субкультур и т. д.

Все перечисленные идеологические доктрины воплощаются в жизнь при условии неадекватной реакции государства и гражданского общества. В связи с этим особая роль отводится отдельным правовым институтам, выполняющим правоохранительные функции в правовой среде. По нашему мнению, миссия по защите общества от деструктивных идеологий должна реализовываться через профилактическую работу, основанную на взаимодействии правоохранительных органов с гражданским обществом, которое в современных условиях реализует свои гражданские права и обязанности в противодействии всяческим угрозам. Мониторинг социальных сетей – это одна из форм профилактической деятельности. Ограничение возможности экспорта враждебных, деструктивных доктрин может осуществляться при помощи контрпропагандистской деятельности, которая на данном этапе предана забвению.

В разработанной «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» говорилось, что основным каналом распространения деструктивной информации является Интернет. В п. 12 ч. 2 констатировалось, что «информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть “Интернет”, стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии»⁹.

В Стратегии особо отмечалась необходимость подавления не столько агрессивных проявлений экстремизма, сколько его идеологии, в том числе с помощью создания системы мониторинга и контрпропаганды.

⁸ Калинин Л.А. Деструктивная идеология как социальный феномен: социально-философский анализ. С. 11.

⁹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г., Пр-2753) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.01.2016).

Библиографический список

1. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г., Пр-2753) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.01.2016).
3. Галкина, Е.В. Теоретические концепты гражданского общества и российская политическая практика [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем : электронный научный журнал. – 2012. – № 6 (14). – Режим доступа : www.sisp.nkras.ru
4. Доманов, В.Г. Гражданское общество: современный концепт и перспективы его реализации в России : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Ростов н/Д, 2010.
5. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus (дата обращения: 26.01.2016).
6. Калинин, Л.А. Деструктивная идеология как социальный феномен: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Н. Новгород, 2007.
7. Филиппова, М.А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007.

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ¹

ДОРСКАЯ Александра Андреевна

Аннотация. В статье рассматривается отражение в правовой сфере государственно-конфессиональных отношений на различных этапах российской истории. Показано, что веками в России складывалась традиция взаимодействия государства и религиозных организаций по социальным, культурным вопросам, позже – в правозащитной сфере.

Annotation. The article deals with the question of how state-confessional relations at the various stages of Russian history have been reflected in the legal sphere. It is shown that for centuries in Russia evolved a tradition of cooperation between the state and religious organizations according to social, cultural issues, and later - in the field of human rights.

Ключевые слова: правовая традиция, государственно-конфессиональные отношения, религиозная организация, Церковь, церковные каноны, церковное право, социальное служение.

Keywords: legal tradition, state-confessional relations, religious organization, the church, church canons, ecclesiastical law, social service.

Одной из важнейших составляющих российской истории являются государственно-церковные (позже государственно-конфессиональные) отношения, предопределившие основные этапы развития не только российской государственности, но и правовой системы.

В государственно-конфессиональных отношениях в России очень много традиционного, сознательно воспроизводимого, причем это отражается и в деятельности государственных органов, и в общественном сознании.

Какие же аспекты государственно-конфессиональных отношений можно считать традиционными и, таким образом, практически не подлежащими изменению?

Во-первых, существует правовая традиция взаимодействия государства и различных конфессий. Отношения государства и религиозных организаций в России никогда не были безразличными. Можно выделить следующие периоды.

1. Придание конфессиональному фактору больше внешнеполитического, нежели внутреннего значения. Это отражалось в иерархии государственных и церковных институтов. Например, до 1448 г. существовала практика приезда русских митрополитов из Византии. Кро-

ме того, развитие русской правовой системы происходило под влиянием церковных норм, большинство из которых были восприняты во всех европейских странах. Как отмечает М.Ю. Варьяс, «по существу церковное право стало первой общеевропейской наднациональной системой права; институты и правовые процедуры, порожденные этой протосистемой, опередив национально-правовое регулирование по времени своего появления, легли в основу сформировавшихся позднее национальных правовых систем Европы»².

2. Постепенное становление православия как одной из идеологических и духовных основ российской государственности. Примеров такого взаимодействия государства и Церкви в российской истории можно найти великое множество. Это и поддержка русским митрополитом Макарием молодого великого князя, а позже первого русского царя Ивана IV в его борьбе против боярского правления, и попытки патриарха Гермогена организовать сопротивление полякам в начале XVII в., и т. д.

В данный период Русская православная церковь еще пыталась сдерживать натиск со стороны государства, и ей удавалось удерживать определенный паритет. Достаточно вспомнить события Большого Московского собора

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-03-00255 «Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния».

² Варьяс М.Ю. Церковное право в романо-германской правовой системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 3.

1666–1667 гг., участники которого 14 января 1667 г. должны были подписать подготовленный греческими иерархами соборный акт о низложении Никона. Однако Крутицкий митрополит Павел и Рязанский архиепископ Иларион отказались подписать соборный приговор, не согласившись с содержащимся в нем положением о приоритете светской власти по отношению к церковной. В ходе развернувшегося спора Павел и Иларион получили поддержку многих русских иерархов, представивших выписки из сочинений Отцов Церкви о превосходстве священства над царством и оспаривавших аргументы противной стороны. После длительных споров была выработана формула, выражающая принцип симфонии священства и царства: «Царь имеет преимущество в делах гражданских, а Патриарх – в церковных, дабы таким образом сохранилась целою и непоколебимою вовек стройность церковного учреждения»³. Это положение было включено в приговор, который подписали все члены Собора.

3. Придание Русской православной церкви статуса государственной в XVIII в. и формирование конфессиональной политики в отношении представителей инославных и иноверных исповеданий.

Если сначала можно говорить только о влиянии православия на формирование конкретных особенностей правовой традиции в России⁴, то с XVIII и, прежде всего, в XIX в. становление различных институтов права происходило под влиянием фактора многоконфессиональности⁵. Как отмечал Н.Д. Кузнецов, до Петра I «отношение русской государственной власти к делам иностранных исповеданий определялось двумя принципами: охранением господствующей православной веры и полным невмешательством во внутреннюю церковную жизнь прибывающих в Россию иностранцев. “Государю нашему до их веры дела нет”, – вот мысль, руководившая обыкновенно правительством по вопросам ино-

странных исповеданий»⁶. После придания Русской православной церкви через учреждение Святейшего синода статуса государственной необходимо было сформировать систему управления инославными и иноверными вероисповеданиями. Первой попыткой со стороны государственной власти установить управление делами иностранных исповеданий в России является учреждение в 1711 г. должности суперинтенданта, который осуществлял надзор за протестантской церковной жизнью. При Анне Иоанновне появилась Юстиц-коллегия лифляндских, эстляндских и финляндских дел. Екатерина II перешла к прямому законодательному регулированию различных сторон церковной жизни неправославных, издав «Регламент петербургской католической церкви 1769 г.» и «Манифест 1778 г. об учреждениях для восстановления согласия между членами петербургской реформатской церкви».

В XIX в. при Министерстве внутренних дел был создан Департамент духовных дел иностранных исповеданий, состоящий из двух отделений. К первому были отнесены дела римско- и армяно-католического исповеданий, а ко второму – дела армяно-григорианской и протестантских церквей, а также нехристиан. В ч. I т. IX Свода законов Российской империи были помещены «Уставы духовных дел иностранных исповеданий». Сама подведомственность показывала, что государственная власть жестко контролировала управление неправославными исповеданиями.

На интересный факт указывает американский профессор Пол Верт: «С 1770 до 1840 г. государство предоставило неправославным конфессиям больше обязанностей, прав и институциональных структур, чем уже имели православные. Тогда как православные получили “Духовный регламент” в 1721 г., римско-католики получили сравнимый документ в 1769 г., евангелическая лютеранская церковь и реформатская церковь – в 1832 г. <...> мусульмане Крыма – в 1831 г., калмыки-буддисты – в 1834 г., иудеи – в 1835 г., армяно-григорианская церковь – в 1836 г.»⁷.

«Управляя» вероисповеданиями, не имевшими статуса государственной церкви (кон-

³ Большой Московский собор 1666–1667 гг. // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL : <http://www.pravenc.ru/text/%D0%A1%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%B0%201666-1667%20%D0%B3%D0%B3%20.html> (дата обращения: 29.01.2016).

⁴ Пашенцев Д.А. Роль религии в формировании российской правовой традиции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 6 (293). С. 168–173.

⁵ Игнатъева М.В. Влияние религиозных норм на правовую систему России: история и современность // Правовая система России: традиции и инновации : материалы X Всерос. науч.-теорет. конф. : в 5 ч. / под общ. ред. Н.С. Нишнев. СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2013. С. 90–92.

⁶ Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии. Ярославль, 1898. С. 2.

⁷ Werth P.W. Schism Once Removed: State, Sects, and Meaning of Religious Toleration in Imperial Russia // Imperial Rule / ed by A. Miller, A. Rieber. Budapest, 2004. P. 86.

фессии), государственные органы России неминуемо сталкивались с необходимостью правового регулирования новых общественных отношений.

В такой ситуации менялся статус русского императора в Церкви. В «Духовном регламенте 1721 г.» фактически было закреплено следующее: 1) духовные нужды и управление оных духовный чин, так же, как и чин воинский и гражданский, составляют объект властного попечения монарха; 2) монарх своей волей учреждает орган, ведающий управлением духовного чина (Святейший синод); 3) монарх осуществляет свое властное попечение о церкви как власть государственная вместе с Сенатом. Павел I уже самостоятельно возложил себе на голову корону, надел далматик (одежда византийских императоров, очень сходная с саккосом архиереев) и порфиру⁸, затем провозгласил свой указ о русском монархе как главе Церкви. Как отмечает А.М. Величко, «в течение своего недолгого царствования этот император причащался по мирскому чину из чаши, но причащал себя сам, как иерей. В св. алтаре он принимал антидор и теплоту, после чего священники целовали ему руку. Эта процедура выдерживалась и при архиерейской службе, когда по канонам самостоятельно причащать себя может лишь первенствующий архиерей. То, что Павел причащался таким образом в присутствии епископа, свидетельствует о его претензиях на высший иерархический статус, что и отвечало его положению как главы Церкви»⁹.

4. Гонения на религиозные организации со стороны государства в 1917–1943 гг. Первым законодательным актом Советского государства, непосредственно относящимся к вопросам религии и религиозных организаций, стал Декрет Совета народных комиссаров от 23 января 1918 г. об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. В п. 3 Декрета закреплялось: «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры

или неисповедыванием никакой веры, отменяются»¹⁰. Однако на практике все было иначе. Как отмечает Л.В. Порватова, теперь «религиозные общества являлись частными, не пользующимися какими-либо преимуществами и субсидиями от государства»¹¹.

Декрет Совета народных комиссаров от 23 января 1918 г. стал определяющим в отношениях государства и Церкви на долгие десятилетия. Его принципы были положены в основу Постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.¹², которое с изменениями и дополнениями действовало до 1990 г.

5. Признание государством заслуг религиозных организаций в годы Великой Отечественной войны и переход к умеренной политике в отношении различных конфессий.

В сентябре 1943 г. состоялась историческая встреча И.В. Сталина с русскими митрополитами. В октябре этого же года был создан Совет по делам Русской православной церкви. Такое «потепление» отношений было вызвано не только участием, в том числе материальным, различных конфессий в помощи фронту, но и далеко идущими геополитическими планами советского руководства. И.В. Сталин считал, что Церковь должна помочь в усилении влияния в странах Восточной Европы, где религиозный фактор всегда играл огромную роль.

Открытых гонений государства на религиозные организации в этот период не было, но атеизм считался одной из мировоззренческих ценностей советского общества. Большинство нормативных документов, регламентирующих отношения государства и религиозных объединений, были недоступны общественности. Например, систематизированный сборник «Законодательство о религиозных культах» (М., 1971) был издан с грифом «Для служебного пользования» и предназначался только для ра-

¹⁰ Декрет Совета народных комиссаров от 23 января 1918 г. об отделении Церкви от государства и школы от Церкви // Русская православная церковь в советское время (1917–1991 гг.) / сост. Г. Штриккер. М.: Прописи, 1995. Кн. 1. С. 113–114.

¹¹ Порватова Л.В. Особенности взаимоотношений государства и церкви в период становления советской власти // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 1. С. 133.

¹² Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. 18 мая. № 35. Ст. 353.

⁸ Манифест «О назначении коронации Императора Павла I и Императрицы Марии Фёдоровны в Москве в апреле месяце 1797 г.» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. № 17659. С. 243–244.

⁹ Величко А.М. Церковь и император в византийской и русской истории. СПб., 2006. С. 84.

ботников Советов народных депутатов, уполномоченных Совета по делам религии, судебно-прокурорских работников.

6. Переход к партнерским отношениям государства и религиозных организаций, основой которых стало сотрудничество в социальной¹³, правозащитной¹⁴, культурной¹⁵ и других сферах. На современном этапе встречается и расширенное понимание партнерства. Так, О.Ф. Лобазова отмечает, что «государство в поисках политического союза с религиозными организациями оказывает им материальную поддержку через выделение бюджетных средств на восстановление памятников истории и культуры, создание внебюджетных фондов и установление льготного финансового режима для восстанавливаемых объектов. Государство активно выстраивает сотрудничество с религиозными организациями и по другим направлениям. В результате этого сотрудничества стороны надеются на укрепление обстановки веротерпимости в обществе, на повышение уважения к организационным структурам традиционных религий. Кроме того, органы власти не могут не рассчитывать на повышение собственного престижа в глазах граждан, на повышение доверия к себе и, следовательно, укрепления своей стабильности»¹⁶.

Во-вторых, в Древней Руси, а затем в России всегда существовал определенный регулятивный дуализм, поскольку, наряду с правовыми нормами, действовали нормы религиозные. Как справедливо пишет М.А. Шестопалов, «специфика государственно-церковных отношений состоит не только в составе участников отношений, но и в том, что отношения между ними регулируются нормами как светского, так и канонического (церковного) права»¹⁷.

¹³ Зубанова С.Г. Концепт «социальное служение» в современном языковом пространстве России // Социокультурные концепты в социальной работе : сб. науч. и учеб.-метод. ст. М. : РГСУ, 2015. С. 84–101.

¹⁴ Игнатъева М.В. Государственно-конфессиональные отношения и правовой статус человека: теоретико-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2012. № 12 (55). С. 157–159.

¹⁵ Петрова Е.Е. Международно-правовая защита культурных прав человека // Международное право: ретроспективный анализ современных проблем : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф. / под ред. А.А. Дорской. СПб. : Астерион, 2014. С. 86–88.

¹⁶ Лобазова О.Ф. Практика регулирования государственно-церковных отношений в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7–4 (38). С. 27.

¹⁷ Шестопалов М.А. К вопросу о моделях государственно-церковных отношений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 2 (18). С. 102.

Если сначала можно говорить только о византийском каноническом праве, которое было воспринято Русью вместе с христианством, то уже в удельный период разграничить византийские и русские нормы было уже очень сложно. Как отмечает, например, А.С. Переверзев, характеризуя Псковскую судную грамоту, «определить в точности степень влияния византийского элемента на ПСГ представляется делом чрезвычайно трудным, так как ко времени составления ПСГ некоторые начала византийского права проникли в самую глубь народной жизни и, будучи переработаны в недрах этой последней, слились с началами русскими до такой степени, что разграничить их в некоторых случаях представляется делом очень сложным»¹⁸.

Постепенно формировался русский «сегмент» канонического права Русской православной церкви, ярко проявившийся, например, в решениях Стоглавого собора 1551 г.

В России с конца XVIII в. наравне с другими отраслями российского права стало формироваться церковное право, представлявшее собой совокупность правовых норм, определяющих статус церквей, а также права и обязанности духовного сословия, подданных (граждан) в зависимости от отношения к ним. Церковное право включало в себя каноническое право и государственные установления в отношении религиозных организаций. Системе церковного права составляли: 1) внешнее право Церкви, содержащее вопросы правового регулирования взаимоотношений с государством и другими церквями и религиозными союзами; 2) внутреннее право Церкви, включающее проблемы устройства Церкви (вступление в Церковь, личный состав церковного общества, органы церковной власти) и церковного управления (церковно-процессуальные вопросы, освящающие власть Церкви, церковно-имущественное право).

Несмотря на то, что процесс формирования церковного права в России был прерван событиями 1917 г., на современном этапе снова можно говорить об определенном регулятивном дуализме. Основой взаимодействия правовых и религиозных норм стала сфера защиты прав человека. По большому количеству

¹⁸ Переверзев А.С. Византийское право как источник Псковской судной грамоты // Юридическая наука. 2015. № 3. С. 24.

вопросов системы юридических и религиозных норм согласуются друг с другом. Вместе с тем возникают и коллизии. Например, священнослужители используют при служении литургии и совершении церковных таинств среди осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, церковное вино, однако это запрещено Приказом Министерства юстиции РФ от 3 ноября 2005 г. № 205 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений»¹⁹.

В-третьих, государственно-конфессиональные отношения традиционно развивались в контексте международных событий, причем, как уже отмечалось выше, в трудные времена противостояния Золотой Орде, Смуты, Великой Отечественной войны неизменно происходило сближение государства с религиозными организациями.

Не является исключением и XXI в. Глобализационные процессы и различные формы их проявления стали новым вызовом для государственно-конфессиональных отношений, так как, по мнению специалистов, «существует несомненное противоречие между глобализацией и правовой традицией. Глобализация заставляет национальную правовую систему меняться, приспосабливаться под чуждые ей образцы, развиваться по пути унификации. Правовая традиция, напротив, отрицает универсализм, она ориентирует на сохранение исторической специфики в развитии права и его базовых характеристик»²⁰.

Религиозные организации современной России реагируют на новые условия в контексте государственных интересов. Так, например, в разд. XVI Основ социальной концепции Русской православной церкви 2000 г. дается следующая характеристика международных отношений и их регулирования: «...Глобализация имеет не только политико-правовое, но также экономическое и культурно-информационное измерения...

Признавая неизбежность и естественность процессов глобализации, во многом способствующих общению людей, распространению

информации, эффективной производственно-предпринимательской деятельности, Церковь в то же время обращает внимание на внутреннюю противоречивость этих процессов и связанные с ними опасности. Во-первых, глобализация, наряду с изменением привычных способов организации хозяйственных процессов, начинает менять традиционные способы организации общества и осуществления власти. Во-вторых, многие положительные плоды глобализации доступны лишь нациям, составляющим меньшую часть человечества, но имеющим похожие экономические и политические системы...

Духовной и культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией, необходимо противопоставить совместные усилия Церкви, государственных структур, гражданского общества и международных организаций ради утверждения в мире подлинно равноправного взаимообразного культурного и информационного обмена, соединенного с защитой самобытности наций и других человеческих сообществ...»²¹.

Таким образом, позиция Русской православной церкви относительно глобализационных процессов учитывает государственные интересы, защищая при этом религиозное мировоззрение.

В-четвертых, традиционной является помощь государству со стороны религиозных организаций в осуществлении социальной функции. Основы данной традиции были заложены еще в Древней Руси. Как отмечает В.А. Якушев, «в 996 году Владимир Святой (980–1014) назначил на содержание соборной десятинной церкви десятую часть своих доходов, что закреплялось в утвержденном им церковном уставе. Это послужило материальной основой оказания церковью благотворительной помощи неимущим, больным и т. д. Закреплялась церковная обязанность по оказанию благотворительной помощи нуждающимся... В подчинении церкви находились духовные и благотворительные учреждения, в состав которых входили монастыри, больницы, странноприимные дома, богадельни. Однако следует отметить, что весь этот разнообразный состав

¹⁹ Морозов А.С. Правовое и религиозное поведение в пенициарной сфере: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. С. 27.

²⁰ Пашенцев Д.А. Правовые традиции России и развитие международных экономических организаций // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 3 (19). С. 26–27.

²¹ Основы социальной концепции Русской православной церкви 2000 г. / Русская православная церковь. Отдел внешних церковных связей. URL : <http://www.mospat.ru/ru/documents/social-concepts/xvi/> (дата обращения: 29.01.2016).

церковного ведомства определен в уставе Владимира лишь общими признаками, даже намеками; церковные дела и люди обозначены краткими и сухими перечнями»²².

На современном этапе функция социального служения по-прежнему является одной из важнейших для религиозных организаций, так как Российскому государству трудно самостоятельно справиться с «лавинной социальных проблем»²³. С.Г. Зубанова, которая является одним из основоположников изучения истории социального служения Русской православной церкви, дает ему следующее определение: «...это безвозмездная и бескорыстная социальная деятельность человека (или группы людей), общественной организации или какого-либо другого добровольного объединения единомышленников, Церкви, нацеленная на оказание социальной помощи нуждающимся в различных направлениях (духовно-нравственном, психологическом, воспитательном, исправительном, трудовом, образовательном, культурно-просветительском и проч.), реализующихся в различных ее видах (борьба с нищенством, попрошайничеством и тунеядством; противодействие безграмотности и безпризорности; помощь инвалидам, больным, раненым; помощь вдовам и сиротам, а также священнослужителям, ушедшим “на покой”; повышение духовно-нравственной культуры и общества и проч.), которые в свою очередь воплощаются в жизнь в определенных органи-

зационных формах (церковно-приходские школы, воскресные школы; православные гимназии; православные издательства; трудовые артели; богадельни и приюты для престарелых и немощных; дома трудолюбия; сиротские дома; общества любителей духовной поэзии, музыки и проч.)»²⁴.

Таким образом, веками складывавшаяся в России традиция взаимодействия государства и религиозных организаций не только сохраняется, но и развивается. Как и раньше, в современном законодательстве есть прямые ссылки на церковные каноны религиозных организаций (например, в Федеральном законе от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»), которые в свою очередь включают в свои уставные и программные документы положения о сотрудничестве с государством. Российский опыт показывает, что государственно-конфессиональные отношения могут быть построены только на началах равноправия, поскольку опасны как подчинение религиозных организаций государству (в случае системного кризиса происходит разрушение и государственных, и религиозных структур), так и обратная ситуация, которая может нарушить согласие в многонациональной и многоконфессиональной стране.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Декрет Совета народных комиссаров от 23 января 1918 г. об отделении Церкви от государства и школы от Церкви // Русская православная церковь в советское время (1917–1991 гг.) / сост. Г. Штриккер. – М. : Пропилеи, 1995. Кн. 1.
3. Манифест «О назначении коронации Императора Павла I и Императрицы Марии Фёдоровны в Москве в апреле месяце 1797 г.» // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – СПб., 1830. – № 17659.
4. Большой Московский собор 1666–1667 гг. // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravenc.ru/text/%D0%A1%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%B0%201666-1667%20%D0%B3%D0%B3%20.html> (дата обращения: 29.01.2016).

²² Якушев В.А. Правовое регулирование благотворительности в Древнерусском государстве и Руси в период удельной раздробленности // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 34.

²³ Семашко А.Г. Предисловие к монографии // Зубанова С.Г., Патулина Н.Д., Рузанова Н.П. Социальное служение Церкви: связь традиции с современностью. М. : Лица, 2012. С. 10.

²⁴ Зубанова С.Г. Социальное служение : учеб. пособие. М. : Лица, 2012. С. 9.

5. Варьяс, М.Ю. Церковное право в романо-германской правовой системе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997.
6. Величко, А.М. Церковь и император в византийской и русской истории. – СПб., 2006.
7. Зубанова, С.Г. Концепт «социальное служение» в современном языковом пространстве России // Социокультурные концепты в социальной работе : сб. науч. и учеб.-метод. ст. – М. : РГСУ, 2015.
8. Зубанова, С.Г. Социальное служение : учеб. пособие. – М. : Лика, 2012.
9. Игнатьева, М.В. Влияние религиозных норм на правовую систему России: история и современность // Правовая система России: традиции и инновации : материалы X Всерос. науч.-теорет. конф. : в 5 ч. / под общ. ред. Н.С. Нижник. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2013.
10. Игнатьева, М.В. Государственно-конфессиональные отношения и правовой статус человека: теоретико-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 12 (55).
11. Кузнецов, Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии. – Ярославль, 1898.
12. Лобазова, О.Ф. Практика регулирования государственно-церковных отношений в России // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 7-4 (38).
13. Морозов, А.С. Правовое и религиозное поведение в пенитенциарной сфере: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2015.
14. Основы социальной концепции Русской православной церкви 2000 г. [Электронный ресурс] / Русская православная церковь. Отдел внешних церковных связей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mospat.ru/ru/documents/social-concepts/xvi/> (дата обращения: 29.01.2016).
15. Пашенцев, Д.А. Правовые традиции России и развитие международных экономических организаций // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2015. – № 3 (19).
16. Пашенцев, Д.А. Роль религии в формировании российской правовой традиции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 6 (293).
17. Переверзев, А.С. Византийское право как источник Псковской судной грамоты // Юридическая наука. – 2015. – № 3.
18. Петрова, Е.Е. Международно-правовая защита культурных прав человека // Международное право: ретроспективный анализ современных проблем : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф. / под ред. А.А. Дорской. – СПб. : Астерион, 2014.
19. Порватова, Л.В. Особенности взаимоотношений государства и церкви в период становления советской власти // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 1.
20. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – 1929. – 18 мая. – № 35. – Ст. 353.
21. Семашко, А.Г. Предисловие к монографии // Зубанова С.Г., Патюлина Н.Д., Рузанова Н.П. Социальное служение Церкви: связь традиции с современностью. – М. : Лика, 2012.
22. Шестопалов, М.А. К вопросу о моделях государственно-церковных отношений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2015. – № 2 (18).
23. Якушев, В.А. Правовое регулирование благотворительности в Древнерусском государстве и Руси в период удельной раздробленности // Юридическая наука. – 2015. – № 4.
24. Werth, P.W. Schism Once Removed: State, Sects, and Meaning of Religious Toleration in Imperial Russia // Imperial Rule / ed by A. Miller, A. Rieber. – Budapest, 2004.

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ И СМЫСЛОВОЙ АСПЕКТЫ ТОЛКОВАНИЯ НАМЕРЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

НЕДИЛЬКО Юлия Викторовна

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию необходимости учета намерений законодателя в процессе толкования и применения права. Указывается, что по данному вопросу наиболее оживленными являются дебаты английских и американских правоведов. Намерения законодателя могут потерять свою актуальность с течением времени. Но во многих случаях именно их выявление способствует пониманию смысла правовой нормы и позволяет достичь положительного воздействия права на общественные отношения.*

***Annotation.** The article investigates the necessity to take into account legislator's intentions in the course of interpretation of law and law enforcement. The author points out that disputes on this issue seem to be the liveliest among English and American jurists. The legislator's intentions may eventually lose their relevance. However, in many cases it is their identification that promotes understanding the essence of a precept of law and allows reaching positive impact of the law on public relations.*

***Ключевые слова:** толкование права, правоприменение, намерение законодателя, смысл нормы права, система общего права, телеологический способ толкования права.*

***Keywords:** interpretation of law, law enforcement, legislator's intention, the essence of a precept of law, system of common law, teleological way of interpretation of law.*

Исследования в сфере толкования права показывают, что одним из аспектов, подвергающихся пристальному вниманию со стороны исследователей, является вопрос об учете намерений законодателя в процессе интерпретации и применения права. Особенно активно эти споры разворачиваются в английской и американской юридической литературе.

В американской юридической науке указанная проблема в основном связана с дискуссией между сторонниками «живой» Конституции и так называемыми «оригиналистами» – сторонниками первоначального, «истинного» ее понимания. Очевидно, что данная дискуссия носит в большей мере политический, чем научный характер, поскольку затрагивается судебное толкование Конституции. Однако с точки зрения правовой науки дискуссия о намерениях законодателя имеет большее отношение к юридической технике, чем к принципу законности, так как своей целью имеет допустимость расширительного толкования намерений законодателя.

Следует иметь в виду, что намерение – термин неточный, он может включать в себя как телеологический аспект (понятие цели), так и смысловой (понятие концепции)¹. Иначе говоря, намерение можно понимать и как цель, достижению которой призван служить толкуемый нормативный акт, и как смысл, который

законодатель заложил в употребляемые в законе слова и выражения. Оба эти значения могут приводить к различной интерпретации:

1) телеологическое толкование (т. е. здесь объем толкования ограничен целями принятия нормативного акта – экономическими, политическими, социальными); в этом случае должно быть исключено разночтение между «буквой» и «духом» закона;

2) всестороннее раскрытие смысла закона на основе анализа употребляемых в нем слов и выражений, связанное с применением различных способов толкования.

В этой связи Дж. Рац разделяет условную и бережную интерпретацию. Условная стремится объяснить смысл нормы с точки зрения интерпретатора, а бережная – с точки зрения автора закона, что представляется Рацу не очень надежным способом, поскольку воззрения интерпретатора не всегда совпадают с точкой зрения законодателя, а объект и цели закона могут иметь совсем иной смысл. Кроме этого, есть вероятность того, что смысл, который приобретает текст применительно к конкретной ситуации, будет отличаться от того значения, которое он имел для его автора.

В отношении позиции, согласно которой правильным является лишь то толкование, которое отражает намерение автора, Рац употребляет понятие «радикальное намерение», однако считает его крайностью.

Следует отметить, что в системе общего права тезис радикального намерения способствует разграничению воли законодателя, изло-

¹ Landis J.L. A Note on "Statutory Interpretation" // Harvard Law Review. 1930. No 43 (6). P. 888.

женной в нормах права, и воли судьи, интерпретировавшего эти нормы по своему усмотрению и посредством прецедента фактически создающего новую норму. Именно создавая прецедент, судья должен ориентироваться на намерение законодателя, хотя здесь имеет значение еще и время принятия нормы или прецедента, на которые ориентируется современный судья: намерения, актуальные ранее, на сегодня могут утратить свою значимость. Появляются другие цели и приоритеты законодательства, на которые и следует ориентироваться. В связи с этим следует согласиться с Рацем, который считает, что понимание намерений законодателя не всегда означает понимание целей законодательства. Законодатель, принимая норму, должен учитывать эволюцию общественных отношений и права и в соответствии с этим ясно излагать цель закона в правовых нормах. Это облегчит задачу правоприменителя. Зная о намерениях законодателя, последний будет толковать правовую норму так, чтобы ее реализация обеспечила достижение определенной цели, которой пытался достигнуть субъект правотворчества. Поэтому толкование «старых законов» как раз и является тем случаем, когда учет намерений законодателя может быть поставлен под угрозу. Юридическая сила закона не может «наследовать» властную силу его создателей².

Однако здесь следует отметить, что есть нормы, которые могут сохранять свою актуальность на протяжении веков и тысячелетий и к которым относятся, например, нормы, запрещающие убийство. Здесь учет целей и намерений законодателя будет актуален вне зависимости от времени существования такой нормы. Совсем иное – это нормы, потерявшие свою актуальность со временем. В таких случаях ясно, что реализация нормы не гарантирует исполнение намерений законодателя.

С точки зрения Раца, нужно учитывать, что в некоторых случаях плюрализм толкования является неизбежным. Прежде всего это касается туманных и неопределенных терминов и формулировок, невзирая на которые судья должен разрешить спор. В этом случае ориентироваться на намерение законодателя затруднительно, и судья принимает решение по своему усмотрению, что, в сущности, может являться установлением новых правил толкования, не основанных на авторитетном мнении законодателя. То же самое происходит и при

разрешении споров в случае наличия пробела в праве. В таких случаях следует исходить из следующего правила: «Все, что не запрещено законом, разрешено».

Некоторые авторы, исследуя данную проблему, указывали на возможность конкуренции между собой телеологического и смыслового аспектов толкования. К таким исследователям относится, например, Ф. Беннион. Предлагая свою классификацию правил толкования, он отмечал, что, хотя интерпретация и должна соответствовать намерениям законодателя³, существуют случаи, когда, соблюдая эту норму, невозможно прийти к однозначному толкованию. Поэтому нужно рассматривать возникшую проблему с разных сторон и решать ее с учетом значимости каждого из результатов такого рассмотрения⁴.

Согласно Бенниону наиболее полно намерениям законодателя соответствуют выводы, полученные с помощью телеологического способа толкования. При этом цель может быть заложена не только в нормативном акте, но и в судебном решении⁵ при условии, что она не явствует из законодательства. В противном случае суд обязан учитывать намерения законодателя, даже если он не согласен с ними или считает их несправедливыми, но при условии, если судья уверен, что субъект правотворчества действительно желал результата, который будет достигнут применением телеологического толкования⁶.

Описываемая Беннионом презумпция оценки результатов толкования предполагает следующее: замысел законодателя состоит в том, что суды, принимая во внимание взаимосвязь фактов рассматриваемого дела и оценивая, какое из противостоящих толкований закона соответствует замыслу законодателя, должны взвешенно подходить к юридической оценке последствий реализации каждой из возможных интерпретаций как для сторон по делу, так и для правоприменения в целом, а также для всего законодательства. Если конкретное толкование может повлечь неблагоприятные результаты, это является поводом для того, чтобы избрать иную интерпретацию. Закон не может быть истолкован, исходя из его буквального смысла, если эффект от реализации такого толкования будет противоречить замыслу законодателя⁷.

³ Bennion F. *Statutory Interpretation*. 1990. P. 99.

⁴ R v Schildkamp. 1971. AC 1, 23.

⁵ Dudley and District Building Society v Emerson. 1949. Ch. 707, 715.

⁶ Duport Steels Ltd v Sirs. 1980. 1 WLR 142, 168.

⁷ Mustill J in R v Committee of Lloyd's, ex parte Moran // *The Times*. 1983. 24 June.

² Raz J. *On the Nature of Law // Between Authority and Interpretation*. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 122.

При этом Беннион декларирует факт существования презумпции устранения законодательных ошибок, согласно которой законодатель презюмирует применение судом толкования, исправляющего имеющиеся ошибки в формулировке закона там, где это необходимо, и таким образом претворяющего в жизнь намерения законодателя. Иногда судья оказывается между двух огней, пытаясь приложить максимум усилий, чтобы реализовать намерение законодателя, при этом не отступив от принципа справедливости. К случаям, требующим корректирующего толкования, можно отнести наличие искажений или повреждений в тексте, которые могут возникать вследствие пропуска нужного слова, наличия лишних или ошибочных слов, опечаток или пунктуационных ошибок. Суды обязаны исправить такие искажения с тем, чтобы текст обрел смысл, заданный законодателем.

Важность учета намерений законодателя в интерпретационной деятельности подчеркивается также английскими правоприменителями в ходе рассмотрения дел. Так, судья Парк в 1836 г. при рассмотрении дела *Becke v Smith* высказался в пользу того, что «при толковании статута очень полезно придерживаться обычного значения употребленных слов и их грамматической конструкции, если это не идет вразрез с намерением законодателя, о котором говорит само содержание статута, или не ведет к какому-нибудь очевидному абсурду и непоследовательности, во избежание чего стиль языка может быть изменен или модифицирован, но не более того»⁸.

Приведенные точки зрения признают важность учета намерений законодателя в интерпретационной деятельности, но не придают ему главенствующей роли. Следовательно, законодательные намерения здесь представляются в качестве одного из факторов, способствующих правильной интерпретации, а не решающего аспекта, полностью определяющего ее результат.

Ряд исследователей отвергают необходимость ссылаться на намерения законодателя при толковании⁹ в пользу поиска истинного смысла нормы права, реализация которого позволила бы ей положительно воздействовать на общественные отношения. В данном случае нужно обращать внимание на то, что текстуальное выражение закона формировалось в определенный исторический период¹⁰, и иметь это обстоя-

тельство в виду при осуществлении интерпретации и правоприменения.

В зависимости от признания необходимости обращаться при толковании права к намерениям законодателя зарубежные исследователи данной проблемы разделились на приверженцев интенционализма и сторонников теории необходимости признания намерения, основанного на авторитете власти.

Интенционалисты считают, что интерпретация должна основываться на точке зрения правоприменителя. В основном это американские и английские правоведы, ставящие во главу принцип демократии во всех сферах государственной и общественной жизни, в том числе и в области толкования права. Демократия в толковании правовых норм заключается, по их мнению, именно в признании права интерпретатора осуществлять трактовку нормы в соответствии с собственными позициями. Необходимость выяснения намерений законодателя, с точки зрения интенционалистов, ограничивает это демократическое право и ставит интерпретатора в жесткие рамки. Кроме этого, учет намерений законодателя, по мнению интенционалистов, означает нарушение принципа ограничения органов власти нормами права, характерного для правового государства. О реальном верховенстве права можно говорить лишь в том случае, когда его авторитет не зависит от позиции властных органов.

Как отмечают некоторые авторы, не следует целиком и полностью полагаться на телеологический способ толкования, поскольку есть вероятность того, что смысл, который приобретает текст, будет отличаться от значения, которое он имел для его автора¹¹. Задачей интерпретатора является поиск наиболее значимых аспектов закона, дающих основания обратиться к нему с целью урегулирования конкретной ситуации и достижения конкретных правовых результатов, а не намерений законодателя, отличающихся от значения, которое на самом деле несет в себе нормативный акт. Однако при этом отмечается, что не следует всегда игнорировать намерения законодателя при толковании норм права¹².

Сторонники теории намерения, основанного на авторитете власти, напротив, считают, что законодатель, принимая правовой акт, пытался решить конкретные задачи, поэтому учет его намерений при толковании необходим. Кроме этого, правовой акт не возникает сам по себе, а принимается народом на референдуме, законодатель-

⁸ Уолкер Р. Английская судебная система. М., 1980. С. 130.

⁹ Marmor A. Interpretation and Legal Theory. Portland : Hart Publishing, 2005. Ch. 9.

¹⁰ Scalia A. A Matter of Interpretation. Princeton, 1997. P. 27, 38.

¹¹ Marmor A. Interpretation and Legal Theory. P. 85.

¹² Ibid. P. 89.

ными, исполнительными и другими компетентными органами, поэтому авторитет закона неотрывен от авторитета органов власти, вследствие чего невозможно признание авторитета нормы права и одновременное отрицание авторитета субъекта правотворчества, а теория интенционализма, по их мнению, сводится именно к этому.

Так, Р. Познер утверждает, что одним из ограничений суда при толковании является установление необходимости учитывать намерения составителя закона. Таким образом, толкование правовых норм всегда будет вращаться вокруг необходимости раскрытия смысла нормативного акта, вложенного в него законодателем. С. Фиш же выступает против тезиса о том, что любое толкование обязательно должно соответствовать авторскому намерению. Для того чтобы понять смысл любого текста, необходимо предполагать, что его автор высказывал определенную мысль, а не просто набор слов, что различные тезисы текста взаимосвязаны между собой и в каждом из них заложен единый смысл. В связи с этим пытаться определить суть текста в отрыве от намерений автора неправильно. Как считает Фиш, вначале приходит намерение, а лишь потом – смысл. Однако это не значит, что интерпретатор всегда обязан следовать намерениям законодателя. Он должен просто иметь в виду, что текст закона был сформулирован с целью создать определенный нормативный акт¹³. Раскрытие намерения можно считать прединтерпретацией, т. е. еще не собственно толкованием.

Приверженцем «умеренного» интенционализма является А. Мармор, считающий, что в случае проблем при интерпретации нормы права судьям необходимо обращаться к выяснению намерений законодателя. Это объясняется наличием у последнего властных полномочий и знаний, на которые он опирался при разработке закона¹⁴.

Подобной же позиции придерживается Л. Александер, согласно точке зрения которого при толковании следует иметь в виду, что текст закона имеет значение, вложенное в него автором, следовательно, и слова, использованные в данном тексте, следует понимать исходя из позиции его автора – законодателя, а не то, какое они имеют в словаре¹⁵.

Такая концепция стала предметом жесткой критики со стороны Дж. Уолдрона, считавшего, что выяснение намерения законодателя несет в себе антидемократический характер, поскольку делает невозможным обсуждение и коллективный поиск оптимального решения: обращение к намерению законодателя означает, что такое решение уже существует, оно императивно и не допускает учета иных мнений. Кроме этого, Уолдрон полагал, что авторитет закона не зависит от намерения законодателя: в любом случае закон остается законом. Нельзя также утверждать, что законодатель, принимая закон, имел в виду его применение к тем же ситуациям, с которыми столкнулся правоприменитель. В связи с этим намерение законодателя нельзя считать «жесткой» формулировкой, не допускающей иных толкований. Эта концепция созвучна с точкой зрения Х. Херд, которая уверена, что власть закона заключена в его тексте, а не в его авторах¹⁶.

В свою очередь такая позиция означает признание авторитета закона одновременно с отрицанием авторитета его автора, т. е. законодателя. К тому же это не позволяет учитывать, что иногда законодателя к принятию нормы определенного смысла подталкивают конкретные причины.

Однако и Уолдрон в конечном итоге не стал окончательно отвергать важность учета намерений законодателя в процессе толкования и посчитал, что:

- 1) целесообразно учитывать намерение законодателя, когда нормативный акт был принят не коллегиально, а единолично;
- 2) если интерпретатор решится обратиться к выявлению намерений коллегиального субъекта правотворчества, то он должен принять во внимание только намерение тех субъектов, которые проголосовали за данный акт.

Однако учет данных аспектов также не гарантирует того, что намерение будет четко установлено, и причин тому несколько. Прежде всего, индивид может иметь несколько намерений, иногда даже противоположных. Какое из них следует учитывать при толковании и правоприменении? Члены парламента могут публично обуславливать свое голосование за закон служением высоким идеалам, тогда как на самом деле руководствовались сугубо личными интересами.

Обращая внимание на трудность выявления действительных намерений законодателя, Мар-

¹³ Fish S. *Doing Is There a Text in This Class*. Cambridge : Harvard University Press, 1980. Ch. 13.

¹⁴ Marmor A. *Interpretation and Legal Theory*. P. 135 ; Idem. *Positive Law and Objective Values*. Oxford, 2001. P. 90–91.

¹⁵ Alexander L. *All or Nothing at All? // Law and Interpretation: Essays in Legal Philosophy* / ed. by A. Marmor. Oxford, 1995. P. 357–404.

¹⁶ Hurd H. *Interpreting Authorities // Law and Interpretation: Essays in Legal Philosophy* / ed. by A. Marmor. Oxford, 1995. P. 405.

мор считает, что достаточно истинными являются те из них, которые проявляются в поступках, партийной программе и идеологических спорах¹⁷. Однако даже здесь не всегда демонстрируется истинное намерение законодателя.

Определение намерений законодателя – действительно дело крайне сложное, которое не исключает ошибок. Даже сам законодатель, столкнувшийся с новой для него ситуацией, не всегда в состоянии сформулировать свое намерение.

Представляется, что вопрос о необходимости учета намерений законодателя при толковании и применении права имеет два основных способа разрешения:

1. Официальное формирование методов или канонов интерпретации, в соответствии с которыми обращение к намерениям законодателя будет допустимым, если норму невозможно истолковать, придавая словам и выражениям обычный, распространенный смысл. Вопрос в том, нужно ли в этом случае обратиться к выяснению намерений законодателя или следует применить определенные технические приемы толкования; необходимо ли при их отсутствии ссылаться только на законодательную работу парламентариев или следует учитывать и иные, в том числе подготовительные; нужно ли учитывать работу комиссий и дебаты, предшествующие принятию текста. В целом формула разрешения данной проблемы была сформулирована Дж. Уолдроном: в случае необходимости обращения к целям законодателя необходимо исследовать взгляды, цели и идеи, не содержащиеся в тексте самого закона¹⁸. Здесь обращение к намерениям законодателя проявляется как метод интерпретации.

2. Второй способ разрешения основан на том, что намерение законодателя является не методом, а признаком и особенностью толкования права. Данную проблему исследовали Р. Познер и С. Фиш¹⁹. Намерение законодателя призвано ограничивать интерпретацию в отличие от иных форм толкования. Вопрос здесь не в том, известны ли интерпретатору намерения законодателя, а в том, в каких условиях формируются эти намерения, в какой интерпретации намерение законодателя может ограничивать смысл нормы. Если цель и замысел законодателя предшествуют формированию текста, для понимания его смысла выяснение этого замысла является обязательным. Однако в таком случае неясно, что следует предпринять, если текст не мог охватить всех намерений законодателя.

В любом случае считаем, что власть субъекта правотворчества находится в единстве с властью правоприменителя: законодатель устанавливает определенное правило поведения и придает ему юридическую силу, но реализация права происходит посредством осуществления властных полномочий правоприменителя в соответствии с его интерпретацией права. Таким образом, говорить о жизнеспособности права можно только при условии гармоничного взаимодействия субъектов правотворчества и правоприменения. Поиск смысла нормы, несомненно, важен для правильного толкования и применения нормативного акта, но очень часто именно обращение к намерениям законодателя позволяет точно его определить.

Библиографический список

1. Уолкер, Р. Английская судебная система. – М., 1980.
2. Alexander, L. All or Nothing at All? // *Law and Interpretation: Essays in Legal Philosophy* / ed. by A. Marmor. – Oxford, 1995.
3. Bennion, F. *Statutory Interpretation*. – 1990.
4. *Dudley and District Building Society v Emerson*. – 1949.
5. *Duport Steels Ltd v Sirs*. – 1980. – 1 WLR 142, 168.
6. Fish, S. *Doing Is There a Text in This Class*. – Cambridge : Harvard University Press, 1980.
7. Fish, S. *Doing What Comes Naturally*. – Durham ; Londres, 1989.
8. Hurd, H. *Interpreting Authorities* // *Law and Interpretation: Essays in Legal Philosophy* / ed. by A. Marmor. – Oxford, 1995.
9. Landis, J.L. A Note on “Statutory Interpretation” // *Harvard Law Review*. – 1930. – No 43 (6).
10. Marmor, A. *Interpretation and Legal Theory*. – Portland : Hart Publishing, 2005.
11. Marmor, A. *Positive Law and Objective Values*. – Oxford, 2001.
12. Mustill J in *R v Committee of Lloyd’s, ex pane Moran* // *The Times*. – 1983. – 24 June.

¹⁷ Marmor A. *Positive Law and Objective Values*. P. 95.

¹⁸ Waldron J. *Law and Disagreement*. N. Y., 1999. P. 141–142.

¹⁹ Pozner R. *Law and Literature: A Relation Reargues* // *Virginia Law Review*. 1986. № 72 ; Fish S. *Doing What Comes Naturally*. Durham ; Londres, 1989. Ch. 13.

13. Pozner, R. Law and Literature: A Relation Reargues // Virginia Law Review. – 1986. – № 72.
14. R v Schildkamp. – 1971. – AC 1, 23.
15. Raz, J. On the Nature of Law // Between Authority and Interpretation. – Oxford : Oxford University Press, 2009.
16. Scalia, A. A Matter of Interpretation. – Princeton, 1997.
17. Waldron, J. Law and Disagreement. – N. Y., 1999.

РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич

Аннотация. В статье показаны признаки правовой традиции и характерные черты процесса глобализации. Обосновано противоречие между процессом глобализации и национальной правовой традицией. Сформулированы предложения по защите национальной правовой традиции в условиях глобализации.

Annotation. The article reveals the features of legal tradition and specific characters of globalization. The author grounds the contradiction between globalization and national legal tradition. The article also formulates a suggestion on protection of national legal tradition in the age of globalization.

Ключевые слова: правовая традиция, глобализация, национальное право, унификация, международные организации.

Keywords: legal tradition, globalization, national law, unification, international institutions.

В современных условиях мир стремительно меняется, и вместе с ним меняются модели правового регулирования. Развитие как международного, так и национального права происходит под воздействием сложных многоплановых процессов, которые в совокупности часто именуется глобализацией.

Глобализация заставляет систему правового регулирования изменяться, приспосабливаться к новым условиям общественного развития, идти в направлении унификации.

В каждом государстве развитие национальной правовой системы происходит не спонтанно, а под воздействием имеющейся правовой традиции, которая порой складывается веками.

Понятие правовой традиции употребляется в литературе по теории и истории права достаточно часто, при этом единого доктринального, а тем более легального подхода к данному понятию не сформировано. По мнению А.А. Дорской, все существующие подходы можно свести к трем основным позициям:

- 1) правовая традиция – это то, что отложилось во времени и в силу этого закрепилось;
- 2) традиция – это правовые обычаи;
- 3) традиция – это сама история права².

Если суммировать основные имеющиеся точки зрения и посмотреть на них критически, представляется возможным выделить следующие особенности и характерные черты правовой традиции:

- 1) правовая традиция формируется медленно и складывается постепенно, веками;
- 2) формирование правовой традиции происходит за счет массовой практики по воспроизводству определенных юридически значимых действий;
- 3) правовая традиция всегда несет в себе определенный ценностный заряд, она связана с поддержанием тех или иных правовых ценностей;
- 4) правовая традиция неразрывно связана с правосознанием;
- 5) правовую традицию невозможно понять на основе материалистической методологии, так как она не укладывается в рамки формулы «бытие определяет сознание»;
- 6) правовая традиция, как и любое правовое явление, диалогична: она существует только потому, что есть иные, отличные от нее традиции и явления; особенности правовой традиции познаются в сравнении.

В современных условиях антиподом правовой традиции, связанной с исторически сложившимися ценностями и мифами, правосознанием населения, становится глобализация, которая представляется более агрессивным, чужеродным влиянием. Она ломает привычные стереотипы, навязывает новые, представляющиеся универсальными ценности, меняет массовое поведение.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-03-00255 «Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния». При написании статьи использованы материалы СПС «КонсультантПлюс».

² Дорская А.А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности. СПб.: Астерион, 2014. С. 104–105.

Влияние процессов глобализации на правовую традицию России зависит в первую очередь от следующих базовых факторов:

1) в результате глобализации активизируются процессы унификации национального права и, как следствие, сближения национальных правовых систем;

2) под воздействием глобализации осуществляется процесс выработки и внедрения определенных международно-правовых стандартов, которые в рамках мирового сообщества начинают позиционироваться в качестве обязательных и в результате фактически становятся таковыми (обязательно то, что мы воспринимаем как обязательное);

3) Россия на основании целого ряда признаков может быть отнесена к числу цивилизаций традиционалистского типа, и в силу этого правовая система нашей страны сложно воспринимает практическое внедрение целого ряда успешно апробированных в западных государствах правовых институтов и даже отторгает их;

4) российская экономика в условиях свободного рынка не может успешно конкурировать с транснациональными структурами, которые давно заняли свои ниши в системе международного разделения труда, и это инициирует внедрение правовых механизмов протекционистского характера;

5) правовое развитие происходит под влиянием политических факторов в первую очередь проводимой рядом государств недружественной политики, которая выражается в принятии экономических и политических санкций против нашей страны; политическая ситуация замедляет унификацию права.

Существует две основные позиции применительно к трактовке глобализации. Первая называет глобализацию объективным процессом, который закономерно обусловлен современным этапом общественно-экономического развития. Данная позиция настаивает на неизбежности глобализационных процессов, означающих движение к всеобщей унификации и отмиранию национальных правовых традиций.

Вторая позиция прямо утверждает, что глобализацию следует понимать как вестернизацию, что это – только один из возможных вариантов развития, выбор которого агрессивно навязывается транснациональными корпорациями и международными политическими структурами и объясняется их интересами.

Если стоять на первой позиции и принимать глобализацию как объективную неизбежность, следует привыкать к мысли о том, что необходимо познакомиться с национальной правовой традицией и начать принимать меры по ее деконструкции, по модернизации правовой системы на основе западных образцов с помощью унификации и рецепции.

Если придерживаться второй позиции, то представляется логичным курс на отстаивание национальных правовых ценностей и собственных принципов построения правовой системы, на сохранение лучших характеристик национальной правовой традиции, на взвешенный и осторожный подход к процессам унификации и рецепции.

Отечественные ученые справедливо отмечают противоречивость глобализации, а также опасности, которые она несет, относят ее к главным конфликтам современности³.

Глобализация может рассматриваться как враг правовой традиции, поскольку цель глобализации – уничтожение национальных традиций, в том числе правовых, стирание граней и различий, формирование и внедрение единых общих стандартов. Традиция, понимаемая как мистико-психологическое явление, которое наделено собственным сложным поведением, на каком-то уровне «осознает» враждебность глобализации и сопротивляется ее процессам. Для традиции противодействие глобализации становится вопросом выживания и сохранения.

В любом случае сложно отрицать, что правовая традиция России испытывает мощное воздействие глобализации, которое проявляется в следующем:

1) глобализация постепенно меняет менталитет субъекта права, который вынужденно приспособляется к новым для себя правовым ценностям;

2) вектор действий мирового сообщества заставляет активизировать усилия по внедрению международно признанных стандартов в сфере прав человека и развитию правовых механизмов защиты таких прав;

3) меняющаяся экономическая реальность побуждает активно развиваться те отрасли права, которые связаны с регулированием дея-

³ Лунеев В.В. Глобализация мира и наднациональное право // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2. С. 18–19.

тельности в сферах информации, финансов, предпринимательства, интеллектуальной собственности и т. д.;

4) международная активность стимулирует процесс более широкого вовлечения в правотворческую и контрольную деятельность различных негосударственных структур;

5) активизируется процесс развития правовой системы, что связано, в числе прочего, с ростом количественных показателей (интенсификация принятия нового нормативного материала).

Правовая система под воздействием глобализации вынуждена меняться как качественно, так и количественно. Такие изменения проявляются, среди прочего, в развитии отраслей права, связанных с финансами, информацией, интеллектуальной собственностью⁴. В условиях формирования единых финансовых рынков и общего информационного пространства неизбежна унификация соответствующего правового регулирования. Модели такой унификации, как правило, навязываются транснациональными структурами.

Можно констатировать, что под воздействием глобализации развитие отечественной правовой системы происходит через преодоление противоречия между нарастающим вызовом со стороны международных структур наднационального характера и собственной правовой традицией. Именно последняя в этих условиях стала тем защитным барьером, который позволяет замедлить внедрение глобализационных стандартов, сохранить остатки национальной правовой идентичности, отстоять правовыми средствами имеющиеся национальные интересы. Этим объясняется вся важность задачи сохранения основополагающих принципов российской правовой традиции в условиях продолжающегося агрессивного давления со стороны международных финансово-экономических и политических структур.

Следует учитывать, что главным инструментом глобализации являются, во-первых, транснациональные корпорации, а во-вторых, обслуживающие их интересы международные финансовые и экономические организации.

Деятельность указанных структур приобретает в условиях глобализации такую направленность, которая заставляет задуматься о потенциальном изменении всей мировой системы государственной власти. Уже сегодня, как отмечает В.В. Гончаров, «реальная власть по управлению государством, определению направлений его развития и созданию условий для жизнедеятельности населения страны, реализации гражданами своих прав, свобод и законных интересов (а ведь именно это и составляет практическую сердцевину государственного суверенитета в любой стране) все более переходит из рук государственного механизма в фактическое осуществление международными организациями, транснациональными корпорациями и прочими глобализационными структурами, которые все более смыкаются, систематизируются, образуя своеобразное надгосударственное правительство, по сути, и определяющее в настоящее время судьбу человечества»⁵.

Следует учитывать, что деятельность транснациональных корпораций (далее – ТНК) фактически не регулируется международным правом, не всегда эта деятельность попадает и под действие национального права. Такая ситуация недопустима в условиях, когда 500 ведущих ТНК охватывают ныне свыше 1/3 экспорта обрабатывающей промышленности, 3/4 мировой торговли сырьевыми товарами, 4/5 торговли новыми технологиями⁶.

Что касается международных финансовых и экономических организаций, то говорить об их независимости не приходится. Нередко они становятся послушным инструментом в руках ТНК, так как их учредителями часто являются негосударственные структуры. Международные финансовые организации контролируют значительную часть мировых финансовых потоков и в силу этого имеют существенные возможности влиять на экономику и политику национальных и формально суверенных государств. В итоге глобализация меняет понятие суверенитета, лишает его абсолютности, и это влияет на все стороны государственно-правовой жизни.

⁴ Тосунян Г.А., Экмалян А.М., Санникова Л.В., Пашенцев Д.А. Экономические санкции и развитие финансового законодательства России // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. С. 35.

⁵ Гончаров В.В. Роль семьи как социального института в сохранении и развитии российской государственности // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 35.

⁶ Марченко М.Н. Проблема соотношения экономической власти бизнеса с политической властью государства в эпоху глобализации // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 62.

Национальная правовая традиция в какой-то мере формируется в рамках государственного суверенитета, поддерживает государственную легитимность и поэтому становится одной из мишеней глобализационного воздействия. Разрушить национальную правовую традицию, заменить национальное право наднациональным, а национальное государство международными структурами – вот возжеленная цель архитекторов глобализации.

Сохранение базовых ценностей и принципов российской правовой традиции, защита национальных интересов в условиях глобализации требуют решения следующих задач:

1) нуждается в решении на основе предварительного тщательного научного анализа проблема соотношения норм и правил между-

народных финансовых и экономических организаций с внутренним правом России;

2) требуется доктринальное обоснование и последующее практическое решение вопроса о возможном частичном ограничении прямого действия норм Всемирной торговой организации в правопорядке России;

3) требует решения на теоретическом и практическом уровнях проблема соотношения норм Всемирной торговой организации и норм Таможенного союза;

4) необходима разработка и внедрение в национальную правовую систему таких механизмов, которые позволят государству контролировать деятельность ТНК на своей территории и при необходимости привлекать к ответственности головную структуру ТНК.

Библиографический список

1. Гончаров, В.В. Роль семьи как социального института в сохранении и развитии российской государственности // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 1.

2. Дорская, А.А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности. – СПб. : Астерион, 2014.

3. Лунев, В.В. Глобализация мира и наднациональное право // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2.

4. Марченко, М.Н. Проблема соотношения экономической власти бизнеса с политической властью государства в эпоху глобализации // Журнал российского права. – 2008. – № 1.

5. Тосунян, Г.А. Экономические санкции и развитие финансового законодательства России / Г.А. Тосунян, А.М. Экмалян, Л.В. Санникова, Д.А. Пашенцев // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86.

НОРМАТИВНОСТЬ ПЕРВОБЫТНОЙ МИФОЛОГИИ

РАХМАНОВ Фаррух Бехзодович

***Аннотация.** В статье исследуется миф как первичная форма нормативной регуляции, способствовавшей установлению и поддержанию социального порядка в первобытное время. Определяется роль мифологии в древнем социуме, выясняется необходимость создания мифов членами общества и способы их возникновения. Устанавливаются степень и причины оказываемого мифологией влияния на сознание людей.*

***Annotation.** The article studies the myth as a primary form of normative regulation that promoted the establishment and maintenance of social order in primitive society. The author defines the role of mythology in ancient society, the need for creation of various myths by members of society, and ways of their emergence. The article establishes the degree and the reasons for the impact on people's consciousness caused by mythology.*

***Ключевые слова:** миф, мифология, культура, нормативная регуляция, первобытное общество, первобытное мышление, соционормативная система, право, сознание, порядок.*

***Keywords:** myth, mythology, culture, normative regulation, primitive society, primitive thinking, social normative system, law, consciousness, order.*

Каждое общество, страна, цивилизация создают свою уникальную своеобразную культуру. Не существует в мире единой глобальной культуры, которая объединяла бы все богатство и индивидуальность культур отдельных народов. Этого и не требуется, так как, несмотря на существование общечеловеческих ценностей, наш мир предстает в бесконечном разнообразии с обретениями и потерями той или иной нации, народа, общности в ходе всего исторического развития человечества.

Культурное разнообразие, однако, не влияет на структуру культуры как таковой. Соционормативный комплекс предстает как один из элементов системы культуры и включает в себя различные виды поведенческих регуляторов, каждый из которых по-своему воздействует на сознание людей¹. Одним из таких регуляторов поведения является миф.

Выдающиеся исследователи А.Ф. Лосев, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, К. Ясперс и другие, труды которых посвящались прогрессу культуры, в конце XIX в. пришли к определению мифа как значимого элемента культуры с различным содержанием в конкретный исторический период, но с неизменными целью и назначением. Подобные исследования приводили к выводу о том, что современная куль-

тура содержит элементы, некоторым образом переработанные, но все же заимствованные из культуры первобытной эпохи. Г.В. Мальцев отмечал: «Человек и человечество находятся в непрерывном поиске оправданий для своих действий. Они не могут развиваться дальше, не закрепив в сознании того, что нечто прежде созданное, сделанное и установленное является правильным, нужным, полезным или, наоборот, неправильным ошибочным. За общей оценкой встает множество ценностных определений, базирующихся на применении критериев, масштабов, средств нормативного мышления, выработанных прошлым культурно-историческим опытом»². Такой подход вызвал интерес к мифу, его развитию, адаптации к новым социально-экономическим условиям. Б. Малиновский определял миф «жизненно необходимым ингредиентом человеческой цивилизации; это не сочиненная в праздности сказка, а с большим трудом создаваемая активная сила; это не интеллектуальное объяснение или художественная фантазия, а прагматическое правовое основание первобытной веры и моральной мудрости»³.

Таким образом, возникает вполне закономерный вопрос: почему миф, являющийся по-

¹ См.: Лукашева Е.А. Мифологизация политической и правовой жизни. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 13.

² Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 5.

³ Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. М., 2004. С. 291–292.

рождением первобытного мышления и сопро-вождавший человечество на всем пути его раз-вития, до сих пор в современном мире пред-ставляет собой одно из эффективнейших средств воздействия на сознание людей и их поведение?

Изучение природы мифа вызывает особый интерес у правовой науки, поскольку миф, представляющий собой первичную форму нормативной регуляции, способствовал установлению и поддержанию социального поряд-ка, что являлось неизбежным требованием для выживания человечества, которое совсем не-давно вышло из стадного состояния. «Мифы, – пишет М.Ф. Альбедиль, – раскрывали – до из-вестных пределов – тайну происхождения мира и человека, посвящали в таинства любви и смерти и рассказывали о путях посмертного существования. Все это не только имело боль-шой психотерапевтический смысл, а еще и при-давало человеческой жизни иное, сакральное измерение, бытийную прочность и то стремле-ние к запредельной реальности, которое со-хранилось в религиях»⁴. На уровне инстинктов люди искали защиты от неконтролируемых природных стихий, неизвестных болезней, не-урожая, враждебных племен и находили ее в сверхъестественных силах. Поклонение им и совершение магических обрядов, ритуалов давали человеку надежду на то, что он смог их задобрить и соответственно чувство защищен-ности. Ради уменьшения тревог от неожидан-ных напастей, таких как стихийные бедствия, на которые человек никак не мог повлиять, и из-за чего они представлялись проявлением воли высших сил, люди хотели связать с по-тусторонним миром свою жизнь и получить благословение, защиту от сверхъестественных сил. Для первобытных людей создаваемый ими миф «есть подлинная жизнь, со всеми ее наде-ждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью... Миф всегда чрезвычайно практичен, насущен, всегда эмо-ционален, аффективен, жизнен»⁵.

В такой ситуации закономерно появлялся лидер или образовывалась группа людей, ко-торые по причине обладания какими-либо

личными преимуществами – харизмой, силой, мудростью, обаянием – были способны упоря-дочивать социальные отношения, необходимые для проведения совместных работ, таких как охота, собирательство, распределение добытой пищи и т. д. Такая деятельность требовала эле-ментарных правил поведения, которые могли бы обеспечить мирное и продуктивное взаимо-действие членов общества. Образцы, нормы поведения отражались в мифах, что выражало стремление социума к сохранению установлен-ных порядков. «Право, – писал Г.В. Мальцев, – всегда ассоциировалось с порядком, законами, устанавливающими порядок... Где есть опре-деленный порядок и действуют упорядочи-вающие силы, там есть право, хотя не всегда оно так называется»⁶.

Миф, всегда выражавший взаимосвязь индивида с внешней средой – космосом, при-родными стихиями, животным и растительным миром, – служил защитным средством для коллективного сознания общности. «В то вре-мя люди верили в глубокое родство человека и природы, и ощущение мистической всесвя-занности было одной из характерных черт их мышления. Они воспринимали природу как живое существо, одушевляли и одухотворяли ее и не сомневались в связи и родстве всех форм жизни»⁷. В связи с этим мифология крепко закрепилась как в сознании людей, так и в сфере бессознательного, как система норм, которые могут быть управомочивающими, обязывающими, запрещающими, с поощре-ниями за соответствующее поведение и нака-заниями за отступление от мифологических предписаний.

Мифология составляла фундамент куль-туры, создаваемый людьми для преодоления страха перед неизведанным, самосохранения; она приоткрывала завесу будущего человека и мира, укрепляла человеческий дух перед ли-цом неминуемой смерти, обещала человеку загробную жизнь или какое-нибудь иное ино-бытие за чертой смерти, снимая тем самым главный экзистенциальный страх, а именно страх небытия по окончании жизни. На основе мифологии формировались тотемизм, т. е. по-клонение животным, растениям, сверхъестест-венным существам, неодушевленным предме-

⁴ Альбедиль М.Ф. Миф и реальность. СПб. : Вектор, 2014. С. 5.

⁵ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб. : Азбука-Аттикус, 2014. С. 42–43.

⁶ Мальцев Г.В. Культурные традиции права. С. 6.

⁷ Альбедиль М.Ф. Миф и реальность. С. 26.

там, и табу, представляющее собой систему запретов, основанную на вере в то, что их нарушение обязательно повлечет тяжкие последствия, например проклятие, для отступника. Эти и иные формы запретов и предписаний, порождаемых мифологией, в общем счете отражали многократно повторяющиеся события, позволявшие делать выводы об их пользе или вреде для человека, рода, племени. Поскольку мифы рассматривались как система предписаний потусторонних, высших сил, они стали основанием социокультурной регуляции. «Древний человек, судя по всему, легко воспринимал мысль о существовании явлений, лежащих за гранью видимого мира, физической реальности. Отсутствие четких представлений о дистанции между естественным и сверхъестественным миром, земным бытием и высшим, метафизическим состоянием духа привело первобытное сознание к своеобразному способу онтологизации всего сущего, следствием которого явился древний космизм»⁸.

Определяя единые черты мифа, тотемизма, табу, магии как начальных форм социальной регуляции, выделяют следующие особенности:

1) первоначальная норматика носила прагматичный характер, основывалась на логической оценке необходимого и полезного или вредного и опасного для человека, рода, племени;

2) для сохранения единства общины оправданным считалось направлять всякий акт поведения индивида, что способствовало избыточности нормативного регулирования, которое основывалось на установлении запретов определенным действиям, сформировавшихся под воздействием мифов, верований, легенд и т. д.;

3) указанные первичные формы социального регулирования использовались как не допускающий опровержений и не подлежащий критике аргумент, обосновывающий необходимость и обязательность соблюдения установленных норм;

4) первобытные мифы, магия стали исходными формами санкционирования определенных правил общежития в общине; любое отступление от установленных порядков влекло нарушение «священной гармонии», подрыв-

вало союз богов и людей и ломало сложившиеся между мифическим и социальным мирами отношения⁹; историческая отдаленность традиций, отраженных в магии и мифах, не помешала их элементам в том или ином виде сохраниться до наших дней.

Живучесть мифологии и сила ее воздействия определяются жизненностью, реальностью ее содержания, хотя при первом рассмотрении миф может показаться вымыслом, сказкой, фантазией. Однако эта проблема не находит однозначного решения среди исследователей мифологии, которые подчас придерживаются диаметрально противоположных точек зрения.

Значительная часть ученых в этой области считают миф фантазией, выдумкой, связанной с явлениями сверхъестественного характера. Л. Леви-Брюль писал, что «миф – комплекс представлений и чувств, относящихся к сверхъестественному»¹⁰. Подобного мнения придерживались А.Н. Афанасьев, Н.И. Кареев, Г. Спенсер и др.

Рассматривая миф с его же (мифа) собственной точки зрения, А.Ф. Лосев горячо отстаивал его жизненность, реальность, конкретность. «Я беру миф так, – писал он, – как он есть, т. е. хочу вскрыть и позитивно зафиксировать, что такое миф сам по себе и как он мыслит сам свою чудесную и сказочную природу... Не зная, что такое миф сам по себе, не можем говорить и об его жизни в той или другой иноприродной среде. Надо сначала стать на точку зрения самой мифологии, стать самому мифическим субъектом... Такая позиция вскрыет существо мифа как мифа»¹¹. По этой причине представление о мифе как о фантастическом вымысле философ называл заблуждением большинства научных методов, применяемых к исследованиям мифологии. А.Ф. Лосев признает, что миф есть выдумка, но только с точки зрения науки. Многие исследователи, негодовал он, «позитивизм изучения религии и мифа видят в насильственном изгнании из того и другого всего таинственного и чудесного. Хотят вскрывать существо мифа, но для этого сначала препарируют его так, что в нем уже ничего не содержится ни сказочного, ни

⁸ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М.: Инфра-М, 2015. С. 296.

⁹ См.: Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982. С. 152.

¹⁰ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. С. 281.

¹¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 34–35.

вообще чудесного»¹². А.Ф. Лосев считал, что если придерживаться цели вскрыть миф, взятый как таковой, т. е. «не с точки зрения какого-нибудь научного, религиозного, художественного, общественного и проч. мировоззрения, но исключительно лишь с точки зрения самого же мифа, глазами самого мифа, мифическими глазами... ни в каком случае нельзя сказать, что миф есть фикция и игра фантазии»¹³.

Б. Малиновский резко критиковал обилие мнений, существовавшее по поводу природы мифа. С его точки зрения, у основания мифологии лежат природные явления – Солнце, Луна и другие, которые придают мифу натурализм, символизм и фактичность. Подобное мнение мы замечаем в словах Ю.Е. Березкина: «В самом узком значении мифы – это такие повествовательные тексты, в которых отражены не основанные на научном знании представления о природе и человеке»¹⁴.

В США и Германии существуют научные школы, которые в сакральных преданиях видят исторически подлинную хронику прежних времен. Однако представляется неверным рассмотрение мифологии как простого пересказа истории. Такая трактовка существа мифа, по мнению Б. Малиновского, объясняется «кабинетным» изучением этого феномена. Аутентичную же природу мифа способен раскрыть антрополог, не связанный в своих изысканиях одними лишь текстами и хрупким наследием былой культуры. Непосредственное исследование осуществимо в среде туземного сообщества, не только рассказывающего, но и в первобытной, жизненной форме комментирующего мифы, что позволяет глубже проникнуть в их сущность. Ученый подчеркивает реалистичность мифа, а не его символичность. Это повествовательное воскрешение первобытной реальности, излагаемое не ради научного интереса, а ради того, чтобы удовлетворить глубокие религиозные чувства, социальные притязания, сознательное подчинение, моральные стремления. В первобытной культуре миф выражает, концентрирует и способствует упрочнению веры, не только оберегает, но и укрепляет нравственность; он доказывает эффективность ритуала и задает индивиду поведенче-

ские ориентиры. Таким образом, миф есть жизненно необходимый элемент человеческой цивилизации¹⁵.

Б. Малиновский изучал генезис и задачи мифа непосредственно в туземных сообществах Африки, Новой Гвинеи и был совершенно убежден в реалистичности, жизненности мифа, но при этом признавал его сакральность. Антропологом была создана социологическая теория мифа, поскольку он считал последний способным воздействовать на поведение индивида, укрепить его веру, создать коллективную солидарность. «Мифология или священная традиция племени, – утверждал он, – является... могущественным средством, помогающим первобытному человеку и позволяющим ему свести концы с концами в своем культурном наследии... Неоценимые услуги, которые оказывает миф первобытной культуре, тесно связаны с религиозным ритуалом, влиянием морали и социологическими принципами... Миф... в своей живой первобытной форме – это не просто рассказываемая история, это переживаемая реальность. В нем нет ничего от вымысла, который мы вычитываем сегодня в романах; это живая реальность – нечто такое, что, как считается, произошло когда-то в первозданные времена и с тех пор продолжает оказывать влияние на мир и человеческие судьбы»¹⁶.

В понимании Б. Малиновского миф представляет собой пространственный рассказ, порой сложно уловимыми иносказаниями, отступлениями, которые, тем не менее, определяют и во многом контролируют различные элементы культуры – религию, обычаи, мораль – и конструируют догматическое понимание первобытной ситуации. Это составляет веру туземцев в истинность их бытия, заданное прошлым стремление следовать «мифологическому путеводителю» и негативное отношение к любым переменам, несовместимым с их устоявшимися прагматическими интересами.

М. Элиаде считал миф одной из крайне сложных реальностей культуры, который можно исследовать и интерпретировать в совершенно разнообразных и взаимодополняющих аспектах¹⁷.

¹² Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 34.

¹³ Там же. С. 36.

¹⁴ Березкин Ю.Е. Мифы Старого и Нового Света. М., 2009. С. 12.

¹⁵ См.: Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. С. 288–292.

¹⁶ Там же. С. 289–291.

¹⁷ См.: Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1996. С. 15.

Признание мифологии начальной, зачаточной системой воздействия на поведенческие ориентиры людей выдвигает другую проблему: как первобытному человеку удалось не только создать систему норм, регулирующих отношения в общине и гарантирующих некий порядок, преемником которого станет правопорядок, но непрерывно следовать им. Возникновение первичной норматики неразрывно связано со становлением культуры и социальности, которые предполагают нормальное взаимовыгодное взаимодействие членов общества, предотвращение между ними разногласий и конфликтов.

Ученые расходятся во мнениях и в вопросе признания мифологии первобытной примитивной наукой. К.Г. Доусон полагал, что люди впервые пришли к идее природного порядка посредством обрядов инициации и тайных священнодействий, нежели с помощью рациональных наблюдений и логического мышления¹⁸. А.Ф. Лосев заявляет: «Миф не есть научное и, в частности, примитивно-научное построение»¹⁹. Ученый критикует О. Конта, по мнению которого мифология относится к «теологической», низшей ступени развития человечества, после которой следует «метафизическая», а затем и «научная»²⁰; Г. Спенсера, полагавшего, что первобытная мифология есть некий первичный импульс к научному освоению мира²¹; Э. Тайлора, который на базе анимизма, выделял мифологическую стадию в развитии познания²². А.Ф. Лосев протестует «против... лженаучного предрассудка, заставляющего утверждать, что мифология предшествует науке, что наука появляется из мифа, что некоторым историческим эпохам, в особенности современной нам, совершенно несвойственно мифическое сознание, что наука побеждает миф... наука как таковая ни с какой стороны не может разрушить мифа. Она лишь его осознает и снимает с него некий рассудочный, например логический или числовой, план»²³. Знание было великим и опасным даром свыше, и совершенно характерно для первобытного общества наличие фигуры мудреца или героя, живущего

на рубеже двух миров и благодаря некой жертве или непосильным трудом вырывающего тайну у высших сил, от которой напрямую зависит благополучие племени, общины и т. д.

К. Леви-Строс отмечал наличие у первобытного мышления способностей не только к наблюдению, но и к классификации. Его мысль уточняют в своих работах другие антропологи, изучающие быт первобытных племен. Б. Малиновский обращал внимание на впечатляющую способность туземцев очень точно фиксировать особенности растительного и животного мира, так же, как и почти незаметные перемены в природных явлениях. Незрелость с природой дает им возможность познать как полезные, так и вредные свойства животной и растительной среды, а также классифицировать их. При этом не стоит заблуждаться и представлять процесс наблюдения, в том числе и в первобытном обществе, простым пассивным созерцанием исследуемых предметов и действий. «В ходе наблюдения исследователь всегда руководствуется определенной идеей, концепцией или гипотезой. Он не просто регистрирует любые факты, а сознательно отбирает те из них, которые либо подтверждают, либо опровергают его идеи. При этом очень важно отобрать наиболее репрезентативную, т. е. наиболее представительную группу фактов в их взаимосвязи»²⁴.

Во всех племенах, сохранивших первобытное мышление, наблюдается стремление упорядочить имеющиеся знания об окружающей действительности, попытка превозмочь хаос и достигнуть порядка в своем мире. На базе исследований о постижении примитивными племенами окружающего мира К. Леви-Строс подчеркивает, что в основании мышления, которое мы именуем первобытным, лежит требование порядка, являющееся основой всякого мышления. Любая классификация предпочтительней хаоса, и даже если она построена на уровне чувств – это еще одна ступень на пути к рациональному порядку²⁵.

Мышление в первобытном обществе пыталось упорядочить явления, события, процессы природного мира. Однако более важной целью было упорядочение социального мира,

¹⁸ См.: Доусон К.Г. Религия и культура. СПб., 2001. С. 186.

¹⁹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 43.

²⁰ См.: Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910.

²¹ См.: Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1876. Т. 1.

²² См.: Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989.

²³ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 45–53.

²⁴ Основы философии науки / под ред. В.П. Кохановского. Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 342.

²⁵ См.: Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. С. 159–166.

мира взаимодействия людей. В достижении этой цели огромную ценность представляло то, что люди старались не только наблюдать и классифицировать, но и отбирать самые рациональные и целесообразные поведенческие формы, способные обеспечивать нормальные, продуктивные взаимоотношения членов первобытного коллектива, пытающегося преодолеть противоречия, конфликты, конкуренцию. Сплоченность коллектива являлась основной целью конструирования первобытной нормативности, поскольку только это условие позволило бы выживать в сложнейших условиях первобытного мира.

К. Леви-Строс считал, что «мифологическая рефлексия может достигать в плане интеллектуальном блестящих и непредвиденных результатов»²⁶. Он делает вывод о том, что мифология и наука прошли сквозь все стадии человеческой эволюции. А.Ф. Лосев, не признающий мифологию в качестве «формы науки», наряду с этим пишет, что миф «содержит в себе строжайшую и определеннойшую структуру и есть логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще»²⁷.

Таким образом, фундамент мифологии составляют наблюдение, классификация, отбор и определенная логическая структура. Разумеется, наличие этих свойств не позволяет назвать мифологию наукой, однако и выдумкой или игрой фантазии, сказкой или фикцией она тоже не является. Мифология призвана создать стандарты поведения, быта в коллективе, тщательно выявлять экономически возможные формы жизни, такие как охота, собирательство, земледелие и т. д., устанавливая дефинитную систему распределения благ, дозволений, поощрений, запретов.

Этому содействует магия, которая неразлучна с мифологией. Магические действия, совершаемые для того, чтобы умилостивить, задобрить сверхъестественные силы, и тотемизм служат поддержкой образцам поведения, предписываемым, прямо или косвенно, мифом, а также вселяют уверенность и уменьшают страх перед природными стихиями или возможным неурожаем, неудачей в рыболовстве, охоте.

Однако магию использовали не во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Она была необходима в основном при выполнении сложных, требующих организованного коллективного взаимодействия и технических навыков работ (строительство жилья, водных сооружений). Более простые занятия либо не сопровождались магией, либо она применялась в ограниченном объеме. Магия, вызывающая к поддержке мирских дел космическими силами, формировала у человека устойчивую веру в успех. «Она позволяет человеку уверенно решать свои важнейшие жизненные задачи и сохранять самообладание и душевную целостность в обстоятельствах, которые без помощи магии деморализовали бы его, вселив в него отчаяние и тревогу, страх и ненависть, безответную любовь и беспомощный гнев»²⁸.

В работе «Золотая ветвь» Д. Фрейзер раскрыл значение магического мифа в возникновении царской власти и социального превосходства. Если целью мифа является подтверждение первенства определенного послания, определенного социального происхождения, давности права собственности общины на территорию, приоритетности одних жизненно необходимых работ перед другими, то этому содействуют магические ритуалы, которые вселяют веру в необходимость и правоту своих притязаний, а также позволяют надеяться на помощь свыше.

Первобытный миф не имеет определенного автора, он возникает спонтанно под воздействием реальных обстоятельств жизни, наблюдения неоднократно происходящих вокруг событий, рационального отбора наиболее уместных и полезных форм поведения, которые якобы продиктованы сверхъестественными силами. Можно только изумляться, сколь точен был такой отбор. Необходимым условием изучения нормативности первобытного общества, как справедливо отмечал Б. Малиновский, является работа в полевых условиях, поскольку антрополог имеет уникальное преимущество — возможность пойти вслед за «дикарем», создавшим миф, слушать многочисленные комментарии, увидеть и ощутить всю насыщенность той жизни, из лоно которой появилась мифология. Жизненный контекст даст не меньшее знание о мифе, чем его простое пове-

²⁶ Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. С. 168.

²⁷ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 38.

²⁸ Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. С. 326.

ствование. Б. Малиновский провел исследование на Тробрианских островах среди туземного племени и в результате долгого пребывания там, тесного контакта с «первобытным мышлением» исследовал мифологию туземцев и первобытную нормативную систему, первоисточником которой являлись мифы: статус женщины в обществе, взаимоотношение полов, добрачные отношения, брак, его расторжение, традиционные формы отступления от норм, мораль и нравственность и т. д.

Б. Малиновский считал, что «миф является для дикаря тем, чем для глубоко верующего христианина библейская история о творении, грехопадении и искупительной жертве Христа на кресте. Как наша священная история живет в нашем ритуале и нашей нравственности, руководит нашей верой и контролирует наше поведение, точно так же функционирует и миф в жизни дикаря»²⁹.

Первобытные люди живут в реальном мире, разделяют землю, собирают урожай, строят жилье, лодки, ловят рыбу, охотятся на зверей, что позволяет им осваивать внешний мир, овладеть его ресурсами и средствами для того, чтобы расширить границы своей деятельности; однако страх перед неизвестным преобладает, и в большинстве случаев они не уверены в себе. То, что в их обыденной жизни присутствуют духи, боги, тотемы, не только не отменяет эту реальность, но обогащает ее, делает ее более многомерной и разнообразной. «В миф, – совершенно справедливо отмечает В.П. Малахов, – может превратиться все что угодно, если по тем или иным причинам оно становится средством для выполнения основного предназначения, с которым миф ассоциируется, – для освоения (обживания, присвоения) человеком мира до возможности жить в нем, пользоваться им, оправдываться им, объединяться (отождествляться) с ним»³⁰. Этим людям требуется не только благоприятный исход охоты, богатый урожай и т. д., но и украшение своего быта праздниками, соревнованиями, пиршествами, посвящаемыми как космическим силам, так и мирским событиям – рождению детей, обрядам инициации, заключению брака и т. п. Сплачивание коллектива

происходит не только благодаря совместному труду, распределению добычи, но и с помощью проведения увеселительных мероприятий, требующих соответствующих нарядов, убранств, состязаний.

Совокупность этих факторов способствовала важнейшему рывку в развитии мировой культуры, а именно открыла нормативную регуляцию, проникавшую почти во все сферы первобытной жизни, формировавшую коллективистские начала, которые являлись незаменимым условием выживания племени, рода, человека. Первичные методы и средства нормативного регулирования взаимоотношений людей, их поведения, стали неотъемлемыми частями эволюции человечества от самых ранних этапов его развития до настоящего времени.

Открытая нашими первобытными предками соционормативная система прочно укрепилась в сознании и поведении людей и, как раньше, так и сейчас, представляет собой незыблемое средство нормальной функциональной жизнедеятельности общества. Фундаментом этой системы стал миф, который включил в себя зарождающиеся элементы морали и религии и на основе которого формировались передающиеся из поколения в поколение обычаи и традиции. Еще не выкристаллизовавшиеся в то время элементы соционормативной системы в современной науке именуются мононормизмами, которые содержат в себе зачатки магии, традиций, морали, искусства.

В разных регионах мира мифы, традиции, обычаи, религия, мораль, нравы были различны и впоследствии оформились как культурные образования, цивилизации, своеобразие которых определялось характером соционормативной системы. В процессе социального развития эта система включила в себя право. В описании структуры современных социокультурных систем нельзя обнаружить миф, давший начальный толчок прогрессу нормативного регулирования и существующий до сих пор. Причиной этого является существовавшее в течение длительного периода мнение о том, что миф канул в вечность наряду с той древней формой человеческого общества, которая его породила.

²⁹ Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. С. 291.

³⁰ Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 7–8.

Библиографический список

1. Альбедиль, М.Ф. Миф и реальность. – СПб. : Вектор, 2014.
2. Березкин, Ю.Е. Мифы Старого и Нового Света. – М., 2009.
3. Доусон, К.Г. Религия и культура. – СПб., 2001.
4. Иорданский, В.Б. Хаос и гармония. – М., 1982.
5. Конт, О. Дух позитивной философии. – СПб., 1910.
6. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1937.
7. Леви-Строс, К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. – М. : Академический проект, 2008.
8. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа. – СПб. : Азбука-Аттикус, 2014.
9. Лукашева, Е.А. Мифологизация политической и правовой жизни. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015.
10. Малахов, В.П. Мифы современной общеправовой теории. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
11. Малиновский, Б. Избранное: динамика культуры. – М., 2004.
12. Мальцев, Г.В. Культурные традиции права. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013.
13. Мальцев, Г.В. Нравственные основания права. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015.
14. Основы философии науки / под ред. В.П. Кохановского. – Ростов н/Д : Феникс, 2008.
15. Спенсер, Г. Основания социологии. – СПб., 1876. – Т. 1.
16. Тайлор, Э. Первобытная культура. – М., 1989.
17. Элиаде, М. Аспекты мифа. – М., 1996.

О ПРАВОСОЗНАНИИ И ЕГО ДЕФОРМАЦИИ

СТРУГОВА Елена Владимировна

Аннотация. Статья посвящена проблемам современного отечественного правосознания. Автор анализирует основные вехи его формирования, определяет некоторые существенные характеристики правосознания, рассматривает воздействие на него ряда современных факторов. Исследуя формы деформации правосознания, особое внимание автор уделяет правовому нигилизму.

Annotation. The article is devoted to the problems of modern national legal consciousness. The author analyzes the main milestones of its formation, defines some significant characteristics of the legal consciousness, and considers the influence of some modern factors on it. Examining the shapes of deformation of legal consciousness, the author pays special attention to legal nihilism.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, деформация правосознания, правовой нигилизм.

Keywords: legal consciousness, legal culture, deformation of legal consciousness, legal nihilism.

С принятием Основ государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан¹ официально признано, что именно государство создает условия, обеспечивающие развитие правовой грамотности и правосознания граждан. Все ветви власти должны подробно и бесплатно информировать граждан о способах защиты их прав, а также предоставлять им свободный доступ к квалифицированной юридической помощи, постоянно разъяснять жителям Российской Федерации их обязанности, правила общежития и уважения законных интересов других лиц независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств².

Потребность в изучении особенностей отечественного правосознания представляется весьма значимой и злободневной, поскольку лишь в реальном, а не надуманном содержательном контексте знания и понимания работающего либо желаемого права вероятно сколько-нибудь эффективное осуществление правотворческой и правоприменительной деятельности. Правосознание, являясь неотъемлемой составной частью правовой культуры, не может не реагировать на положительные, в равной

мере как и на иные, желания законодателя, а также на бесперебойное функционирование, равно как и на сбои, в деятельности по государственно-властной реализации правовых предписаний³.

Формирование юридической категории «правосознание» происходило в ходе исторического развития государства. Исследуя формы права, большинство ученых рассматривали их в идеальном смысле, понимая под этим формирование правосознания конкретного общества, утверждая, что правосознание живет и «до», и «после», и «параллельно» с правом и является одновременно его источником, который отражает объективные потребности развития общества, одним из важнейших механизмов воплощения в жизнь, средством оценивания: соответствует ли поведение человека правовым предписаниям⁴.

Хочется отметить, что понимание правосознания менялось с развитием юридической науки, оно не оставалось постоянным и устойчивым. Следует констатировать, что представление о правовом сознании неизменно расширяется, до сих пор нет единого мнения о сущности, свойствах, структуре и природе данного явления.

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168) // СПС «КонсультантПлюс».

² Васильев А.А. Правовая культура России в свете отечественного консерватизма // Культура: управление, экономика, право. 2012. № 3. С. 33–35.

³ Сергеев С.Л. Российское национальное правосознание: некоторые конституционно-правовые проблемы // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 5. С. 16–23.

⁴ Зырянов М.Ю. К вопросу о сущности правосознания в связи с теорией права (некоторые аспекты) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2008. № 2. С. 37–43.

Теоретико-методологические вопросы правосознания всегда были в фокусе российской юридической науки. Классическими работами по данной проблематике являются исследования И.А. Ильина, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского и других выдающихся ученых-юристов России, ибо их идеи не утратили своей теоретической и практической значимости.

Ученые не едины во мнении при оценке изысканий в сфере правосознания в период после революции. Одни считают, что в советский период национальное правосознание не только не развивалось, а, наоборот, всячески подавлялось (за исключением очень короткого времени 1941–1953 гг.)⁵. Другие убеждены, что тема правосознания была крайне злободневна в данный период и широко освещалась в известных работах П.И. Стучки, М.А. Рейснера, Д.И. Курского, Г.М. Португалова, Е.Б. Пашуканиса, Н.В. Крыленко.

Социалистическое правосознание, как утверждали ученые, коренным образом отличается от всех предшествующих ему исторических типов по осмыслению целей, задач правовой действительности, методов и средств осуществления права и определяли его как правосознание нового, высшего исторического типа⁶.

В работах авторов тех лет признавался классовый характер права и его обусловленность политическими пристрастиями. Социально-экономические задачи по преобразованию государства диктовали необходимость концентрации внимания на прикладной деятельности, что находило отражение в трудах советских правоведов. Видимо, поэтому проблемы понимания и оценки права и правосознания до середины 1930-х гг. носили спорный характер. Основное внимание советских правоведов того времени было сосредоточено на выработке признаваемого всеми определения права, что и произошло после решения задач первого этапа социально-экономических преобразований и установления в обществе стабильных отношений⁷.

Прекращенные на несколько десятилетий социологические исследования продолжились с середины 1950-х гг. Опыт, который был накоплен российской юриспруденцией в предыдущие годы, снова оказался востребованным и даже необходимым. При этом юридические изыскания, приспособившись к жесткому социалистическому варианту легистского позитивистского понимания права, имели в правоведении советского государства весьма ограниченную сферу приложения. Соответствующие исследования были направлены главным образом на изучение действия уже принятого законодательства и социального контекста его реализации, так как право и законодательство отождествлялись. Исследовались вопросы эффективности законодательства и правореализационной деятельности, правосознания, социального, юридического и психологического механизмов действия законодательства и т. п.).

Следует отметить, что на современном этапе развития юридической науки определения правосознания, равно как и правовой культуры, многообразны. Так, в частности, Д. Чуйков считает, что правосознание – форма общественного сознания, которая содержит субъективное отношение индивида к правовой действительности и проявляет себя в форме социально значимых действий и поступков человека⁸.

Нам близка позиция В.Н. Корнева, который утверждает, что правосознание – это теоретическое и эмоционально-ценностное понимание идей о существующем или желаемом государстве, о праве и правосудии, которые господствуют в конкретном обществе, выраженное в совокупности чувств, переживаний, знаний, определяемых политическими ценностями и интересами⁹.

Не пытаясь представить различные точки зрения ученых на содержательную сторону правосознания как юридической категории, не исследуя особенности структуры и видов правосознания, остановимся на позиции И.Ю. Лимаренко, которая, обобщая мнения отдельных теоретиков, выделила следующие существенные признаки правосознания: во-первых, это сфера общественного сознания; во-вторых, она

⁵ Сафронов В.В. Правосознание гражданина. Красноярск, 2004. С. 77.

⁶ Сырцев В.А. Социалистическое правосознание в СССР. М., 1958. С. 11.

⁷ Мигушенко О.Н. Основные направления формирования теории правосознания в начале XX века // История государства и права. 2013. № 16. С. 18–22.

⁸ Чуйков Д. Понятие правосознания // История государства и права. 2007. № 21. С. 39–40.

⁹ Корнев В.Н. Проблемы теории правосознания в современной отечественной юриспруденции // История государства и права. 2009. № 20. С. 38–41.

отражает правовую действительность; в-третьих, правовое сознание включает совокупность теорий, знаний, идей, взглядов, убеждений, ценностных ориентаций, оценок, чувств, привычек, эмоций, переживаний; в-четвертых, оно устанавливает отношение субъекта к праву действующему; в-пятых, в юридически значимых ситуациях оно регулирует поведение людей; наконец, в-шестых, оно формирует представления и убеждения по поводу права желаемого и находит в дальнейшем конкретное выражение в правовых предписаниях¹⁰.

Проблемы правосознания в современной России приобрели особую актуальность. Это обусловлено тем, что предшествующее официальное социалистическое правосознание было упразднено, а то, что предоставлено взамен, оказалось непросто воспринимаемым и, в конечном итоге, отвергаемым общественным сознанием. Вместо ожидаемой гармонии воцарились хаос и смятение умов, что продолжается до сих пор.

К сожалению, происходящие в Российской Федерации изменения в различных областях общественной жизни, в том числе падение нравственности, духовной культуры, негативно сказываются на формировании правосознания, вызывая его деформацию¹¹.

Термин «деформация» буквально означает «изменение формы, искажение чего-либо»¹². Как справедливо отмечал в свое время В.Н. Кудрявцев, любая деформация в правовой сфере действия индивида (поведения, правосознания, правовой культуры и т. д.), вызванная различными объективными и субъективными факторами, с его стороны часто приводит к противоправному поступку¹³.

Впервые идея негативного отношения к правовым нормам и ценностям сознания в юридической науке была предложена в советский период И.И. Карпецом и А.Р. Ратиновым. По их мнению, одной из непосредственных причин, которые порождают преступление и отличающих его от иных антиобщественных

поступков, является разрушение или отсутствие правовых ценностей в юридическом сознании индивида. Оно выражается либо в правовом инфантилизме, т. е. несформированности правового сознания, либо в правовом негативизме – активной правовой тенденции личности¹⁴. Эта идея положила начало новой линии в юриспруденции – изучению правосознания законопослушных граждан и преступников – и получила определенное эмпирическое подтверждение. В частности, были выявлены существенные различия правосознания названных категорий лиц на оценочном и регулятивном уровнях его формирования.

Анализируя вышеизложенные тезисы, С.А. Ковалев предлагает следующее определение деформации правосознания: это негативное социальное явление, для которого свойственны такие изменения его состояния, которые искаженно отражают реальную общественную и личную правовую действительность и выражают негативное отношение к действующей системе права, законности и правопорядку в целом¹⁵.

Деформация правосознания в переживаемый Россией переходный период развития общества возникает вследствие рассогласования потребностей и интересов, ценностных ориентаций и установок, норм и традиций, сознательных и правовых образов субъектов правовых отношений.

Кризис, затянувшийся и сопровождающийся в стране непрерывным падением производства, социальным расслоением общества, обнищанием десятков тысяч людей, разгулом преступности, разрушением традиционных ценностей жизни, неопределенностью государственного устройства, коррупцией и бюрократизацией чиновничества, региональным сепаратизмом, размывает правовую систему общества, искажает массовое сознание, преобладающими особенностями которого стали тревога, растерянность, разочарование в реформах, правовой нигилизм, ощущение большинством населения страны своей социальной отверженности. В массовом сознании людей формируется убежденность в возможности со-

¹⁰ Лимаренко И.Ю. Существенные признаки правосознания // Общество и право. 2009. № 4. С. 55–57.

¹¹ Панченко А.М., Канина И.А. Социально-психологические факторы, влияющие на деформацию правового сознания сотрудников правоохранительных органов // Юридическая психология. 2014. № 4. С. 10–13.

¹² Дворецкий И.Х. Латино-русский словарь. М., 1976. С. 298.

¹³ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 191.

¹⁴ Карпец И.И., Ратинов А.Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С. 47–54.

¹⁵ Ковалев С.А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. 2009. № 13. С. 35–37.

вершить преступление и при этом не быть наказанным, так как преступность начинает действовать чуть ли не легально, захватывая все новые сферы влияния, в том числе в самых высших эшелонах власти. Весь этот беспорядок, неразбериха в законодательстве дает простор для злоупотребления и самоуправства должностных лиц и властных структур всех уровней¹⁶, поэтому мы видим повсеместное массовое неисполнение и несоблюдение правовых предписаний. Такое непослушание – результат низкого и деформированного правосознания и отсутствия правовой культуры. При этом целые пласты общественных отношений правом не регламентируются, создается большая область правового вакуума.

Слабая правовая защищенность личности подрывает веру в закон, способность права обеспечить порядок. Переставая уважать право, даже законопослушные граждане начинают допускать мысли о необязательности и отсутствии необходимости соблюдения правовых норм. Серьезной причиной и в то же время следствием деформирования правосознания и правовой культуры являются нарушения прав человека¹⁷.

С.А. Ковалев справедливо отмечает, что большая ответственность за рост деформации правосознания населения России лежит непосредственно и на государстве. Как представляется, уважение к праву нельзя воспитать в условиях ослабления государственности и невозможности экономически обеспечить достойную жизнь людей. Видение современного сильного государства предполагает, что все его структурные элементы опираются на право, обеспечивают права и свободы граждан и интересы общества в целом как необходимое условие решения социальных и экономических проблем, а человек, вынужденный заботиться об элементарном выживании, далек от восприятия правовых ценностей, он утрачивает к ним интерес, заодно теряя все нравственные ориентиры¹⁸.

¹⁶ Мамазакиров Р.У. Факторы, влияющие на формирование правосознания граждан в переходный период развития кыргызского общества // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2015. № 6. С. 137.

¹⁷ Хачатуров Р.И. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества в России: политико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 34.

¹⁸ Ковалев С.А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности. С. 35–37.

В научной и учебной литературе существуют различные классификации форм деформации правосознания. При этом основными среди них считаются правовой инфантилизм, правовой идеализм (фетишизм), правовой нигилизм и феномен перерождения правосознания, хотя существуют и иные, например, правовой радикализм, правовой популизм, правовой конформизм. Ограничимся лишь их краткой характеристикой.

Правовой нигилизм – наиболее распространенная форма деформации правосознания. Он понимается как неуважительное отношение к праву, законности и правопорядку и выражается в осознанном игнорировании правовых требований и отрицании ценности правового регулирования.

Негативно-правовой радикализм, или перерожденное правосознание, основан на сознательном отрицании закона по мотивам корысти, алчности. Наиболее распространенными формами перерождения являются совершение должностных преступлений и превращение места работы исключительно в средство подпольного заработка¹⁹. Это крайняя степень искажения правосознания, при которой поведение человека становится полностью аномальным.

Спекулятивно-правовой популизм проявляется в ярко выраженном настрое индивида на подчеркивание незаурядной значимости своего отношения к работе и ее результатам, стремление тем самым упрочить свое служебное и социальное положение. Его проявлением является исключительно показная работа должностного лица, выражающаяся в заигрывании с народом, спекулировании на его нуждах с целью приобретения авторитета и, в конечном счете, личных благ.

Правовой инфантилизм заключается в недостаточности или отсутствии правовых знаний, которых оказывается недостаточно для успешной профессиональной юридической деятельности. Его проявлением является правовая неграмотность и непрофессионализм.

Нравственно-правовой конформизм характеризуется формальностью выполнения должностных обязанностей, пассивностью и безыни-

¹⁹ Погребная Ю.К. Правосознание современного российского общества: вопросы теории и методологии исследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 74.

циативностью. Он выражается в пассивном восприятии правовой действительности, отличается стремлением всячески угодить начальству и коллегам, отсутствием критического отношения к результатам своего труда и работе коллег.

Правовой фетишизм, или правовой идеализм, проявляется в гипертрофированном понимании роли права, правовых институтов и юридических средств в осуществлении политических, социально-экономических и иных задач без учета их реальных потенциалов. Это безоглядная вера в силу правовых норм, которая находит олицетворение в идее о том, что достаточно те или иные отношения урегулировать с помощью закона, как обязательно соответствующие проблемы будут решены²⁰.

В рамках данной статьи хотелось бы особое внимание уделить именно правовому нигилизму как наиболее распространенной форме деформации правосознания, ибо в истории мировой общественной мысли существует не так много терминов, которые имели бы такое широкое употребление и относились к столь различным явлениям, как термин «нигилизм».

Термин «нигилизм» встречается в европейской теологической литературе уже во времена Средневековья. В XII в. одна из церковных ересей, выступавших с позиций отрицания догмата о богочеловеческой природе Христа, получила название ереси «нигилизма»²¹.

В западной философии термин «нигилизм» появился во второй половине XIX в. и получил широкое распространение благодаря концептуальным построениям А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, О. Шпенглера и ряда других мыслителей и философов.

В России термин «нигилизм» вошел в свободное употребление задолго до того, как стал популярен на Западе. В частности, М. Катков употребил его для характеристики взглядов Писарева. После выхода романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» в 1862 г. его герой сразу превратился в обобщенный образ русского ниги-

листа, а автора записали в изобретателя самого термина «нигилизм» в России и на Западе²².

Правовой нигилизм есть разновидность социального нигилизма как родового понятия. Сущность его заключается в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному режиму, а с точки зрения причин – в юридической необразованности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения. Показанная крайность – следствие многих причин, без преодоления которых идея правового государства неосуществима. Речь идет о невоспитанности права обществом.

Следует отметить, что дефицит права и правосознания в нашем государстве имеет далекие корни, уходящие в историю Российского государства. Формирование национального сознания в России отмечено наличием правового нигилизма у широких слоев населения. По мнению М.А. Месилова, это непосредственное следствие управленческой практики русского самодержавия, многовекового крепостнического бесправия, которое лишило значительное количество людей правосубъектности, разгула во все эпохи репрессивного законодательства, несовершенства правосудия, которые были обусловлены специфическим укладом жизни общества, экономическими, политическими и другими факторами. Сыграло свою негативную роль и отсутствие существенного внимания к праву со стороны православной церкви (в отличие от католической, роль которой в рецепции римского права весьма значительна).

За первые десятилетия существования советского общества правовой нигилизм, доставшийся от прошлого, не только не был преодолен, но к нему добавился еще и благопристойный «социалистический» правовой нигилизм²³.

Однако, по мнению Е.К. Матевосовой, неоднозначное отношение российского народа к своему прошлому, а особенно советскому, является причиной неоправданных упреков в адрес коммунистического учения в официальной «идеологизации» правового нигилизма.

²⁰ Иванченков Ю.В. Деформация правосознания адвоката в условиях современной России как фактор оказания некачественной юридической помощи // Адвокатская практика. 2011. № 4. С. 2–7.

²¹ Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. М. : Мысль, 2001. С. 364.

²² Философия : энцикл. слов. / под ред. А.А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. С. 243.

²³ Месилов М.А. Развитие правовой мысли о сущности правового нигилизма // История государства и права. 2007. № 3. С. 34–35.

Утверждение о принижении роли права в жизни социалистического общества как следствии провозглашенного курса на постепенное «отмирание» государства и права несостоятельно с точки зрения не только юридической науки, но и фактического материала, отражающего действительную картину состояния и всестороннего реформирования Советского государства. Более того, следует признать, что именно на данном этапе была сформирована и достаточно успешно функционировала система правового воспитания, прообраз которой и планируется восстановить в сегодняшней России²⁴.

Тем не менее, термин «нигилизм», по мнению большинства ученых, – это довольно мягкое отражение всех происходящих событий в современной России. Так, Р.Н. Донченко считает, что правовой нигилизм имеет в нашей стране благоприятнейшую почву. Он соглашается с мнением В.А. Туманова, который утверждает, что как только страна отказалась от тоталитарных методов управления и попыталась встать на путь правового государства, как только люди получили подлинную возможность пользоваться правами и свободами, так сразу же дала о себе знать низкая степень правовой культуры населения, десятилетия царившее в нем пренебрежение к праву, его недооценка²⁵.

А.С. Пиголкин, рассматривая правовой нигилизм как правовую категорию, утверждает, что он является продуктом социальных отношений и обусловлен массой причин. Он может подпитываться такими реалиями наших дней, как политиканство и циничный популизм лидеров всех рангов, борьба позиций и амбиций, самолюбий и тщеславий, эгоизм и властолюбие старой и новой бюрократии, некомпетентность чиновников²⁶.

Формы правового нигилизма могут быть самыми различными: от прямых преднамеренных нарушений действующих нормативных правовых актов, повсеместного массового несоблюдения и неисполнения юридических предписаний до подмены законности полити-

ческой, идеологической или прагматической целесообразностью, конфронтации представительных и исполнительных органов власти на всех уровнях²⁷.

Оценивая современное состояние российской действительности, В.В. Кулагин утверждает, что юридический нигилизм населения и определяемое им правовое поведение традиционно являются одной из сущностных характеристик отечественной правовой культуры. Бесчисленные правовые реформы последних десятилетий на фоне заявленной цели – построения в России правового государства – парадоксальным образом не только не решили проблему правового нигилизма, но привели к прямо противоположному результату²⁸. По выражению Н.И. Матузова, к двум известным бедам России сегодня смело можно прибавить третью – тотальный правовой нигилизм. Он является весьма опасным и разрушительным по своим последствиям²⁹.

Согласимся с мнением большинства ученых о том, что преодоление правового нигилизма – процесс весьма сложный и длительный, предполагающий глобальное изменение объективных условий жизни общества и направленный на создание обновленной социально-правовой среды. В системе мер преодоления правового нигилизма приоритетное значение приобретает юридическая политика государства, которая должна быть направлена на решение такой задачи, как утверждение в общественной жизни качественного правового закона, отражающего ценности личности, интересы и потребности различных социальных групп, соответствующего международно-правовым стандартам, учитывающего национальные традиции и, в конечном итоге, эффективно регулирующего общественные отношения³⁰.

Одним из основных средств формирования и повышения уровня правосознания и пра-

²⁴ Матевосова Е.К. Доктрина правового нигилизма // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1037–1043.

²⁵ Донченко Р.Н. Правовой нигилизм как устоявшееся общесоциальное явление // Юрист. 2005. № 6. С. 34–35.

²⁶ Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М. : Юрайт, 2011. С. 687–688.

²⁷ Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М. : Юрайт, 2012. С. 399.

²⁸ Кулагин В.В. Правовой нигилизм и коррупционная психология: грех от закона // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., 19 апреля 2013 г., г. Хабаровск / под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова; Хабаровск. краев. суд; Дальневосточ. филиал Рос. акад. правосудия. Хабаровск : Юрист, 2013. С. 86–87.

²⁹ Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Правовая культура. 2012. № 1. С. 8.

³⁰ Месиков М.А. Развитие правовой мысли о сущности правового нигилизма. С. 34–35.

вой культуры граждан, инструментом духовного воспитания личности в условиях построения в России правового государства должно стать правовое воспитание, проблема которого особенно актуальна сегодня в России. От того, как она будет решаться, во многом зависит, станет ли Российская Федерация действительно правовым государством, сможет ли обеспечить повсеместное соблюдение прав и законных интересов человека и гражданина, гарантировать реальную государственную и судебную защиту.

Содержанием правового воспитания должно быть формирование уважительного отношения к Конституции РФ, другим нормативным правовым актам, к суду и всей системе правоохранительных органов, к формам и институтам демократии. Основами формирования здорового правового и нравственного воспитания граждан России должны стать активное сотрудничество всех общественных групп населения, повышение благосостояния народа, расширение материальных гарантий прав человека, социальный мир, гражданское согласие³¹.

Библиографический список

1. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Васильев, А.А. Правовая культура России в свете отечественного консерватизма // Культура: управление, экономика, право. – 2012. – № 3.
3. Дворецкий, И.Х. Латино-русский словарь. – М., 1976.
4. Донченко, Р.Н. Правовой нигилизм как устоявшееся общесоциальное явление // Юрист. – 2005. – № 6.
5. Зырянов, М.Ю. К вопросу о сущности правосознания в связи с теорией права (некоторые аспекты) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2008. – № 2.
6. Иванченков, Ю.В. Деформация правосознания адвоката в условиях современной России как фактор оказания некачественной юридической помощи // Адвокатская практика. – 2011. – № 4.
7. Карпец, И.И. Правосознание и причины преступности / И.И. Карпец, А.Р. Ратинов // Советское государство и право. – 1968. – № 12.
8. Ковалев, С.А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. – 2009. – № 13.
9. Корнев, В.Н. Проблемы теории правосознания в современной отечественной юриспруденции // История государства и права. – 2009. – № 20.
10. Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982.
11. Кулагин, В.В. Правовой нигилизм и коррупционная психология: грех от закона // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., 19 апреля 2013 г., г. Хабаровск / под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова; Хабаровск. краев. суд; Дальневосточ. филиал Рос. акад. правосудия. – Хабаровск: Юрист, 2013.
12. Лазарев, В.В. Теория государства и права / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М.: Юрайт, 2012.
13. Лимаренко, И.Ю. Существенные признаки правосознания // Общество и право. – 2009. – № 4.
14. Мамазакиров, Р.У. Факторы, влияющие на формирование правосознания граждан в переходный период развития кыргызского общества // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. – 2015. – № 6.
15. Матевосова, Е.К. Доктрина правового нигилизма // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 6.
16. Матузов, Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Правовая культура. – 2012. – № 1.

---

³¹ Мельников В.Ю. Правосознание и правовое воспитание личности в демократическом, правовом государстве // Культура: управление, экономика, право. 2012. № 3. С. 11–17.

17. Мельников, В.Ю. Правосознание и правовое воспитание личности в демократическом, правовом государстве // Культура: управление, экономика, право. – 2012. – № 3.
18. Месилов, М.А. Развитие правовой мысли о сущности правового нигилизма // История государства и права. – 2007. – № 3.
19. Мигушенко, О.Н. Основные направления формирования теории правосознания в начале XX века // История государства и права. – 2013. – № 16.
20. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. – М. : Мысль, 2001.
21. Панченко, А.М. Социально-психологические факторы, влияющие на деформацию правового сознания сотрудников правоохранительных органов / А.М. Панченко, И.А. Канина // Юридическая психология. – 2014. – № 4.
22. Погребная, Ю.К. Правосознание современного российского общества: вопросы теории и методологии исследования : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
23. Сафронов, В.В. Правосознание гражданина. – Красноярск, 2004.
24. Сергевнин, С.Л. Российское национальное правосознание: некоторые конституционно-правовые проблемы // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 5.
25. Сырцев, В.А. Социалистическое правосознание в СССР. – М., 1958.
26. Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – М. : Юрайт, 2011.
27. Философия : энцикл. слов. / под ред. А.А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004.
28. Хачатуров, Р.И. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества в России: политико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005.
29. Чуйков, Д. Понятие правосознания // История государства и права. – 2007. – № 21.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

* * *

МЫСЛИ О СОДЕРЖАНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

СОЛОВЬЕВ Сергей Геннадьевич

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию концептуальных, теоретических и практических аспектов правового института перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ.*

В работе исследованы предпосылки для введения, содержание и экспертные оценки перспективности указанного правового института. С позиции теории целеполагания в исследовании сформулированы основные цели, для достижения которых местное самоуправление было включено в механизм государственного устройства Российской Федерации, предложено авторское видение иерархии этих целей. С учетом иерархии целей местного самоуправления сделана попытка оценить перспективы совершенствования механизма перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ, а также сформулировать прогноз относительно вероятностных результатов введения анализируемого правового института в современную систему местного самоуправления.

***Annotation.** The article investigates conceptual, theoretical and practical aspects of legal institution of reauthorization between local government and public authorities of the constituent entity of the Russian Federation. The article considers prerequisites for introduction, the content, and expert prospectivity assessment of the specified legal institution. According to the theory of goal-setting the author formulates the main objectives which demand involvement of the local government into the mechanism of state system of the Russian Federation. The article also reveals the author's vision of hierarchy of these purposes. Taking into account the hierarchy of local government objectives, the author attempts to estimate the prospects of improvement of the mechanism of reauthorization between local government and public authorities of the constituent entity of the Russian Federation. The researcher also gives a prognosis concerning probability results of introduction of the analyzed legal institution into the modern system of local government.*

***Ключевые слова:** местное самоуправление, цели местного самоуправления, институт перераспределения полномочий между государственными и муниципальными органами.*

***Keywords:** local government, objectives of the local government, institution of reauthorization between the local government and public authorities.*

Если мы не изменим направления своего движения, мы рискуем оказаться там, куда движемся.

Концептуальный афоризм

Система российского местного самоуправления в исторической ретроспективе последних 30 лет переживает устойчивый системный кризис. Предпринимавшиеся попытки ее реформи-

рования, периодически запускаемые с федерального уровня, к настоящему времени не достигли своей цели. В связи с этим, если отталкиваться от мнения Д.И. Менделеева о том, что

«наука начинается там, где начинают измерять»¹ и произвести сравнительные измерения не абстрактных муниципальных показателей, имеющих (в соответствии с новейшими работами ученых Стэнфордского университета) довольно большой индекс запутывания² (самостоятельность местного самоуправления, уровень муниципальной демократии, независимость местной власти, укоренение самоуправленческих, корпоративистских начал, развитие деятельной автономии личности...), а реальных критериев состояния муниципальной инфраструктуры (состояние сетей и дорог в муниципалитетах, благоустройство дворовых территорий, состояние жилого фонда, освещенность и озеленение территорий...), то очевидным становится тот факт, что вопросы местного значения намного эффективнее решались в советское время, когда и была создана основа современной, предельно изношенной муниципальной инфраструктуры. Таким образом, новейшую историю местного самоуправления, к сожалению, следует изучать как историю болезни, которая к настоящему времени содержит отчет о неразрешенных проблемах и (что очень важно для муниципально-правовой науки) ключи к пониманию их причин.

При этом, несомненно, принципиально новым этапом в реформировании российского местного самоуправления являются внесенные Федеральным законом от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» муниципальные новеллы, в которых предпринята попытка реформирования местного самоуправления на концептуально иных основах. Стержнем указанного Федерального закона, как указывают многие практики муниципального строительства, является введенный в муниципальное законодательство правовой институт перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ³.

Введение в муниципальное законодательство указанного правового института, уже

имевшего некоторый опыт частичного нормативного закрепления в Законе СССР от 9 апреля 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР»⁴ и представляющего собой поворот на сто семьдесят градусов по сравнению с первоначальной идеологией реформы начала 2000-х гг., вызвало неоднозначную реакцию со стороны муниципального сообщества. Следует указать на тот факт, что значительная часть видных теоретиков и практиков муниципального строительства⁵ достаточно критически отнеслась к введенной конструкции правового института перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ.

Анализируя указанные критические отзывы в отношении анализируемого правового института, следует учитывать, что любой ученый в суждениях излагает свое субъективное мнение об объективных процессах. При этом важно помнить о том, что оценить то или иное решение органов государственной власти в сфере местного самоуправления можно только в рамках определенной, субъективно принимаемой концепции его построения, в первую очередь предполагающей определение целей института местного самоуправления. Только после этого можно разрабатывать стратегию, программы, пути и методы решения поставленных задач и оценивать те или иные решения законодательных органов. Любое их решение не является верным или ошибочным априори, аргументированную оценку происходящему можно дать только с позиции концепции построения местного самоуправления, разделяемой тем или иным ученым.

В связи с этим оценить перспективность введения в законодательство РФ указанного правового института можно лишь при четком

⁴ Васильев В.И. Местное самоуправление: закон первый // Местное право. 2015. № 1. С. 9.

⁵ Бабун Р.В. 2014 год в истории местного самоуправления России: вперед или назад. С. 14; Шугрина Е.С. Новый этап муниципальной реформы или контрреформирование контрреформ? // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 68–71; Бялкина Т.М. Новая муниципальная реформа: изменение подходов к правовому регулированию компетенции местного самоуправления // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8; Костюков А.Н. Реформа в никуда... // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 58–63; Пешин Н.Л. Новые тенденции муниципальной реформы: уровень городских округов и муниципальных районов // Там же. 2015. № 1. С. 57–61; Ежуква О.А. Современный законодательный подход к правовому регулированию компетенции органов местного самоуправления // Там же. № 3. С. 56–59; Маркварт Э. Чтоб боялись, или Зачем понадобилась очередная «реформа реформы» местного самоуправления // Новый компаньон. 2014. 10 июня.

¹ Менделеев Д.И. Соч. М.: АН СССР, 1952. Т. 25.

² Stanford researchers uncover patterns in how scientists lie about their data. URL: <http://news.stanford.edu/news/2015/november/fraud-science-papers-111615.html> (дата обращения: 07.12.2015).

³ Бабун Р.В. 2014 год в истории местного самоуправления России: вперед или назад // Местное право. 2015. № 1. С. 14.

определении иерархии целей, для достижения которых публичный институт местного самоуправления в 1990-х гг. был включен в механизм государственного устройства Российской Федерации. Именно соотнесение указанных целей и достигнутых результатов, с учетом совершенных ошибок, позволит сформулировать прогноз относительно вероятностных результатов введения анализируемого правового института в современную систему местного самоуправления, а также дать аргументированный ответ на вопрос о том, представляет ли указанная правовая конструкция, в терминах Б. Обамы⁶, «дерзость надежды» или конец российских самоуправленческих иллюзий.

Местное самоуправление – самоцель или средство достижения иных целей

Публичный институт местного самоуправления функционирует в составе государственного образования, в котором, помимо процессов управления в государстве, протекают самоуправленческие процессы. Общественная природа местного самоуправления создает некоторую иллюзию стихийности происходящих в нем процессов, однако это только иллюзия. В системе местного самоуправления решаются серьезные государственные задачи, и для обеспечения благоденствия на местах нужно четко понимать концепцию местного самоуправления (модель, идеальную форму), на воплощение которой необходимо работать. Определение же указанной концепции в первую очередь предполагает выделение системы либо совокупности целей введения системы местного самоуправления в механизм осуществления государственного управления Российской Федерацией.

Исходя из того, что в нашем обществе многие жизненные идеалы реализуются через законы (несмотря на то, что законодатели очень часто четко не определяют цели и концепцию, на базе которых принимаются федеральные законы, а авторы теоретических работ в области муниципального права и управления нередко избегают четкого определения целей местного самоуправления), следует все же попытаться определиться с вектором целей, для достижения

которых в законодательстве РФ закреплён публичный институт местного самоуправления.

1. *Местное самоуправление – самоцель.* Постановка подобной цели местного самоуправления имеет место в трудах последователей формально-юридического подхода, аргументирующих необходимость введения института местного самоуправления в механизм государственного устройства Российской Федерации тем, что данный институт закреплён в Европейской хартии местного самоуправления, принятой 15 октября 1985 г. и ратифицированной Российской Федерацией 11 апреля 1998 г. Если следовать в русле рассуждений апологетов данного целеполагания, местное самоуправление должно присутствовать в системе управления Российским государством безотносительно от полезности, бесполезности или вредности данного публичного института.

2. *Местное самоуправление – средство решения вопросов местного значения.* В соответствии с ч. 1 ст. 130 Конституции РФ к целям местного самоуправления отнесено самостоятельное решение населением вопросов местного значения. Подобная цель изложена также в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», закрепившей в достаточно витиеватой форме тезис о том, что местное самоуправление в Российской Федерации представляет собой форму осуществления народом своей власти, обеспечивающую решение населением вопросов местного значения.

3. *Местное самоуправление – средство для приближения власти к населению.* Постановка указанной цели перед институтом местного самоуправления, по мнению В.В. Путина, обусловлена тем, что «этот уровень управления не называется государственным в юридическом смысле слова, но по смыслу, конечно, это один из самых важнейших, самых важных государственных уровней власти, потому что он непосредственно работает с людьми в ежедневном, в ежечасном режиме»⁷.

4. *Местное самоуправление – средство для самоорганизации местного населения и отделения его от государственного аппарата*

⁶ Obama B. The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream // Three Rivers Press. 2006.

⁷ Стенограмма заседания Совета по развитию местного самоуправления при Президенте РФ от 21 января 2013 г. URL : <http://news.Kremlin.ru/news/17397> (дата обращения: 16.10.2015).

та. Постановка подобной цели в отношении современной российской системы местного самоуправления, которая решает достаточно серьезные вопросы, имеющие немаловажное значение для государства, представляется достаточно спорной. Очевидным является тот факт, что даже если роль муниципалитетов в решении местных вопросов усилится, то присутствие государства в лице его органов все равно будет достаточно ощутимым, так как остроту местных проблем непосредственно воспринимает значительная часть граждан страны. В связи с этим государство, в качестве целей которого обозначено создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ), не может отстраняться от решения каких-либо социальных вопросов, объективно являющихся частью общегосударственных дел в границах муниципального образования.

Во всем мире решение вопросов местного значения непосредственно или опосредованно направлено на реализацию прав и свобод граждан, гарантируемых государством в соответствии с конституцией и подлежащих реализации в соответствии с государственными стандартами⁸.

5. *Местное самоуправление – средство разрушения единой системы государственного управления.* Вероятность постановки подобной цели обусловлена тем, что любой частный процесс может быть вложен в более глобальные процессы. Очевидно, что достижение абсолютной независимости и самостоятельности всеми российскими муниципалитетами по факту (как и имевший место в истории России «парад суверенитетов субъектов РФ») означает развал системы управления Российской Федерацией как единого и целостного государственного образования.

Трудно отрицать, что подобная цель процесса развития местного самоуправления в Российской Федерации вполне может вписываться в планы ее геополитических конкурентов, пытающихся насаждать в России тупиковые направ-

ления и модели развития общественных процессов и продвигать их посредством настойчивых рекомендаций по внедрению соответствующих международно-правовых норм, требования которых они имеют возможность не исполнять⁹.

Вероятно, если поставить задачу детально определиться с системой целеполагания и вектором целей применительно к российскому местному самоуправлению, то, несомненно, можно выделить еще немало целей¹⁰. Однако, в нашем понимании, все они будут являться производными по отношению к вышеперечисленным основным целям. Применительно же к теме исследования важным является тот факт, что положительно или отрицательно оценить введение в муниципальное законодательство правового института перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ можно, лишь отталкиваясь от субъективно принимаемых целей, которых, по мнению исследователя, должна достигнуть система местного самоуправления.

При этом важно учитывать, что для института местного самоуправления возможно установление не одной единственной, а нескольких целей, которые могут быть однонаправленными или взаимоисключающими. При этом для обеспечения четкости научного познания в перечне однонаправленных целей должна быть выделена основная цель, определена иерархия и последовательность второстепенных целей.

Например, если в качестве основной цели российского местного самоуправления определить *решение вопросов местного значения*, то правовой институт перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ достаточно органично вписывается в самоуправленческую систему, создаваемую для достижения подобной цели.

Если же в качестве основной цели российского местного самоуправления определить *самоорганизацию местного населения и отделение его от государственного аппарата*, то очевидно, что правовой институт перераспре-

⁸ Cohen J.M., Peterson S.B. Administrative Decentralization: Strategies for Developing Countries. Boulder (CO, USA) : Kumarian Press, 1999. P. 18–20 ; Cheema G.S., Rondinelli D.A. From Government Decentralization to Decentralized Governance // Decentralizing Governance: Emerging Concepts and Practices. Washington (D.C., USA) : Brookings Institution Press, 2007. P. 1–20 ; Falletti T.G. Decentralization and Subnational Politics in Latin America. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 39.

⁹ Abushenko D.B., Sirekanyan V.V., Solovov S.G. World Global Systemic Crisis and the Local Self-Government Basic Ideals // Asian Social Science (ASS). 2015. № 18. P. 269.

¹⁰ Соловьев С.Г. Спорные вопросы системы идеалов современного местного самоуправления // Юридическая наука. 2015. № 2. С. 39.

деления полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ не вписывается в самоуправленческую систему, работающую на достижение подобной цели.

Исходя из вышеизложенного, для исключения бесполезных (и скорее всего бесконечных) споров в отношении перспектив правового института перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ, а также дискуссий, касающихся прогнозируемых итогов от его введения, нужно определиться с основной целью современной системы российского местного самоуправления и выстроить иерархию целей, которая со временем может меняться. При этом, в нашем понимании, на сегодня в качестве основной цели российского местного самоуправления следует рассматривать *решение вопросов местного значения*. Второй целью в порядке иерархии можно определить *приближение власти к населению*, а третьей – *самоорганизацию местного населения и отделение его от государственного аппарата*.

Исходя из обозначенной системы целеполагания в отношении системы российского местного самоуправления, можно перейти к определению правовых проблем в действующем правовом институте перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ.

Перспективы совершенствования механизма перераспределения полномочий между государственным и муниципальным уровнями власти

Как уже указывалось выше, идея перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти уже находила свое нормативное закрепление в законодательстве¹¹. В контексте исследования следует отметить, что современный правовой институт перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ является своеобразной интерпретацией вышеуказанной идеи.

По нашему мнению, если подходить к анализируемому правовому институту без кривотворства и изоцированной логики, то следует положительно оценить основную цель современной модели перераспределения государственных и муниципальных полномочий, предполагающую в идеале принятие к собственному исполнению субъектом РФ вопросов, которые муниципалитеты не могут реализовывать. Однако при этом следует указать на то, что данная модель перераспределения государственных и муниципальных полномочий пока еще достаточно далека от совершенства. В связи с этим в заключение данного исследования представляется разумным поставить в отношении соответствующего правового института ряд теоретических и практических вопросов, определяющих в подобной (несколько нетрадиционной) форме возможные направления его совершенствования.

Во-первых, в ст. 1 Федерального закона от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ речь идет о перераспределении полномочий, а не о перераспределении компетенции между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ. При этом, если учесть, что компетенция органа состоит из его полномочий и предметов ведения, то в рамках предлагаемой модели при перераспределении полномочий (совокупности прав и обязанностей) не перераспределяются предметы ведения соответствующих органов. Это спорно как с точки зрения теории права, так и с точки зрения муниципальной практики. В соответствии с теорией права правильным будет закрепить модель перераспределения компетенции между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ.

Во-вторых, правовой институт перераспределения полномочий между муниципальным и государственным уровнями власти предполагает механизмы изъятия полномочий у органов местной власти, вступая в серьезный конфликт с конституционной концепцией самостоятельности местного самоуправления. Данный институт несет потенциальную угрозу ущемления прав муниципалитетов на внутреннее территориальное устройство и самостоятельное определение структуры органов местного самоуправления.

В-третьих, вопросы вызывает то, что существующая схема перераспределения полномочий между органами местного самоуправле-

¹¹ Васильев В.И. Местное самоуправление: закон первый. С. 9.

ния и органами государственной власти субъекта РФ не предполагает обращения соответствующего муниципалитета при решении вопроса о перераспределении (а если говорить по сути, то при фактическом изъятии) полномочий.

В-четвертых, вопросы порождает отсутствие в существующей схеме перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ обязанности устанавливать правовым актом органа власти субъекта РФ факт невозможности или явной нецелесообразности исполнения муниципалитетом соответствующего полномочия.

В-пятых, потенциальная возможность постоянных изменений законодательства и периодического перераспределения полномочий между муниципальным и государственным уровнями власти создает угрозы стабильности правового регулирования и устойчивости системы осуществления публичной власти.

В-шестых, введение в систему муниципального права правового института перераспределения полномочий между муниципальным и государственным уровнями власти обуславливает постановку серьезного вопроса о возможности рассмотрения органов государственной власти субъектов РФ, наделенных (пусть и на определенный срок) правом решения вопросов местного значения, в качестве элементов современной системы осуществления российского местного самоуправления.

В-седьмых, в настоящее время следует констатировать пока еще неудовлетворительное состояние отраслевого федерального законодательства, призванного определять полномочия органов местного самоуправления в соответствующих отраслях (права и обязанности муниципалитетов формулируются в самом общем виде, нечетко, расплывчато; понятие «полномочия» подменяется понятием «вопросы местного значения»). В связи с этим возникает вопрос о том, не приведет ли перераспределение неоднозначно урегулированных полномочий к путанице в определении компетенционного статуса органов публичной власти разного уровня, не нарушит ли согласованность их действий.

В-восьмых, введение в систему муниципального права правового института перераспределения полномочий между муниципальным и государственным уровнями власти предполагает проработку правового статуса

органов местного самоуправления, осуществляющих перераспределенные государственные полномочия в условиях двойного подчинения.

В-девятых, Федеральным законом от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ не закреплена обязанность органов государственной власти субъекта РФ финансировать осуществление перераспределяемых полномочий, что неизбежно вызывает вопросы о надлежащем финансовом обеспечении последних.

В-десятых, в условиях, когда местная власть полностью не обеспечена финансовыми возможностями по исполнению собственных полномочий, у органов местного самоуправления объективно возникает постоянный соблазн по возможности избавляться от них, как можно больше передавая на верхний уровень.

В-одиннадцатых, на сегодняшний день существует неопределенность в вопросе, связанном методикой оценки стоимости оказания муниципальных услуг. Однако органам власти следует иметь критерии, позволяющие определить, сколько финансовых ресурсов нужно бюджету муниципального образования на исполнение конкретных полномочий. Очевидно, что перед перераспределением (как органам государственной власти, так и органам местного самоуправления) необходимо объективно оценить стоимость полноценного осуществления перераспределяемых полномочий.

В-двенадцатых, новая модель распределения компетенции в сфере осуществления местного самоуправления не устраняет существующую проблему недостатка финансовых средств, добавляя при этом неопределенность с распределением полномочий. Это создает для муниципалитетов опасность быть втянутыми в длительный процесс реформирования системы управления муниципальными образованияами, в ходе которого не смогут эффективно решаться вопросы местного значения.

В-тринадцатых, возникают вопросы о том, могут ли законами субъектов РФ перераспределяться полномочия органов местного самоуправления, предусмотренные в отраслевом федеральном законодательстве, или же данный порядок распространяется только на муниципальные полномочия, перечисленные в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В-четырнадцатых, в практике муниципального строительства неизбежно возникают вопросы о том, допускает ли ч. 1.2 ст. 17 Феде-

рального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» возможность фактической передачи на региональный уровень всех допустимых к передаче полномочий органов местного самоуправления, составляющих суть местного самоуправления, и не превратятся ли при этом органы местного самоуправления подобных муниципалитетов в «почтовый ящик» по передаче писем, жалоб и предложений в органы государственной власти субъекта РФ.

В-пятнадцатых, буквальное толкование положений ч. 1.2 ст. 17 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» позволяет сделать вывод о допустимости перераспределения полномочий только между муниципальным и государственным уровнями власти и поставить под вопрос возможность перераспределения полномочий между различными видами и уровнями муниципальных образований.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Закон СССР от 9 апреля 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Бабун, Р.В. 2014 год в истории местного самоуправления России: вперед или назад // Местное право. – 2015. – № 1.
5. Бялкина, Т.М. Новая муниципальная реформа: изменение подходов к правовому регулированию компетенции местного самоуправления // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 8.
6. Васильев, В.И. Местное самоуправление: закон первый // Местное право. – 2015. – № 1.
7. Ежукова, О.А. Современный законодательный подход к правовому регулированию компетенции органов местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 3.
8. Костюков, А.Н. Реформа в никуда... // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 4.
9. Маркварт, Э. Чтоб боялись, или Зачем понадобилась очередная «реформа реформы» местного самоуправления // Новый компаньон. – 2014. – 10 июня.
10. Менделеев, Д.И. Соч. – М. : АН СССР, 1952. – Т. 25.
11. Пешин, Н.Л. Новые тенденции муниципальной реформы: уровень городских округов и муниципальных районов // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1.
12. Соловьев, С.Г. Спорные вопросы системы идеалов современного местного самоуправления // Юридическая наука. – 2015. – № 2.
13. Стенограмма заседания Совета по развитию местного самоуправления при Президенте РФ от 21 января 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://news.Kremlin.ru/news/17397> (дата обращения: 16.10.2015).
14. Шугрина, Е.С. Новый этап муниципальной реформы или контрреформирование контрреформ? // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 4.
15. Abushenko, D.B. World Global Systemic Crisis and the Local Self-Government Basic Ideals / D.B. Abushenko, V.V. Sirekanyan, S.G. Solovev // Asian Social Science (ASS). – 2015. – № 18.
16. Cheema, G.S. From Government Decentralization to Decentralized Governance / G.S. Cheema, D.A. Rondinelli // Decentralizing Governance: Emerging Concepts and Practices. – Washington (D.C., USA) : Brookings Institution Press, 2007.
17. Cohen, J.M. Administrative Decentralization: Strategies for Developing Countries / J.M. Cohen, S.B. Peterson. – Boulder (CO, USA) : Kumarian Press, 1999.

18. Falleti, T.G. Decentralization and Subnational Politics in Latin America. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

19. Obama, B. The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream // Three Rivers Press, 2006.

20. Stanford researchers uncover patterns in how scientists lie about their data [Electronic resource]. – Mode of access : <http://news.stanford.edu/news/2015/november/fraud-science-papers-111615.html> (дата обращения: 07.12.2015).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

***

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ДОГОВОРАХ

КЛИМОВА Анна Николаевна

Аннотация. В статье проанализированы ограничения рассматриваемого принципа в договорных отношениях с участием предпринимателей с позиций цивилистической науки и науки предпринимательского права, а также выработанной арбитражно-судебной практики, в том числе случаи обязательного заключения договора для субъекта предпринимательской деятельности, ограничения в свободе выбора контрагента. Кроме того, особенности реализации принципа свободы договора показаны на примере договорных конструкций, используемых преимущественно либо исключительно в сфере предпринимательской деятельности, как то публичный договор, договор присоединения и предварительный договор.

Annotation. The article analyzes limitations of the considered principle in contractual relations with the involvement of entrepreneurs from the perspective of civil jurisprudence, business law, and framed arbitral jurisprudence. The author also studies cases of compulsory conclusion of a contract for the subject of business entity and restrictions on the contractor's freedom of choice. In addition, the article demonstrates specific character of implementation of the principle of freedom of a contract on the example of contractual structures used mainly or only in business, such as a public contract, a contract of adhesion and a preliminary contract.

Ключевые слова: свобода договора, предпринимательский договор, публичный договор, договор присоединения, предварительный договор.

Keywords: freedom of contract, business contract, public contract, contract of adhesion, preliminary contract.

Будучи председателем Высшего Арбитражного Суда РФ, А.А. Иванов высказал мнение, что «наиболее высокая степень свободы оправдана только в так называемом предпринимательском договоре»¹. Действительно, в гражданском законодательстве можно найти примеры норм, расширяющих рамки договорной свободы для предпринимателей. Так, п. 1 ст. 310 ГК РФ, по общему правилу, не допус-

кает односторонний отказ от исполнения обязательства, равно как и одностороннее изменение его условий. Однако в отношении обязательства, связанного с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, возможно и одностороннее изменение его условий, и односторонний отказ от его исполнения в случаях, предусмотренных законом или договором (п. 2 ст. 310 ГК РФ). Следует отметить, что наибольшее число ограничений договорной свободы предусмотрено именно для данной категории договоров. Некоторые аспекты реализации рассматриваемого принципа в договорах с участием субъектов предпринимательской деятельности рассмотрены в настоящей статье.

¹ Доклад председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А.А. Иванова «Значение гражданско-правовых договоров для развития экономического оборота и обеспечения экономической привлекательности» на Международном форуме стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Договорное право: актуальные проблемы заключения и исполнения коммерческих контрактов», 23 сентября 2011 г. URL : <http://www.rapsinews.ru> (дата обращения: 29.09.2011).

Итак, одним из основополагающих в гражданском и предпринимательском праве является принцип свободы договора, содержание которого, согласно ст. 421 ГК РФ, включает такие элементы, как свобода заключения договора, подразумевающая право субъектов самостоятельно решать, заключать договор или отказаться от его заключения; свобода определения вида заключаемого договора, предполагающая возможность заключать как предусмотренные ГК РФ, так и непоименованные договоры, а также смешанные договоры; свобода выбора контрагента по договорному отношению и свобода формирования условий договора. Между тем, в цивилистической науке и науке предпринимательского права единого мнения в отношении содержания принципа свободы договора не существует. Например, некоторые авторы рассматривают свободу выбора контрагента как самостоятельную составляющую принципа свободы договора². Другие утверждают, что она входит в свободу заключения договора, ссылаясь на то, что свобода выбора партнера законодательно не выделена³. На наш взгляд, необходимость выделения свободы выбора партнера в качестве самостоятельного элемента содержания принципа свободы договора обусловлена важностью и исключительностью данного этапа в формировании договорного отношения, указанная свобода находится в тесной взаимосвязи с другими элементами содержания договорной свободы, как то свобода определения вида договора и его условий, и способствует их полной и наиболее выгодной для сторон реализации. Часто фигура контрагента предопределяет судьбу конкретного договорного отношения, сводя к минимуму возможность неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства.

В последнее время данной позиции придерживаются и арбитражные суды, особенно подчеркивая важность выбора контрагента в сфере предпринимательской деятельности. При принятии решений отмечается, что «принцип свободы договора выражается, в том числе, в свободе выбора контрагента по договору, исходя из своих потребностей, особенностей товара, а также конкурентоспособности,

коммерческого знания и опыта контрагента»⁴, или, например, что «каждый субъект предпринимательской деятельности вправе сам решать, заключать ему договор или нет; свободен он и в выборе контрагента по договору... Таким образом, субъекты гражданских правоотношений – юридические лица и индивидуальные предприниматели – должны серьезно относиться к выбору своих контрагентов, определению предмета и условий договора, поскольку в противном случае велика вероятность утраты договором его неотъемлемого признака – стабильности договора»⁵. Подобная аргументация довольно часто встречается в решениях арбитражных судов⁶.

Как и любой другой принцип права, свобода гражданско-правового договора не может быть безграничной. Закрепляя ее законодательно, ГК РФ допускает и отступления. Согласно ст. 55 Конституции РФ и абз. 2 п. 2. ст. 1 ГК РФ ограничение гражданских прав возможно при соблюдении двух необходимых условий: а) ограничение может быть введено только федеральным законом; б) оно допустимо только в той мере и по тем основаниям, которые предусмотрены законом, а именно в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства⁷. В подтверждение сказанному судами выработана позиция, согласно которой установление в нормативном акте субъекта РФ обязанности заключить договор противоречит принципу свободы договора⁸.

⁴ Постановление ФАС Московского округа от 6 февраля 2013 г. по делу № А41-11892/12. URL : <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 19.11.2015).

⁵ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 11 марта 2012 г. по делу № А41-38457/11. URL : <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 19.11.2015).

⁶ См., напр.: Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 февраля 2012 г. по делу № А57-6421/2011; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 12 апреля 2010 г. по делу № А33-16649/2009; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 21 марта 2013 г. № Ф19-17638/2012. URL : <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 19.11.2015).

⁷ См.: Слепенкова О.А. Ограничение принципа свободы договора: законодательство и позиция судов // Цивилист. 2008. № 4; Дмитриев М.А. Принцип свободы договора (комментарий к статье 421 Гражданского кодекса РФ) // Мировой судья. 2011. № 12.

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 28 апреля 2003 г. № 13-Г03-5; Определение Президиума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2003 г. № 50пв-03 // СПС «КонсультантПлюс».

² Коммерческое право : учеб. / под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. СПб., 1998. Ч. 1. С. 24.

³ Танага А.Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 36–37.

Предпринимательство как особый вид деятельности, осуществляемой специальными субъектами – индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами, зарегистрированными в таком качестве, действующими на свой риск и ставящими перед собой цель получения прибыли на постоянной основе, предполагает некоторую специфику договорных отношений с участием названных субъектов. Ограничения принципа свободы договора в сфере предпринимательской деятельности могут касаться всех составляющих этого принципа. Например, ограничение свободы выбора контрагента предусмотрено в случае заключения договоров в интересах государства и общества, в частности, поставка для государственных нужд (ст. 526 ГК РФ), подрядные работы для государственных нужд (ст. 763 ГК РФ). Здесь ограничение договорной свободы продиктовано особой целью сделки – удовлетворением публичных нужд⁹. Ограничение свободы в выборе способа заключения договора может быть связано с требованием заключения отдельных договоров на торгах. Например, земельное законодательство указывает на необходимость заключения договора купли-продажи земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, равно как и договора аренды такого участка, на торгах в форме аукциона (ст. 39.3, 39.6 ЗК РФ). В данном случае решающее значение приобретает объектный состав сделки – государственное или муниципальное имущество¹⁰.

Кроме того, ГК РФ закрепляет ряд договорных конструкций, позволяющих учесть некоторые специфические черты предпринимательских договоров и применить к ним специальный правовой режим. К таковым относятся публичный договор, договор присоединения и предварительный договор. В каждом из названных случаев ограничение рассматриваемого принципа продиктовано потребностями гражданского оборота и имеет свои особенности.

Публичный договор выделен законодательно, чтобы закрепить возможность отступления от договорной свободы в ситуациях,

требующих защиты интересов экономически слабой стороны. При заключении публичного договора наиболее ограничены права продавца, поставщика, подрядчика, перевозчика, иных лиц, оказывающих различные услуги, поскольку существует обязанность заключить договор и ограничены права в определении его условий. Обязанность заключить договор в публичных договорах лежит лишь на одной стороне – коммерческой организации, правовой статус которой определен ст. 50 ГК РФ. Кроме того, учитывается характер осуществляемой такой организацией деятельности, которая должна быть связана с выполнением обязанности по продаже товаров, выполнению работ и оказанию услуг в отношении каждого, т. е. должна быть публичной. Именно этот признак дал название договору. Спорным представляется мнение В.В. Витрянского, утверждающего, что «для коммерческой организации, заключающей данный договор, исключается действие принципа свободы договора»¹¹. В указанной ситуации исключается только один элемент – свобода заключения договора. Условия же договора в большинстве случаев определяются именно коммерческой организацией, так как публичные договоры часто являются и договорами присоединения, поскольку предназначены для заключения со многими контрагентами.

Заключение публичного договора подчиняется специальным правилам, обозначенным в ст. 426 ГК РФ. Во-первых, коммерческая организация не вправе отказаться от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю товары, выполнить работы или оказать услуги. В целях формирования единообразной судебной практики пленумы Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ разъяснили, что в случае предъявления иска о понуждении заключить публичный договор бремя доказывания отсутствия такой возможности возложено на коммерческую организацию¹². При этом с иском о понуждении заключить публичный договор вправе обратиться только контрагент коммерческой организации. Самой организации по

⁹ См.: Статья 13 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Кабанова И.Е. Действие принципа свободы договора в отношениях с участием публичных субъектов // Гражданское право. 2015. № 2. С. 29–32.

¹¹ Витрянский В.В. Общие положения о договоре // Хозяйство и право. 1995. № 12. С. 16.

¹² Пункт 55 постановления пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июня 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

отношению к контрагенту такое право не предоставлено¹³. Во-вторых, по общему правилу, коммерческая организация не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим в заключении публичного договора. В-третьих, в публичном договоре цена товаров (работ или услуг) и иные условия должны быть одинаковыми для всех потребителей. Иными словами, не допускается включение в договор дискриминационных условий, ставящих одного или нескольких потребителей в неравное положение по сравнению с другими. Однако это не означает невозможности для сторон согласовывать различные условия в зависимости от конкретной ситуации. Так, стороны могут предусмотреть разные сроки платежа, отличающийся порядок исполнения обязательства и т. д.

Ограничения свободы заключения договора в отношении публичных договоров объективно необходимы. Однако подобный процесс может оказать существенное влияние на экономику, поэтому необходима четкая регламентация оснований, порядка и целей заключения подобных договоров¹⁴.

В договоре присоединения реализация принципа свободы договора осуществляется иначе. Согласно ст. 428 ГК РФ отличительным признаком названного договора выступает способ определения его условий и порядок заключения. Сущность договора присоединения заключается в том, что одна сторона разрабатывает условия договора, используя стандартную форму, а контрагент свободен лишь в решении вопроса о том, заключать или не заключать предложенный вариант договора. При таком способе заключения договора действие принципа свободы договора ограничено, поскольку стадия переговоров, согласования условий выпадает из процесса заключения договора, следственно, появляется реальная возможность ущемления прав экономически слабой стороны. Чтобы устранить этот дисбаланс, закон наделяет присоединяющуюся сторону правами, являющимися исключением из общего правила, устанавливаемого ст. 310 ГК РФ, о невозможности одностороннего отказа или

изменения условий обязательства. Интересы присоединившейся стороны могут быть защищены, если подобный договор содержит условия, пусть не противоречащие законодательству, но лишшающие прав, обычно предоставляемых по договорам данного вида, исключаящие или ограничивающие ответственность другой стороны за нарушение обязательства, либо содержащие другие, явно обременительные условия. В данном случае изменение или расторжение договора возможно по требованию стороны в судебном порядке согласно разъяснениям Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ¹⁵. Изложенный вариант регулирования предполагает, что присоединившейся стороной является гражданин-потребитель. Иная ситуация складывается в договорных отношениях между субъектами предпринимательской деятельности или когда присоединившаяся сторона договора – предприниматель. Согласно п. 3 ст. 428 ГК РФ требования, заявленные субъектом предпринимательской деятельности, не подлежат удовлетворению при условии, что присоединившаяся сторона знала или должна была знать, на каких условиях заключает договор. При рассмотрении споров, возникающих из договоров, исполнение которых связано с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, суды должны руководствоваться следующим. При заключении договора, проект которого был предложен одной из сторон и содержал в себе несправедливые условия (явно обременительные для контрагента либо существенным образом нарушающие баланс интересов сторон), а контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания договора (т. е. оказался более слабой стороной), суд вправе применить к такому договору положения п. 2 ст. 428 ГК РФ о договорах присоединения. Таким образом, для субъектов предпринимательской деятельности при определенных обстоятельствах не исключается возможность одностороннего изменения или расторжения договора, к которому по решению суда будут применены правила о до-

¹³ Пункт 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 5 мая 1997 г. № 14 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1997. № 7.

¹⁴ Славецкий Д.В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 48.

¹⁵ См.: Постановление пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июня 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

говоре присоединения¹⁶. В описанной ситуации отступление от принципа свободы договора происходит не на стадии заключения, а в последующем, когда сторона принуждается к изменению или расторжению договора, независимо от ее воли, благодаря чему восстанавливается экономический суверенитет зависимой стороны.

Многими юристами отмечается, что договоры с заранее разработанными условиями неизбежны в тех сферах предпринимательской деятельности, где заключается множество однотипных, стандартных сделок (например, в случае оказания бытовых услуг населению, продажи туристического продукта, пассажирских перевозок и др.)¹⁷. Однако совершенно очевидно, что договор присоединения не должен применяться в тех сферах экономики, где конкуренция отсутствует, например естественными монополиями¹⁸.

Для предпринимательских отношений важное значение имеет обязанность стороны по предварительному договору заключить основной договор по требованию контрагента в срок, установленный предварительным договором, если таковой не согласован сторонами, то в течение одного года (ст. 429 ГК РФ). Преимуществом предварительного договора является возможность для предпринимателей заблаговременно согласовать основные договорные условия, подготовить необходимую документацию. В предпринимательской деятельности заключению договора часто предшествуют длительные переговоры, результаты которых фиксируются в соглашениях о намерениях, протоколах и других документах. Отличие предварительного договора от них заключается в том, что он позволяет установить предмет и другие существенные условия основного договора.

В настоящее время судебные органы при принятии решений основываются на позиции,

согласно которой обязанность заключить основной договор в соответствии с предварительным договором не противоречит принципу свободы договора. Например, приводятся такие аргументы: заключив предварительный договор купли-продажи нежилого помещения, сторона данного договора тем самым выразила свою волю на отчуждение имущества и приняла на себя обязательство по заключению основного договора, которое должно быть исполнено в соответствии с положениями ст. 309 ГК РФ. Таким образом, заключение предварительного договора не может повлечь переход права собственности, возникновение обязательства по передаче имущества или оказанию услуги, однако порождает у сторон право и обязанность заключить основной договор. В силу п. 5 ст. 429 ГК РФ в случаях, когда сторона, заключившая предварительный договор, уклоняется от заключения основного договора, применяются положения п. 4 ст. 445 ГК РФ, предусматривающие право другой стороны обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор¹⁹.

Как вытекает из существа предварительного договора, ограничение свободы заключения договора в данном случае основывается на собственном волеизъявлении стороны, добровольно принявшей на себя соответствующие обязательства.

Таким образом, субъекты предпринимательской деятельности, вступая в договорные отношения, не вправе действовать и осуществлять права исключительно по своему усмотрению без учета прав и интересов других лиц (контрагентов). Ограничения принципа свободы договора многочисленны. Однако одновременно они выступают и гарантиями названной свободы, поскольку, ограничивая возможности и действия одного субъекта, государство, тем самым, обеспечивает интересы другого субъекта, в меньшей степени способного на защиту своих интересов.

¹⁶ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Копьев А.В. О свободе договора в сфере предпринимательства // *Налоги*. 2008. № 9; Тельгарин Р. О свободе заключения договора присоединения // *Российская юстиция*. 1997. № 1. С. 14–16; Кулагин М.И. *Предпринимательство и право. Опыт Запада*. М., 1992. С. 79.

¹⁸ См.: Клейн Н.И. Принцип свободы договора и основания его ограничения в предпринимательской деятельности // *Журнал российского права*. 2008. № 1; Козлова М.Ю. Действие принципа свободы договора в отношении субъектов естественной монополии // *Подготовлен для системы «КонсультантПлюс»*. 2007.

¹⁹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 58-В10-7 // СПС «КонсультантПлюс».

Библиографический список

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июня 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Президиума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2003 г. № 50пв-03 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Верховного Суда РФ от 28 апреля 2003 г. № 13-Г03-5 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 58-В10-7 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 5 мая 1997 г. № 14 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1997. – № 7.
8. Постановление ФАС Московского округа от 6 февраля 2013 г. по делу № А41-11892/12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 19.11.2015).
9. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 11 марта 2012 г. по делу № А41-38457/11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 19.11.2015).
10. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 февраля 2012 г. по делу № А57-6421/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 19.11.2015).
11. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 12 апреля 2010 г. по делу № А33-16649/2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 19.11.2015).
12. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 21 марта 2013 г. № Ф19-17638/2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 19.11.2015).
13. Витрянский, В.В. Общие положения о договоре // Хозяйство и право. – 1995. – № 12.
14. Димитриев, М.А. Принцип свободы договора (комментарий к статье 421 Гражданского кодекса РФ) // Мировой судья. – 2011. – № 12.
15. Доклад председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А.А. Иванова «Значение гражданско-правовых договоров для развития экономического оборота и обеспечения экономической привлекательности» на Международном форуме стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Договорное право: актуальные проблемы заключения и исполнения коммерческих контрактов», 23 сентября 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gapsinews.ru> (дата обращения: 29.09.2011).
16. Кабанова, И.Е. Действие принципа свободы договора в отношениях с участием публичных субъектов // Гражданское право. – 2015. – № 2.
17. Клейн, Н.И. Принцип свободы договора и основания его ограничения в предпринимательской деятельности // Журнал российского права. – 2008. – № 1.
18. Козлова, М.Ю. Действие принципа свободы договора в отношении субъектов естественной монополии // Подготовлен для системы «КонсультантПлюс». – 2007.
19. Коммерческое право : учеб. / под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. – СПб., 1998. – Ч. 1.
20. Копьев, А.В. О свободе договора в сфере предпринимательства // Налоги. – 2008. – № 9.
21. Кулагин, М.И. Предпринимательство и право. Опыт Запада. – М., 1992.
22. Славецкий, Д.В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора : дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2004.

23. Слепенкова, О.А. Ограничение принципа свободы договора: законодательство и позиция судов // Цивилист. – 2008. – № 4.

24. Танага, А.Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2001.

25. Тельгарин, Р. О свободе заключения договора присоединения // Российская юстиция. – 1997. – № 1.

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

ЛОГИНОВА Евгения Владимировна

***Аннотация.** В статье проанализированы современные доктринальные подходы к понятию корпоративных отношений. Показаны основные подходы к пониманию правовой природы корпоративных отношений. По мнению автора, корпоративные отношения являются разновидностью гражданско-правовых отношений и обладают всеми присущими данному виду правоотношений признаками. В то же время регулирование корпоративных отношений гражданским законодательством является не полным. Также показан заимствованный характер корпоративного регулирования в России.*

***Annotation.** The article analyzes modern doctrinal approaches to the notion of corporate relations. The author shows the main approaches to understanding the legal nature of corporate relations. According to the author of the article, corporate relations represent a type of civil law relations, and possess all features appropriate to this kind of legal relations. At the same time, regulation of corporate relations by means of civil legislation isn't complete. Also, the author reveals the borrowed character of corporate regulation in Russia.*

***Ключевые слова:** корпорация, корпоративные отношения, гражданское право, корпоративное право, юридическое лицо.*

***Keywords:** corporate body, corporate relations, civil law, corporate law, corporate entity.*

Актуальность исследования вопросов правовой природы корпоративных отношений определяется обстоятельствами, которые лежат вне сферы этих отношений. К ним можно отнести следующие факторы:

1) корпоративные отношения являются важной частью механизма рыночных отношений и в связи с этим требуют эффективного правового регулирования;

2) развитие корпоративного права в России опирается на зарубежный опыт, при этом возникают вопросы о целесообразности тех или иных заимствований, об их соответствии отечественным традициям правового регулирования;

3) экономические санкции, которые введены против России рядом западных стран, повышают значимость задачи выработки актуальной модели экономического развития и соответствующего правового регулирования.

В законодательстве РФ долгое время отсутствовало определение корпоративных отношений, что порождало определенные сложности при научном исследовании данного вопроса и в то же время давало ученым простор для разработки собственных концепций. В настоящий момент в ГК РФ внесены изменения,

и в п. 1 ст. 2 сформулировано, что корпоративными называются отношения, связанные с участием в корпорациях или управлением ими. Включение корпоративных отношений в гражданское законодательство дает все основания относить данные отношения к числу гражданско-правовых¹. При этом некоторые исследователи критикуют установленную законодателем формулировку корпоративных отношений, считают ее слишком неопределенной в содержании². При этом С.А. Сеницын справедливо указывает на отсутствие в ГК РФ системы корпоративных прав и обязанностей, принципов корпоративного права, особенностей осуществления (исполнения) корпоративных прав и обязанностей, специальных способов защиты корпоративных прав, т. е. всех необходимых аспектов правового регулирования.

По мнению Е.В. Суханова, корпоративное право является частным правом, а его нормы –

¹ Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования: моногр. / А.Н. Беседин [и др.]; под ред. Е.Д. Тягай. М.: Норма: Инфра-М, 2014. С. 10.

² Сеницын С.А. Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 52.

специальными по отношению к общему гражданскому праву³. Предмет корпоративного права, с точки зрения данного автора, составляют следующие группы отношений: внутренние (членские) отношения участников корпорации друг с другом и с корпорацией в целом; внешние частноправовые отношения корпораций, оформляющие их правовое положение по отношению к третьим лицам: представительство и иные случаи выступления от имени корпораций, а также их отношения с корпоративными кредиторами; взаимоотношения коммерческих корпораций в форме объединений капиталов, являющихся материнскими, дочерними и иными взаимосвязанными предприятиями.

В отечественной гражданско-правовой доктрине выработана общая позиция, согласно которой корпорация представляет собой юридическое лицо, основанное на членстве. Такое понимание происходит от изначального представления о сущности корпорации, сформированного в работах классиков цивилистики.

Немецким ученым О. Гирке, который одним из первых подробно исследовал сущность и природу корпорации, было установлено, что внутри последней существует устойчивая правовая связь (членство) между самой корпорацией и ее членами. При этом сам Гирке рассматривал корпорацию как «союзную личность»⁴.

В России первые корпорации возникали в виде акционерных обществ, причем акционерное учредительство стало для нашей страны заимствованным у Запада институтом. В итоге основные принципы корпоративного права пришли в Россию с Запада и стали рецепированным явлением в отечественном праве. В результате «к началу XIX века в России правовая основа деятельности акционерных компаний была весьма не прочной и не развитой»⁵.

Анализируя акционерное законодательство конца XVIII в., Т.Е. Новицкая справедливо отмечает, что внимание государства к акционерным обществам было обусловлено «заинтересованностью его самого в развитии того или

иного рода предпринимательства. Этим и определялся порядок деятельности акционерных обществ. Поскольку по каждому обществу издавался особый законодательный акт, то и общих норм, регулирующих их деятельность, нет, так как в каждом документе они различны. При необходимости в учредительном документе одного товарищества содержались ссылки на учредительный акт другой компании, нормы которого представлялись первому более подходящими. Акт об учреждении утверждался обычно именованным указом»⁶.

Создание и деятельность акционерных компаний регулировались весьма немногочисленными и разрозненными нормативными актами. Об этом писал и дореволюционный профессор Л.И. Петражицкий, отмечавший, что в данный период положение акционерных обществ регулировалось не нормами Свода законов, а административными предписаниями, издаваемыми отдельно для каждого вновь возникающего общества в процессе утверждения его устава и далеко отступающими от общего закона⁷. В соответствии с этим некоторые дореволюционные ученые относили положения об акционерных компаниях к числу разделов полицейского права⁸.

Оценивая данные акты с современных позиций, Т.Е. Новицкая пишет: «Содержание большинства указанных правовых актов в целом отличалось весьма бедным содержанием и зачастую исчерпывалось установлением ограниченной ответственности акционеров»⁹.

Анализ научной литературы показывает, что вопрос о правовой природе корпоративных отношений в отечественном правоведении является дискуссионным. Например, В.В. Долинская предпочитает говорить не о корпоративных, а об акционерных отношениях, и делит их на два вида:

1) собственно акционерные правоотношения (акционерные правоотношения в узком смысле слова, внутренние акционерные право-

³ См.: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014.

⁴ Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. С. 97.

⁵ Носов С.И. Акционерное законодательство России: история, теоретический анализ, тенденции развития. М.: Изд-во РАГС, 2001. С. 93.

⁶ Новицкая Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М.: Зерцало, 2005. С. 481.

⁷ Петражицкий Л.И. Акционерная компания: акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве. СПб., 1898. С. 3.

⁸ Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 66–69.

⁹ Новицкая Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. С. 481.

отношения), связанные с организацией и деятельностью акционерных обществ;

2) отношения, связанные с регулированием деятельности акционерных обществ и акционеров (внешние акционерные правоотношения)¹⁰.

Размышления указанного автора по поводу акционерных отношений в определенных случаях можно распространять на все корпоративные отношения, так как именно акционерное общество «наиболее последовательным образом воплощает в себе общие принципы корпоративных отношений, а значит и позволяет наиболее полным образом раскрыть и изучить все многообразие корпоративных правоотношений»¹¹.

По мнению Т.В. Кашаниной, корпоративные отношения – это «разнообразные отношения внутри корпорации как единого целого и целостного образования, в котором объединены такие разноплановые категории людей, как собственники, управляющие, наемные работники»¹².

Д.В. Ломакин, посвятивший специальное исследование корпоративным отношениям, предлагает рассматривать их в широком и в узком смысле. В узком смысле он пишет об отношениях участия (членства), под которыми понимает «урегулированное нормами гражданского права единое, сложное внутриорганизационное общественное отношение имущественного характера, возникающее между юридическими лицами, основанными на началах участия (членства), – корпорациями и их участниками (членами) в момент приобретения последними прав участия (членства), опосредующих процесс их участия в деятельности корпорации»¹³. По мнению цитируемого автора, «все остальные правоотношения, которые также связаны с участием в деятельности корпорации, но возникают на основании сложного юридического состава, одним из элементов которого является правоотношение участия (членства), могут именоваться корпоративны-

ми правоотношениями в широком смысле, или производными корпоративными правоотношениями. Такие правоотношения являются подчиненными (зависимыми) по отношению к правоотношению участия (членства)»¹⁴.

Таким образом, Д.В. Ломакин рассматривает корпоративное правоотношение в собственном смысле этого слова как относительное правоотношение и подчеркивает, что обязательным участником этих отношений является корпорация¹⁵.

По мнению П.В. Степанова, в качестве содержания корпоративных отношений всегда выступают корпоративные права и обязанности¹⁶.

Следует согласиться с тем, что отношения между корпорацией и ее участниками не сводятся только к собственно корпоративным отношениям. На практике могут возникать и иные правоотношения гражданско-правового характера. В связи с этим уместно привести позицию В.П. Мозолина, который пишет, что гражданское законодательство, регулирующее так называемые внешние отношения с участием субъектов гражданского права, не распространяется на отношения, возникающие во внутренней деятельности субъектов гражданского права по поводу формирования ими воли, требуемой для участия во внешних отношениях, т. е. на внутрикорпоративные отношения в хозяйственных обществах и товариществах. «Указанные отношения должны регулироваться особой ветвью права, именуемой корпоративным правом»¹⁷.

Особенности организации и деятельности корпораций определяются характером корпоративных отношений. Вытекающие из членства, акционерной собственности (паев) и акционирования, существования и деятельности корпораций отношения являются разновидностью имущественных отношений.

Средством организации имущественных отношений, в том числе корпоративных, явля-

¹⁰ См.: Долинская В.В. Понятие и классификация акционерных правоотношений // *Цивилист*. 2005. № 4.

¹¹ *Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики*. М.: Юрайт, 2008. С. 810.

¹² Кашанина Т.В. *Корпоративное (внутрифирменное) право*. М., 2003. С. 49.

¹³ Ломакин Д.В. *Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах*. М., 2008. С. 129.

¹⁴ Ломакин Д.В. *Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах*. С. 129.

¹⁵ Там же. С. 78.

¹⁶ Степанов П.В. *Корпоративные отношения в гражданском праве* // *Законодательство*. 2002. № 6. С. 61.

¹⁷ Мозолин В.П. *О макро- и микроправовом регулировании комплексных имущественных отношений в сфере экономики* // *Новое в гражданском законодательстве: баланс публичных и частных интересов: материалы VII ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / отв. ред. Н.Г. Доронина*. М., 2010. С. 15.

ется юридическое лицо. Одна из целей создания юридических лиц – оформление, осуществление и защита коллективных законных интересов различного рода в имущественной и неимущественной сферах. В связи с этим для корпораций характерно наличие системы существенных социально-правовых взаимосвязей, посредством которых люди объединяются в единое целое – корпорацию. Формирование и выражение воли корпорации как юридического лица осуществляется с учетом прав и интересов его участников.

Сфера существования корпоративных отношений – это сфера совместной деятельности нескольких лиц, объединившихся в разрешенной законодательством форме для достижения общих целей. Между этими лицами складываются определенные связи, характер которых зависит от организационно-правовой формы данной конкретной корпорации. Правовые связи внутри корпорации между ее участниками и составляют корпоративные правоотношения в узком смысле.

Представляется возможным выделить следующие права участников корпоративных отношений:

- 1) на участие в управлении корпорацией;
- 2) получение информации о деятельности корпорации;
- 3) получение части имущества при ликвидации корпорации;
- 4) получение части прибыли от деятельности корпорации.

Возникая в качестве частноправовых, корпоративные отношения в силу своей специфики приобретают и определенный публично-правовой характер. Это связано с вовлечением в корпоративные споры множества участников, что, несомненно, затрагивает интересы общества. Поэтому правильное определение природы корпоративных отношений имеет важное теоретическое и практическое значение для разрешения такой проблемы, как соотношение частноправовых и публично-правовых начал в гражданском праве.

Поскольку корпоративное право не является самостоятельной отраслью права, корпоративные отношения представляют собой отношения гражданско-правового характера. Они регулируются в рамках гражданского права с помощью гражданско-правового метода, который основан на равенстве сторон правоотношения. Для гражданского правоотношения ха-

рактерно то, что оно основано на равенстве, автономии воли, имущественной и организационной обособленности субъектов отношения.

Отношения, возникающие между участниками (членами) корпорации, являются в первую очередь имущественными. Это связано с получением участниками прибыли от деятельности корпорации либо части имущества при ее ликвидации. Существует также точка зрения, согласно которой часть корпоративных отношений относится к числу личных неимущественных. Например, А.М. Эрделевский относит право акционеров на участие в управлении компанией и право на получение информации о деятельности компании к числу личных неимущественных прав¹⁸.

По мнению Д.В. Ломакина, «анализ природы правоотношений участия (членства) не позволяет отнести их ни к группе вещных, ни к группе обязательственных правоотношений. Они представляют собой особую разновидность гражданских правоотношений, существующих наряду с вещными и обязательственными»¹⁹.

По нашему мнению, вопрос о природе корпоративных отношений в настоящее время еще не решен однозначно и требует отдельного исследования. В любом случае корпоративные правоотношения представляют собой разновидность гражданско-правовых правоотношений и обладают всеми присущими данному виду правоотношений признаками.

Наличие у участников корпорации различных, иногда противоположных интересов приводит к возникновению противоречий между этими интересами. Результатом являются корпоративные конфликты.

Корпоративный конфликт – это спор внутри корпорации. Конфликт может быть признан корпоративным, если он вытекает из деятельности корпорации и связан с управлением либо участием в ней.

Наличие корпоративных конфликтов, с одной стороны, затрудняет как деятельность корпорации, так и реализацию прав и законных интересов ее участников. С другой стороны, при анализе коллизионного регулирования корпоративных отношений необходимо учи-

¹⁸ Эрделевский А.М. О защите личных неимущественных прав акционеров // *Хозяйство и право*. 1997. № 6. С. 70.

¹⁹ Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. С. 123.

тывать, что понимание сущности корпоративных конфликтов и подходы к их разрешению в разных странах могут различаться.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в отечественной правовой док-

трине нет единого мнения по поводу правовой природы корпоративных отношений, которая, несмотря на большое количество посвященных ей работ, требует дальнейшего исследования в рамках гражданско-правовой науки.

Библиографический список

1. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. – М. : Юрайт, 2008.
2. Долинская, В.В. Понятие и классификация акционерных правоотношений // Цивилист. – 2005. – № 4.
3. Кашанина, Т.В. Корпоративное (внутрифирменное) право. – М., 2003.
4. Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования : моногр. / А.Н. Беседин [и др.]; под ред. Е.Д. Тягай. – М. : Норма : Инфра-М, 2014.
5. Ломакин, Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. – М., 2008.
6. Мозолин, В.П. О макро- и микроправовом регулировании комплексных имущественных отношений в сфере экономики // Новое в гражданском законодательстве: баланс публичных и частных интересов : материалы VII ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / отв. ред. Н.Г. Доронина. – М., 2010.
7. Новицкая, Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. – М. : Зерцало, 2005.
8. Носов, С.И. Акционерное законодательство России: история, теоретический анализ, тенденции развития. – М. : Изд-во РАГС, 2001.
9. Петражицкий, Л.И. Акционерная компания: акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве. – СПб., 1898.
10. Сеницын, С.А. Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // Журнал российского права. – 2015. – № 6.
11. Степанов, П.В. Корпоративные отношения в гражданском праве // Законодательство. – 2002. – № 6.
12. Суворов, Н.С. О юридических лицах по римскому праву. – М. : Статут, 2000.
13. Суханов, Е.А. Сравнительное корпоративное право. – М. : Статут, 2014.
14. Тарасов, И.Т. Учение об акционерных компаниях. – М., 2000.
15. Эрделевский, А.М. О защите личных неимущественных прав акционеров // Хозяйство и право. – 1997. – № 6.

ЗАЩИТА ПРАВ КРЕДИТОРОВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА ОТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНСТРУКЦИИ ОБЩЕСТВА В ПРОТИВОРЕЧИИ С ЕЕ НАЗНАЧЕНИЕМ: ОБЗОР ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ПОДШИВАЛОВ Тихон Петрович

Аннотация. Статья представляет собой отзыв о диссертации К.А. Михалева на тему «Защита прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением» на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Annotation. The article represents a review of K.A. Mikhalev's thesis on the degree of Candidate of Legal Sciences with a specialization 12.00.03 – civil law, business law, family law, private international law on the subject of "Protection of the Rights of Creditors of Commercial Partnership against the Use of Construction of Society in a Contradiction with Its Purpose".

Ключевые слова: гражданское право, юридическое лицо, добросовестность, снятие корпоративной вуали.

Keywords: civil law, corporate entity, honesty, piercing the corporate veil.

В российском гражданском обороте конструкция юридического лица часто используется для создания схем по минимизации рисков, когда долги консолидируются на одном юридическом лице, а активы – на другом, но при этом оба входят в состав одной бизнес-структуры и контролируются одним выгодоприобретателем. В описанной ситуации кредитор должника, который не может исполнить свои обязательства, находится в незащищенном положении, в отличие от конечного бенефициара, который подобным образом структурировал свой бизнес. В современной российской экономике, как это ни странно, защищать приходится кредитора, а не должника. Это во многом обусловлено тем, что в нормах ГК РФ сделан уклон в сторону защиты должника.

Если юридическое лицо создано лишь для видимости, в целях уклонения от ответственности, без достаточных средств для ведения уставной деятельности (недокапитализированное юридическое лицо), то по иску кредитора должен отвечать реальный владелец бизнеса, который фактически или юридически контролирует деятельность должника.

Участие в гражданском обороте номинальных, операционных и недокапитализированных юридических лиц способствует возникновению ситуации, когда страдают интересы кредиторов таких лиц из-за трудности реального взыскания

долгов. Лицо, в пользу которого таким образом структурируется бизнес, злоупотребляет своим правом, так как получает необоснованную выгоду за счет законных интересов кредиторов юридических лиц, контролируемых им. Следовательно, проведенное диссертационное исследование является весьма актуальным и имеет практическое значение, в том числе при разрешении судами конкретных дел.

Научная новизна исследования заключается в том, что диссертация содержит совокупность новых научно обоснованных результатов и решений правовых проблем, связанных с разработкой системы эффективных мер защиты прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением. Автор в условиях поступательного реформирования российского гражданского законодательства впервые в науке гражданского права проводит системное и комплексное исследование монографического характера, в рамках которого осуществлено теоретическое обоснование правовой квалификации действий по использованию конструкции общества в противоречии с ее назначением, что позволило системно подойти к вопросу защиты прав кредиторов, не ограничиваясь лишь отдельными способами защиты. Таким образом, научная новизна исследования в диссертации К.А. Михалева присутствует.

Диссертационная работа в целом концептуально выдержана, хорошо выстроена логически, безупречна стилистически. В ходе исследования автор умело использовал историко-правовой, формально-юридический методы, методы системного решения задач, метод сравнительного правоведения.

Структура и содержание работы соответствуют теме, избранной автором для исследования. Диссертант обоснованно посвящает первую главу решению проблемы назначения конструкции хозяйственных обществ и характеристике субъектов, обязанных использовать конструкцию хозяйственных обществ в соответствии с ее назначением. Во второй главе рассматривается вопрос использования конструкции хозяйственных обществ в противоречии с ее назначением. Третья глава посвящена рассмотрению проблем защиты прав кредиторов общества.

Целостно оценивая диссертационное исследование, следует отметить, что самые сильные его стороны чаще всего касаются методологической составляющей. Во-первых, при рассмотрении конкретных проблемных аспектов защиты прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением диссертант всегда ищет баланс между противоположными подходами, не занимая позиции одной из противоборствующих сторон спора. Это же касается рассмотрения вариантов решения тех или иных проблем в странах англосакской и романо-германской правовых семей.

Диссертант анализирует сильные и слабые стороны каждого из подходов, что позволяет на основе юриспруденции интересов найти наиболее практически применимое решение имеющихся проблем, учитывая интересы всех участников гражданского оборота. Более того, в наиболее сложных случаях диссертант прилагает не одно единственное решение, а варианты комплексных решений (например, с. 157–159).

Во-вторых, похвально стремление диссертанта детально систематизировать рассматриваемые правовые явления (с. 140; 158; 173–175).

В-третьих, следует отдельно отметить тот факт, что диссертант очень эффективно использует методы сравнительного правоведения. В частности, он не только рассматривает зарубежное законодательство и доктрину, но и анализирует судебную практику иностранных судов на уровне как ее обобщения, так и подробного рассмотрения прецедентных дел.

В-четвертых, для нахождения оптимальных и применимых на практике решений диссертант использует метод экономического анализа права (с. 30–32). Прогрессивность такого подхода состоит в том, что в современной цивилистике господствует юриспруденция понятий и мало представлена юриспруденция интересов. Аналитическая юриспруденция с ее экономическим анализом права крайне редко становится основой для проведения исследований по цивилистической тематике. Конечно, экономический анализ права еще не доказал своей стопроцентной эффективности в современных условиях российского гражданского оборота, но сам факт обращения диссертанта к столь сложному методу проведения исследований заслуживает положительной оценки.

В диссертации содержится множество теоретических и практических выводов и предложений, которые заслуживают одобрения.

1. Плодотворной видится идея диссертанта о том, что на современном этапе развития гражданского права назначение конструкции хозяйственного общества – управление обособленным имуществом, осуществляемое в условиях предпринимательского риска контролирующими общество лицами (с. 8). Обоснованность данного предложения выводится на основе исторического анализа корпоративного законодательства (с. 16–24), рассмотрения основных признаков хозяйственных обществ (с. 24–34) и исследования пределов осуществления корпоративных прав (с. 33–35).

2. Следует всецело поддержать диссертанта в обосновании того, что требование использовать конструкцию хозяйственного общества в соответствии с ее назначением адресовано только лицам, имеющим возможность контроля, и является одним из частных проявлений общеправового принципа добросовестности (с. 8; 33–35; 62; 97–98). Диссертант обоснованно исходит из квалификации действий по использованию конструкции хозяйственного общества в противоречии с ее назначением в качестве заведомо недобросовестных действий контролирующего лица в форме злоупотребления правом или обхода закона.

Принцип добросовестности состоит в том, что лица не только обязаны соблюдать закон, но и реализовывать свои права рачительно, так как это принято в практике, т. е. действовать «как все», «как принято». В связи с этим добросовестность – это правовая категория, а не

категория морали или нравственности. Добросовестность вводится из-за нужд практики, а не теории, и тем более нужд закона, у этого принципа сугубо прикладное значение. Недобросовестность – это отхождение от обычных, принятых стандартов поведения. В научной литературе принцип добросовестности наиболее часто понимается именно как стандарт поведения, позволяющий оценить поведение участников отношений¹. При недобросовестности совершаемым действиям присуща искусственность, надуманность.

3. Оригинальной видится предложенная диссертантом система способов использования конструкции хозяйственного общества в противоречии с ее назначением (с. 8–9; 63–93). При этом данная система является многоуровневой и предельно развернутой. Усиливает положительное впечатление тот факт, что система способов использования конструкции хозяйственного общества в противоречии с ее назначением предложена на основе анализа судебной практики, российской и зарубежной доктрины.

Большое внимание уделяется автором исследованию «теории проникающей ответственности» и доктрины снятия корпоративной вуали. Доктрина снятия корпоративной вуали выработана на уровне судебной практики и применяется с целью противодействия злоупотреблениям в корпоративных отношениях со стороны лиц, контролирующих юридическое лицо, в ущерб интересам кредиторов этого юридического лица².

4. Несомненно, в качестве положительного момента следует отметить вывод диссертанта о том, что способы защиты на случай использования конструкции хозяйственного общества в противоречии с ее назначением должны быть сформулированы с учетом раз-

личий между разными видами пострадавших кредиторов: «добровольными», которые сознательно и своей волей вступили в правоотношение с должником, и «вынужденными», получившими требование к должнику не по своему свободному волеизъявлению, а в результате внедоговорных нарушений прав (с. 9). Конечно, такое предложение имеет не совсем самостоятельное значение, оно скорее необходимо для пояснения последующих положений, выносимых на защиту, но именно такое деление являлось базовым для проведения диссертационного исследования, и именно оно является эффективным для решения вопроса защиты интересов кредиторов номинальных, операционных, недокапитализированных хозяйственных обществ.

5. Создание аргументированной концепции диссертации стало возможным, в том числе, благодаря исследованию вопроса о расширении перечня мер защиты интересов кредиторов хозяйственного общества, используемого в противоречии с его назначением. Увеличение числа способов защиты позволит повысить стабильность договорных связей участников гражданских отношений.

Плодотворными являются идеи диссертанта о необходимости введения института обязательного раскрытия (*mandatory disclosure*) обществом ограниченного объема информации для «добровольных» кредиторов (с. 133–136); наделяния «вынужденных» и «неискушенных добровольных» кредиторов вне дела о несостоятельности иском о привлечении к солидарной ответственности контролирующих лиц, допустивших материальную недокапитализацию и смежные с ней нарушения (с. 10–11).

Аналогично стоит оценить предложение о внедрении резервного способа защиты прав кредиторов: иск кредитора о признании прав и обязанностей принадлежащими не обществу, выступившему стороной, а контролирующему лицу или другому подконтрольному обществу (с. 11; 183).

Не менее интересным является предложение о переквалификации требования контролирующих лиц, заявленные в реестр требований кредиторов в деле о несостоятельности подконтрольного хозяйственного общества в требование, вытекающее из факта участия в обществе, при установлении признаков номинальной недокапитализации несостоятельного лица (с. 11; 172).

¹ См.: Ненашев М.М. Иск: проблемные вопросы построения структуры. Волгоград: ВолгГМУ, 2014. С. 107; Тужилова-Орданская Е.М. Добросовестность и защита прав на недвижимость в период модернизации гражданского законодательства // Гражданское право. 2012. № 3. С. 4; Гонгало Б.М. Основные начала российского жилищного законодательства // Семейное и жилищное право. 2005. № 3. С. 28; Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 67.

² См. подробнее: Подшивалов Т.П. Как распознать обход закона // Корпоративный юрист. 2015. № 12. С. 62; Он же. Добросовестность в гражданском праве как критерий права // Принцип добросовестности в гражданском праве: проблемы реализации: материалы науч.-практ. конф. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2015. С. 51.

6. Всецело стоит поддержать диссертанта в обосновании положения о том, что воля хозяйственного общества – это воля лиц, контролирующих данное юридическое лицо. Более того, волю корпорации всегда формируют стоящие за ней физические лица, сколь бы длинной не была цепочка юридических лиц (с. 39–41; 57–60). Именно такое понимание воли хозяйственного общества и позволяет распространить долги номинальных, операционных и недокапитализированных хозяйственных обществ на лиц, которые их формально или неформально контролировали.

7. Для положительной оценки диссертации важное значение имеет параграф, посвященный характеристике субъектов, обязанных использовать конструкцию хозяйственных обществ в соответствии с ее назначением. Именно в результате рассмотрения этого вопроса диссертант смог предложить оригинальную идею закрепления презумпций, связанных с формальным и неформальным контролем за деятельностью хозяйственного общества (с. 11–12; 42–44; 60).

Установление этих презумпций позволит распределить бремя доказывания в такой сложной категории дел, как споры кредиторов контролируемого лица с лицами, осуществляющими этот контроль, что в свою очередь увеличит эффективность применения способов защиты интересов кредиторов хозяйственного общества. Значение презумпций на стыке гражданского процессуального права и гражданского права не раз исследовалось в современной российской юридической литературе³.

8. Нельзя не отметить в качестве значимого тезис о том, что если предоставление, осуществленное кредитором по обязательству, возникшему после истечения срока на подачу должником заявления о признании его банкротом, не увеличивает стоимость конкурсной массы, остальные кредиторы должны иметь право возместить свои убытки в виде разницы между тем, что они получили, и тем, что должны были получить, если бы заявление должника о банкротстве было подано своевременно (с. 12).

³ См.: Ненашев М.М. Спор о праве и его место в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 17; Он же. Юридические предпосылки спора о праве // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 32; Он же. Объект гражданского процессуального правоотношения в исковом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 7. С. 9; Он же. Предмет иска как требования к суду // Там же. 2008. № 9. С. 12.

Далеко не полный перечень рассмотренных выше достоинств рецензируемой работы свидетельствует о личном вкладе диссертанта в исследование заявленной темы. Вместе с тем, не все выводы и авторские высказывания представляются безоговорочно верными.

1. Нельзя согласиться с утверждением диссертанта о том, что использование конструкции хозяйственного общества в противоречии с ее назначением против кредиторов является особым деликтом (с. 10; 104–107).

Конечно же, это интересное решение проблемы недостаточности законодательного регулирования защиты интересов кредиторов, которое позволит субсидиарно применять нормы гл. 59 ГК РФ. Однако такой вывод не имеет достаточного доктринального основания и не исходит из правовой природы гражданско-правовых способов защиты интересов кредиторов хозяйственных обществ от использования конструкции хозяйственного общества в противоречии с ее назначением. Использование конструкции хозяйственного общества в противоречии с ее назначением является заведомо недобросовестным действием.

Рассматриваемое предложение диссертанта противоречит идее о том, что требование использовать конструкцию хозяйственного общества в соответствии с ее назначением является одним из частных проявлений общеправового принципа добросовестности (с. 8; 33–35; 97–98). Правовые последствия заведомо недобросовестных действий (ст. 10 ГК РФ) и деликатная ответственность имеют разную правовую природу. Это объясняется тем, что недобросовестные действия не являются правонарушением; это формальное следование закону, когда искажается цель и смысл нормы. Недобросовестное действие не может считаться правонарушением, так как при недобросовестном поведении создается мнимость формального следования закону. Нарушение законодательно определенных норм влечет наступление гражданско-правовой ответственности и не требует применения ст. 10 ГК РФ.

2. Требуется дополнительной аргументации вывод о неэффективности такой меры, как увеличение размера уставного капитала хозяйственных обществ путем реализации модели обеспечения правомерности использования корпоративного щита *ex ante* (контроль на входе в бизнес) (с. 113–126; 141). Во-первых, диссертантом не рассмотрен такой аспект модели *ex ante*, как

установление барьера в виде высокого размера уставного капитала, что усложнило бы создание фирм-однодневок. Вкупе с мерой по ограничению видов разрешенного использования сумм, внесенных в уставной капитал, модель *ex ante* могла бы эффективно работать и в условиях современной российской экономики.

Действующая сейчас российская модель текущего контроля основана на легкой процедуре создания, легкой процедуре ликвидации, но на широкой возможности проверки деятельности юридического лица со стороны государственных органов в процессе деятельности (с легкой руки Д.А. Медведева это называется «кошмарить бизнес»). Естественно, что подобная ситуация, когда можно просто и не особо затратно в финансовом плане создать сколь угодно большое количество юридических лиц для целей структурирования бизнеса, не отвечает идее защиты интересов кредиторов таких хозяйственных обществ. Внедрение в судебную практику доктрины снятия корпоративной вуали и прочих механизмов защиты интересов кредиторов недокапитализированных юридических лиц – это вынужденная мера, поскольку из-за излишне упрощенного порядка создания юридических лиц в нашем гражданском обороте участвует множество номинальных и операционных компаний. На концептуальном уровне решение этой проблемы видится в изменении корпоративного законодательства, как минимум в повышении размера уставного капитала хозяйственных обществ.

Не стоит забывать и то, что в силу п. 1 ст. 14 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и ст. 25 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» уставной капитал общества формируется для определения минимального размера его имущества, гарантирующего интересы его кредиторов.

Во-вторых, диссертант не рассматривает такой аспект установления модели *ex ante* пу-

тем фиксации высокого размера уставного капитала, как возможность участия в гражданском обороте в виде иных форм, не являющихся хозяйственными обществами: индивидуального предпринимателя, производственного кооператива. Если учредители не будут согласны профинансировать создание хозяйственного общества внесением большого размера уставного капитала, то они не лишатся возможности ведения предпринимательской деятельности, а смогут участвовать в гражданском обороте в качестве производственного кооператива или индивидуального предпринимателя. В этом случае не будет преимуществ ограниченной ответственности по долгам общества, но это и есть привилегия, которая дается в силу несения затрат и управления рисками, путем внесения значительного размера уставного капитала.

3. Несмотря на заявленную тему защиты прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением, в работе достаточно большая часть рассуждений сводится к рассмотрению вопросов защиты интересов кредиторов при банкротстве должника. Значительный акцент на дела о банкротстве юридических лиц перегружает диссертацию научным материалом. Конечно, следует отметить в качестве положительного аспекта внимание диссертанта к рассмотрению проблемных вопросов защиты интересов кредиторов при банкротстве физических лиц (с. 136–139).

Вышеуказанные критические замечания носят дискуссионный характер и не отменяют общей положительной оценки диссертационного исследования, его теоретической и практической значимости.

На основании изложенного можно заключить, что диссертация на тему «Защита прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением» соответствует требованиям раздела II Положения о присуждении ученых степеней.

Библиографический список

1. Гонгалов, Б.М. Основные начала российского жилищного законодательства // Семейное и жилищное право. – 2005. – № 3.
2. Краснова, С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. – 2003. – № 3.
3. Ненашев, М.М. Иск: проблемные вопросы построения структуры. – Волгоград : ВолгГМУ, 2014.

4. Ненашев, М.М. Объект гражданского процессуального правоотношения в исковом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 7.
5. Ненашев, М.М. Предмет иска как требования к суду // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 9.
6. Ненашев, М.М. Спор о праве и его место в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011.
7. Ненашев, М.М. Юридические предпосылки спора о праве // Журнал российского права. – 2007. – № 8.
8. Подшивалов, Т.П. Добросовестность в гражданском праве как критерий права // Принцип добросовестности в гражданском праве: проблемы реализации : материалы науч.-практ. конф. – Челябинск : Полиграф-Мастер, 2015.
9. Подшивалов, Т.П. Как распознать обход закона // Корпоративный юрист. – 2015. – № 12.
10. Тужилова-Орданская, Е.М. Добросовестность и защита прав на недвижимость в период модернизации гражданского законодательства // Гражданское право. – 2012. – № 3.

МЕСТО НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ОТНОШЕНИЯ АРЕНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА, В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

РЫБАКОВ Игорь Вячеславович

Аннотация. В статье рассматривается место гражданско-правовых норм, регулирующих арендные отношения с участием государственных и муниципальных предприятий, в системе современного гражданского права.

Annotation. The article considers the place of civil law that regulates lease relations with the involvement of state and municipal enterprises in the system of modern civil law.

Ключевые слова: гражданско-правовые нормы, арендные отношения, государственное имущество, муниципальное имущество, система гражданского права.

Keywords: civil law, lease relations, state property, municipal property, system of civil law.

Как известно, основной структурной единицей системы права является отрасль права – главное, относительно замкнутое структурное подразделение, состоящее из компактной системы распределенных по институтам нормативных предписаний, регулирующих специфический вид общественных отношений. Отрасли права подразделяются на подотрасли, институты и субинституты. Правовые институты нацелены на регламентирование определенного участка общественных отношений данного вида или рода: отдельной их разновидности, общей стороны отношений ряда видов, их элементов и т. д. Они являются основной и обязательной составной частью любой отрасли российского права. Применительно к гражданскому праву это институты купли-продажи, дарения, мены, перевозки, аренды, которые могут участвовать в образовании других факультативных элементов права – подотраслей и субинститутов.

Подотрасль – такое объединение институтов, для которого характерна высокая степень специализации, дифференциации и интеграции входящих в его состав правовых общностей. Например, обязательственное право охватывает все вышеназванные институты. Вещное право включает в себя институт права собственности, институт ограниченных вещных прав. Таким образом, подотрасль – объединение правовых институтов, входящих в состав отрасли права. В противоположность ей субинститут – часть норм правового института; это – органические образования относительно самостоятельного характера, формирующиеся

внутри институтов. Следовательно, перед нами усложнение структуры института, относительное обособление внутри него определенного комплекса норм.

Так или иначе, все структурные правовые образования отличают две основные особенности, касающиеся предмета правового регулирования и метода правового регулирования. Например, отношения, регулируемые гражданским правом, основаны на равенстве, имущественной обособленности и автономии воли его субъектов. Это имущественные отношения.

Отношения, регулируемые административным правом, напротив, относятся к сфере государственного управления и основаны на подчинении одной стороны другой. Соответственно при регулировании гражданско-правовых отношений законодатель делает больший упор на координацию взаимодействия участников данных отношений. Правовое регулирование здесь носит вспомогательный (субсидиарный) характер.

Комплекс норм по аренде, очевидно, является институтом гражданского права, входящим в состав подотрасли, именуемой обязательственным правом. В качестве предмета правового регулирования этого правового института выступают отношения по передаче имущества в пользование за плату. В рамках института аренды выделяются субинституты: договор аренды транспортных средств, договор аренды зданий и сооружений, договор аренды предприятий, договор проката, договор финансовой аренды (лизинга). Таким образом, все структурные подразделения договора

аренды выделяются по предметному критерию.

Вместе с тем, целый ряд договорных обязательств подразделяются на субинституты в зависимости от субъектного состава участников регулируемых отношений. Речь идет о выделении субинститутов по договорным обязательствам, сторонами которых являются государство (Российская Федерация, субъекты РФ) или муниципальные образования. Например, в рамках института купли-продажи присутствует договор поставки для государственных или муниципальных нужд, в рамках института договора подряда – субинститут договора подрядных работ для государственных или муниципальных нужд. Необходимость выделения данных структурных образований обусловлена наличием существенных особенностей имущественных отношений с участием публично-правовых образований.

Во-первых, участие публично-правовых образований в гражданско-правовых отношениях обусловлено несколько иной мотивацией, чем в случае с частными лицами. Мотивом здесь является не извлечение прибыли, а осуществление широкого спектра общественно значимых функций. В связи с этим публично-правовые образования с точки зрения гражданского права – это субъекты со специальной правоспособностью. Причем их правоспособность определяется нормативными актами, которые относятся к сфере административного и конституционного права, а не гражданского законодательства. Следует отметить, что содержание этой правоспособности могут составлять права, которыми не могут обладать обычные участники гражданского оборота. Вместе с тем, публично-правовые образования могут использовать эти права только в общественно значимых целях. Кроме того, перечень вышеуказанных прав определяется действующими нормативными актами, в отличие от юридических и физических лиц, в отношении которых действует принцип «разрешено то, что не запрещено», т. е. содержание гражданской правоспособности публично-правовых образований имеет конечный характер в отличие от гражданской правоспособности юридических и физических лиц. Соответственно содержание имущественных отношений, участниками которых являются государство и местное самоуправление, и имущественных отношений, в качестве участников которых высту-

пают исключительно частные лица, существенно различаются.

Отличаются друг от друга и методы регулирования вышеуказанных отношений. Порядок осуществления гражданских прав публично-правовыми образованиями тщательно регламентирован нормативными правовыми актами, и поле для договорного регулирования в данном случае значительно сужено, тогда как в регламентации вопросов осуществления гражданских прав юридическими и физическими лицами договорное регулирование играет огромную роль, а нормативное регулирование – вспомогательную. Если по отношению к физическим и юридическим лицам, по крайней мере в рамках гражданских правоотношений, чаще используется диспозитивный метод регулирования, то к публично-правовым образованиям – императивный. Императивность обусловлена необходимостью обеспечить четкое следование публично-правовых образований и их органов задачам, связанным с реализацией общественных интересов. Правовые нормы в данном случае должны не оставлять каких бы то ни было «лазеек» для отклонения от общественных целей и жестко определить алгоритм деятельности государства или местного самоуправления. Частные (юридические и физические) лица реализуют свои интересы, поэтому закон позволяет им выбирать любой подходящий вариант поведения в рамках имущественных отношений, который позволяет эти интересы успешно реализовать. Единственное ограничение здесь – права и законные интересы других участников имущественных отношений.

Данные особенности распространяются не только на договор купли-продажи или договор подряда. Они в полной мере присутствуют и в рамках договора аренды. Например, согласно требованиям ч. 1 ст. 17.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» заключение договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, не закрепленного на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, может быть осуществлено только по результатам проведения конкурсов или аукционов на право заключения этих договоров, за отдельным исключением (государственным ор-

ганам, государственным учреждениям, медицинским организациям, организациям, осуществляющим образовательную деятельность).

Согласно ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» предусматривается возможность передачи государственного и муниципального имущества субъектам малого и среднего предпринимательства во владение и (или) пользование на льготных условиях. В силу требований ст. 3 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» субъекты малого и среднего предпринимательства, за исключением субъектов малого и среднего предпринимательства, указанных в ч. 3 ст. 14 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», и субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих добычу и переработку полезных ископаемых (кроме общераспространенных полезных ископаемых), при возмездном отчуждении арендуемого имущества из государственной собственности субъекта РФ или муниципальной собственности пользуются преимущественным правом на приобретение такого имущества по цене, равной его рыночной стоимости и определенной независимым оценщиком в порядке, установленном Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

Федеральным законом «О защите конкуренции» установлен ряд требований к проведению торгов по передаче государственного (муниципального) имущества в аренду. Так, согласно ч. 5 ст. 17.1 указанного Федерального закона порядок проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров, указанных в ч. 1 и 3 настоящей статьи, и перечень видов имущества, в отношении которого заключение указанных договоров может осуществляться путем проведения торгов в форме

конкурса, устанавливаются федеральным антимонопольным органом. В силу ч. 6 данной статьи с 1 января 2011 г. информация о проведении конкурсов или аукционов на право заключения договоров, указанных в ч. 1 и 3 настоящей статьи, размещается на официальном сайте Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения информации о проведении торгов, определенном Правительством РФ. В соответствии с ч. 7 ст. 17.1 Федерального закона «О защите конкуренции» не допускается заключение договоров, указанных в ч. 1 и 3 настоящей статьи, ранее чем через 10 дней со дня размещения информации о результатах конкурса или аукциона на официальном сайте торгов.

Таким образом, фактически законодатель определил особенности договора аренды государственного (муниципального) имущества. Очевидно, что данный договор обладает полным набором признаков субинститута. В частности, это специфика предмета регулирования – отношения по передаче публичного имущества в аренду, в рамках которых публично-правовые образования преследуют в значительной степени общественные интересы, что в существенной степени влияет на содержание соответствующих отношений. Для регулирования указанных отношений используется преимущественно императивный метод, условия договора определяются в нормативных актах в категорической форме. В нормативных актах содержатся положения, которые определяют порядок заключения данного договора, т. е. законодатель фактически признал специфику аренды государственного (муниципального) имущества и необходимость специального регулирования в этой сфере.

Вместе с тем, в части второй ГК РФ соответствующие особенности аренды государственного (муниципального) имущества не определены. Учитывая, что ГК РФ является системообразующим нормативным актом, регулирующим имущественные отношения, наличие очевидный правовой пробел. Представляется, что его необходимо устранить, включив дополнительный параграф, посвященный именно аренде государственного (муниципального) имущества, в гл. 34 ГК РФ.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

***

ВЛИЯНИЕ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

АНИСИМОВ Алексей Павлович

***Аннотация.** В статье рассмотрены правовые и социальные последствия аварии на Чернобыльской атомной электростанции, показаны тенденции развития международного и внутригосударственного экологического законодательства. Высказанные законодательные предложения позволят улучшить гарантии экологических прав человека и реабилитацию экологических систем, пострадавших от аварии.*

***Annotation.** The article considers legal and social consequences of the Chernobyl disaster. The author reveals tendencies of the development of international and internal ecological legislation. The suggested legislative proposals will allow to improve guarantees of environmental rights of a person and rehabilitation of ecological system damaged in the disaster.*

***Ключевые слова:** Чернобыль, атомная электростанция, катастрофа, радиация, здоровье, социальное законодательство, экологическое законодательство.*

***Keywords:** Chernobyl, nuclear power plant, disaster, radiation, health, social legislation, ecological legislation.*

Тридцать лет назад, 26 апреля 1986 г., произошла одна из самых страшных экологических катастроф в истории человечества – авария на Чернобыльской атомной электростанции (далее – АЭС), причинами которой, по мнению Международного агентства по атомной энергии (далее – МАГАТЭ), стали недостатки проекта реактора, ошибки персонала и общий низкий уровень культуры безопасности. Радиационное загрязнение местности было зарегистрировано на территориях по крайней мере 20 государств. Данная катастрофа нанесла колоссальный экологический, экономический, нравственный и иной ущерб, а ее медицинские последствия будут отражаться еще на нескольких поколениях людей, попавших под воздействие радиации. После этой трагедии произошли грандиозные перемены в системе обеспечения энергетической безо-

пасности, а также в правовом закреплении экологических требований при использовании объектов энергетики, в праве социального обеспечения и иных сферах.

До сих пор полностью не исследован психологический шок от аварии в массовом сознании населения разных стран мира, связанный с угрозой новых аварий на АЭС. В связи с этим мировосприятие «до и после катастрофы» продолжает существовать не только в памяти ликвидаторов аварии и членов их семей, но и миллионов обычных людей, сидящих перед телевизором.

Разумеется, такая психологическая травма не могла не иметь политических последствий, которые проявились во влиянии чернобыльской аварии на изменение отношения общества к экологическим проблемам, появлению экологического правозащитного движения,

экологического раздела в программах политических партий, массовых шествий, пикетов и демонстраций под экологическими лозунгами. При этом едва ли можно утверждать, что человечество извлекло все уроки из этой трагедии. Новая катастрофа на АЭС «Фукусима-1» в Японии в 2011 г. показала недопустимость пренебрежения требованиями безопасности в такой экологически опасной сфере, как атомная энергетика. В связи с этим возникает насущная необходимость вспомнить последствия трагедии на Чернобыльской АЭС, а также обозначить хотя бы общий перечень ее выученных и невыученных уроков.

Одним из первых правовых последствий аварии на Чернобыльской АЭС стало принятие ряда новых международно-правовых актов, направленных на обеспечение безопасности в сфере атомной энергии. В числе таких международных соглашений следует особо выделить Конвенцию о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 г., основная задача которой состояла в том, чтобы обеспечить быстрое и четкое предоставление необходимой информации о ядерных авариях для сведения к минимуму трансграничных радиационных последствий. Каждое государство – участник Конвенции теперь стало обязано оперативно ставить в известность МАГАТЭ о ядерной аварии, которая в этой части наделена Конвенцией рядом полномочий. В соответствии с Конвенцией МАГАТЭ является основным местом аккумуляции сведений о ядерной аварии. Наряду с этим в рамках МАГАТЭ была заключена Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии 1986 г., и уже вскоре рядом стран была подписана базовая в этой области Конвенция о ядерной безопасности 1994 г.

Вскоре после этого в Вене 5 сентября 1997 г. принимается Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами. В рамках МАГАТЭ инициируется процесс изменения Протокола 1997 г. о внесении поправок в Венскую конвенцию о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г., направленных на повышение верхней планки допустимого ограничения ответственности оператора, расширение сферы применения Конвенции, определение понятий ядерного инцидента, ядерной установки, ядерного ущерба и т. д. Аналогичные

изменения были внесены в Протокол 2004 г. о внесении изменений в Парижскую конвенцию об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии 1960 г. и в дополнительную Брюссельскую конвенцию 1963 г.

В 1997 г. была открыта для подписания Конвенция о дополнительном возмещении за ядерный ущерб, направленная на создание универсального всемирного режима ответственности, объединяющего все государства, в том числе за счет совместно формируемых фондов. Указанные меры получили в научной юридической литературе весьма высокую оценку¹.

Не менее существенное воздействие катастрофа на Чернобыльской АЭС оказала на развитие национального экологического законодательства, пребывавшего до 1986 г. в СССР и его республиках в зачаточном состоянии.

Безусловно, нельзя сказать, что до аварии в СССР не было вообще никаких норм экологического права. Такие нормы были, но в основном они либо носили декларативный характер (как Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об охране природы в РСФСР»), либо касались охраны отдельных природных ресурсов (земли, воды, леса и т. д.) и комплексов (заповедники, памятники природы и т. д.). Требования по энергетической безопасности в позднем СССР располагались в подзаконных актах, среди которых следует выделить Нормы радиационной безопасности НРБ-76 (1981) и Основные санитарные правила работы с радиоактивными веществами и другими источниками ионизирующих излучений (ОСП-72/80). Совет министров СССР 6 мая 1986 г. утвердил и направил Минздраву Украины «Временное допустимое содержание радиоактивного йода-131 в питьевой воде и продуктах питания (молочные продукты, рыба, зелень столовая) на период ликвидации последствий аварии». 30 мая 1986 г. были утверждены для использования допустимые уровни содержания радиоактивных веществ в продуктах питания. Поскольку к концу 1980-х гг. в советских республиках усилились центробежные тенденции, общего экологического закона в СССР принять не успели; такие акты были приняты в уже независимых республиках. В России базовым

¹ Кожеуров Я.С. От Хиросимы до Фукусимы: международно-правовые аспекты практики государств по возмещению ядерного ущерба // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 89–109.

стал Закон РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды».

Наряду с принятием первых основополагающих законов об охране окружающей среды, во всех новых конституциях независимых государств, образованных после распада СССР, получили (хотя и в разном объеме) четкое закрепление экологические права человека. При этом если в Конституции РФ преодоление последствий чернобыльской катастрофы не упоминается, то в ст. 19 Устава Брянской области, наиболее пострадавшей от аварии на Чернобыльской АЭС, закреплено, что гражданам, проживающим в Брянской области, подвергшимся воздействию радиации в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, решениями органов государственной власти Брянской области и органов местного самоуправления могут предоставляться дополнительные меры социальной поддержки, помимо устанавливаемых федеральными законами.

В ст. 16 Конституции Украины преодоление последствий чернобыльской катастрофы прямо признается обязанностью государства.

В базовых экологических законах России, Украины и Беларуси чернобыльская катастрофа непосредственно не упоминается, поскольку возмещению вреда и льготам для пострадавших граждан во всех трех странах посвящены отдельные законы. Однако во всех редакциях таких законов (включая действующие сейчас) присутствуют четко структурированные экологические требования к отдельным видам деятельности, в том числе в области энергетики.

Кроме того, в 1990-е гг. в этих законах были закреплены принципиально новые правомочия граждан и общественных экологических объединений, что отражало уровень возросшей активности населения после аварии на Чернобыльской АЭС в отстаивании своих экологических прав. В частности, это проявилось в закреплении права на получение экологической информации (ст. 42 Конституции РФ и ст. 11 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»; ст. 12 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. № 126-З «Об охране окружающей среды»; ст. 9 Закона Украины от 25 июня 1991 г. № 1264-ХІІ «Об охране окружающей природной среды»). Особая важность этого права для советских людей и граждан России была связана

с тем, что средства массовой информации не сразу оповестили население о произошедшей на Чернобыльской АЭС аварии. По состоянию за период с 26 апреля по 2 мая 1986 г. ни в одной из советских ежедневных и еженедельных газет не сообщалась правда об этой катастрофе.

Газета «Известия» впервые кратко упомянула аварию на Чернобыльской АЭС, принятие соответствующих мер и создание правительственной комиссии 30 апреля 1986 г. Газета «Правда» в своем первом сообщении о чернобыльской катастрофе 2 мая 1986 г. информировала о проводимых мерах по ликвидации последствий аварии, однако сведения о положении дел на Чернобыльской АЭС не были достоверными: в частности, утверждалось, что в результате принятых мер снизился уровень радиационного излучения на территории АЭС и близлежащих областей в 1,5–2 раза, также сообщалось об исправной работе учреждений, колхозов и совхозов, о том, что реакторная установка якобы заглушена, и это позволяет говорить о целостности реактора².

Наряду с появлением экологического законодательства, многие институты которого прямо обусловлены последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, правовым последствием катастрофы в Чернобыле стало формирование в России, Беларуси и других странах СНГ социального законодательства, призванного компенсировать ущерб здоровью пострадавшим от аварии и предоставить им дополнительные медицинские и иные льготы.

Как таковое социальное законодательство в СССР существовало и раньше, оно касалось льгот и выплат ветеранам войны, инвалидам, беременным женщинам и т. д. Однако в начале 1990-х гг. эта система была дополнена принципиально новым по своему правовому значению элементом. Как отмечал Конституционный Суд РФ, экстраординарная по своим последствиям техногенная авария на Чернобыльской АЭС привела к неисчислимым экологическим и гуманитарным потерям. В результате были существенно нарушены не только право на благоприятную окружающую среду, но и другие конституционные права граждан, связанные с охраной жизни, здоровья, жилища,

² Ковзик Г.О., Магсумов Т.А. Информационные сводки советских газет о первых днях чернобыльской аварии // APRIORI : электрон. науч. журн. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 3. С. 4–7.

имущества, а также право на свободное передвижение и выбор места пребывания и жительства, которые ущемлены столь значительно, что причиненный вред оказался невосполнимым. Такая ситуация породила особый характер отношений между гражданами и государством, заключающийся в том, что последнее приняло на себя обязанность возмещения такого вреда, который, исходя из его масштабов и числа пострадавших, не может быть возмещен в порядке, установленном гражданским, административным, уголовным и другим отраслевым законодательством³.

Это означало, что Российская Федерация, формально не причастная к аварии на территории соседнего государства (Украины), берет на себя выплаты всем своим гражданам, пострадавшим от экологической аварии, поскольку в гражданско-правовом (судебном) порядке их взыскать невозможно. Для этого потребовался специальный публично-правовой механизм выплаты компенсаций, хорошо проработанный в социальном законодательстве.

Для возмещения причиненного вреда не только в России, Украине и Беларуси, но и во многих других республиках бывшего СССР (Молдова, Кыргызстан, Таджикистан и т. д.) были приняты специальные законы о выплатах компенсаций и предоставлении иных льгот пострадавшим от радиации.

Однако вскоре после принятия закона о выплате компенсаций пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС выяснилось, что государство не выполняет взятых на себя обязательств, и, в частности, имеет место недостаточное и нерегулярное их финансирование. В течение многих лет происходили сбои в программе медицинского обеспечения этих граждан. Из-за ограниченности средств не удавалось обеспечить лечебные учреждения медицинским оборудованием, аппаратурой, реактивами, лекарствами, питанием. Не выделялись средства на диспансерное обслуживание, вследствие чего из-за поздней диагностики заболеваний были случаи преждевременной смерти. В настоящее время в очереди на полу-

чение жилья стоят несколько тысяч семей инвалидов-ликвидаторов.

Невыполнение государством своих обязательств вызвало тысячи судебных исков к органам государственной власти России⁴. Наибольший интерес из них представляют решения Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), связанные с защитой прав ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Наиболее известным является рассмотренное в 2002 г. ЕСПЧ дело «Бурдов (Burdiv) против России» (жалоба № 59498/00). Суть его сводилась к тому, что А.Т. Бурдов принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в течение четырех месяцев и попал под действие Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». В 1991 г. согласно экспертному заключению, которое установило причинную связь между ухудшением здоровья истца и его участием в ликвидации последствий аварии, заявителю была назначена компенсация, которая не была выплачена.

По иску заявителя 3 марта 1997 г. Шахтинский городской суд вынес решение в пользу истца, постановив выплатить ему компенсацию, однако это решение не было выполнено из-за отсутствия финансирования. В связи с этим А.Т. Бурдов 20 марта 2000 г. подал жалобу в ЕСПЧ в соответствии со ст. 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Факт нарушений ЕСПЧ признал и обязал Россию выплатить компенсацию.

По делу «Бурдов (№ 2) против России» 5 января 2009 г. было вынесено пилотное постановление ЕСПЧ, в соответствии с которым Россия в течение шести месяцев обязывалась создать эффективное средство правовой защиты или комплекс таких средств, которые обеспечили бы восстановление нарушенных прав в случае неисполнения или задержек в исполнении национальных судебных решений. В этих целях был принят Закон РФ от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1997 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Специальный доклад Уполномоченного по правам человека РФ О.О. Миронова «Экология и защита прав человека». URL: <http://greentam.narod.ru/mironov.html> (дата обращения: 28.11.2015).

права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Созданный судебный прецедент привел к массовым обращениям других граждан, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, в ЕСПЧ. При этом жалобы касались не только массового неисполнения судебных решений о выплате компенсаций (дело «Горохов (Gogokhov) и Русяев (Rusyaev) против Российской Федерации» (жалоба № 38305/02)), но и непредоставления властями России квартир ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС (Постановление ЕСПЧ от 20 мая 2010 г. по делу «Бутенко и другие (Butenko and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 2109/07, 2112/07, 2113/07, 2116/07)). Указанные массовые обращения ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС оказали существенное влияние на решения Конституционного Суда РФ.

В частности, Конституционный Суд РФ, рассматривая в Постановлении от 19 июня 2002 г. конституционность законоположений о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, о возмещении причиненного этой катастрофой вреда здоровью граждан, привел правовую позицию ЕСПЧ, выраженную в его решении от 7 мая 2002 г. по делу «Бурдов против России», и указал, что государство не вправе ссылаться на недостаток денежных средств как причину невыплаты долга по судебному решению⁵.

Наряду с этим, Конституционный Суд РФ обращался к проблеме прав чернобыльцев и в десятках других своих постановлений и определений, чем внес существенный вклад в создание условий для решения проблем обеспечения нормальной и эффективной реализации социальных прав отдельных категорий лиц по вопросам пенсионного обеспечения, льготного предоставления жилых помещений, оказания адресной социальной поддержки и т. д.

Определим некоторые важные выводы из чернобыльской аварии, которые касаются направлений совершенствования экологического законодательства.

1. Появление проблемы экологических беженцев было связано с переселением людей из зоны Чернобыльской АЭС сразу после катастрофы.

Термин «экологический беженец» впервые упоминается в 1985 г. в официальных документах ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде), а одно из наиболее удачных его определений предложил Э. Эль-Хиннауи. Он понимал под экологическими беженцами людей, которые были вынуждены покинуть свои обычные места проживания, временно или постоянно, из-за заметного экологического нарушения (природного и/или вызванного людьми), что ставило под угрозу их существование и/или серьезно повлияло на качество их жизни. Под экологическими нарушениями им подразумевались любые физические, химические и/или биологические изменения в экосистеме, которые делают ее, временно или постоянно, непригодной для поддержания жизни человека⁶.

Под это определение вполне попадает первая в истории человечества массовая экологическая миграция, когда из зоны, попавшей под радиационное загрязнение после аварии на Чернобыльской АЭС, было эвакуировано сначала 49 614 чел., затем через 6–11 дней из 30-километровой зоны вокруг АЭС 41 792 чел. в Украине и 24 725 чел. в Беларуси (всего 116 231 чел.). Наконец, в 1986–1987 гг. с территорий с плотностью загрязнения свыше 15 Ки/км² было эвакуировано в Украине 70 483 чел., в России 78 600 чел., в Беларуси 110 275 чел. В итоге общее число людей, вынужденных покинуть свои дома из-за аварии на Чернобыльской АЭС и радиационного загрязнения, составило более 350 тыс. чел.⁷

Представляется, что необходима разработка международного правозащитного механизма, позволяющего обеспечить права и свободы экологических беженцев, а также жителей принявших их стран. В настоящий момент в научной доктрине сформулированы различные признаки экологических беженцев, а также их классификации. Однако достижения научной доктрины слабо используются в международном праве. Отсутствует единое междуна-

⁵ Выступление В.Д. Зорькина на VIII Международном форуме по конституционному правосудию «Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы». URL : <http://viperson.ru/articles/rol-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-v-realizatsii-konventsii-o-zaschite-prav-cheloveka-i-osnovnyh-svobod> (дата обращения: 25.11.2015).

⁶ El-Hinnawi E. Environmental Refugees (UN Environmental Programme). 1985. P. 93–95.

⁷ Яблоков А.В., Нестеренко В.Б., Нестеренко А.В. Чернобыль: последствия катастрофы для человека и природы. СПб., 2007. С. 41.

родно признанное определение экологических беженцев, необходимое для эффективного режима их защиты. Действующее определение беженцев в Конвенции о статусе беженцев 1951 г. не в полной мере соответствует современным реалиям, что ведет к устареванию и необходимости пересмотра положений данной Конвенции. Думается, что наиболее успешным вариантом правовой регламентации защиты прав экологических беженцев могла бы стать подготовка специального международного соглашения о гарантиях прав экологических беженцев, позволяющего учесть сложную экологическую специфику данного явления. В рамках такого соглашения необходимо разработать конструкцию зоны экологического бедствия, создаваемую национальными органами власти в соответствии с утвержденными в соглашении критериями.

2. Появление в результате техногенной катастрофы или по иным причинам территории с опасным для жизни и здоровья людей и иных живых организмов состоянием экологических систем требует не только решения социальных проблем и организации экологической миграции. Для этого также необходим четкий правовой статус этой территории, а также ясная программа мер по восстановлению разрушенных экологических систем. Такой особый статус уже достаточно давно разработан эколого-правовой наукой в странах постсоветского пространства и отчасти отражен в законодательстве.

Так, согласно ст. 67 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. № 126-З «Об охране окружающей среды» отдельные участки территории Беларуси, на которых в результате хозяйственной и иной деятельности произошли необратимые изменения окружающей среды, угрожающие безопасности жизни и здоровья граждан и влекущие нарушение природного равновесия, разрушение естественных экологических систем, деградацию компонентов природной среды, объявляются Президентом Республики Беларусь зонами экологического бедствия. В таких зонах временно приостанавливается работа промышленных и иных объектов; запрещаются строительство, реконструкция и ввод в эксплуатацию новых зданий и сооружений; ограничивается природопользование; принимаются меры по восстановлению окружающей среды.

В ст. 65 Закона Украины от 25 июня 1991 г. № 1264-ХІІ «Об охране окружающей природ-

ной среды» закреплен похожий статус зоны чрезвычайной экологической ситуации. В России статус этой зоны не определен, а отдельный закон, определяющий порядок реабилитации такой территории, не принят.

При этом наряду с проблемой развития национального законодательства, отдельной задачей является разработка в международном праве конструкции зоны экологического бедствия, что позволит осуществлять эффективную профилактику негативных тенденций в границах соответствующих экологически опасных территорий и, кроме того, разработать четкие критерии экологической угрозы, при наличии которой гражданин может перемещаться по территории своей страны либо выехать в другое государство, получив статус экологического беженца. Проще говоря, если в момент создания зоны экологического бедствия национальным органом управления (по критериям, установленным нормами международного и внутригосударственного права) определенный гражданин находился в границах такой зоны экологического бедствия (и он может это документально подтвердить), то в случае выезда из такой зоны в пределах своей страны он может претендовать на льготы и компенсации, предусмотренные национальным законодательством.

В случае выезда из своей страны в государство – участник международного соглашения лицо может претендовать на получение статуса экологического беженца. Разработка такого международного документа смогла бы, с одной стороны, усилить гарантии экологических прав человека на случай крупных экологических аварий и катастроф. С другой стороны, заключение такого договора между Россией, Беларусью и Украиной позволило бы скоординировать усилия всех трех стран в зоне, пострадавшей от радиации, а также оптимизировать финансовые расходы по восстановлению нарушенных территорий. Учитывая, что зона экологического бедствия и особо охраняемые природные территории – это две стороны одной медали (т. е. территории с «нестандартным» уровнем качества окружающей среды – или очень хорошим или очень плохим), можно использовать опыт создания особо охраняемых природных территорий двумя и более приграничными государствами. В частности, Соглашением между Правительством РФ и Правительством Китайской Народной Республики от 25 апреля 1996 г. был создан

совместный заповедник «Озеро Ханка» в приграничных районах России и Китая, территория которого представлена водно-болотными экосистемами.

Таким образом, экологическая катастрофа на Чернобыльской АЭС уже 30 лет является общей «незаживающей раной» для народов Украины, Беларуси и России, а также многих других членов мирового сообщества. До сих пор остаются вопросы относительно причин и последствий чернобыльской аварии, существуют проблемы с оказанием медицинской помощи и выплатой компенсаций гражданам, пострадавшим от аварии. Еще ждут своего решения правовые проблемы, связанные с развитием категорий «экологические беженцы» и «зона экологического бедствия». Однако очевидно, что катастрофа сплотила мировое

сообщество, оказавшее существенную помощь Украине в строительстве саркофага на разрушенной атомной станции, происходит обобщение опыта медицинской помощи пострадавшим, развивается социальное законодательство. В ближайшее время станет ясно, удалось ли человечеству преодолеть психологическую травму, связанную с аварией. Это проявится в строительстве новых АЭС или в отказе от проектов и завершении работы действующих атомных станций. При этом представляется, что, несмотря на усвоение главного урока аварии, связанного с недопустимостью игнорирования правил безопасности, авария на АЭС «Фукусима-1» показала, что человечеству еще есть над чем работать, а значит, еще не все уроки Чернобыля им усвоены.

Библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1997 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС"» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Выступление В.Д. Зорькина на VIII Международном форуме по конституционному правосудию «Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://viperson.ru/articles/rol-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-v-realizatsii-konventsii-o-zaschite-prav-cheloveka-i-osnovnyh-svobod> (дата обращения: 25.11.2015).
3. Ковзик, Г.О. Информационные сводки советских газет о первых днях чернобыльской аварии / Г.О. Ковзик, Т.А. Магсумов // APRIORI : электрон. науч. журн. – Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 3.
4. Кожеуров, Я.С. От Хиросимы до Фукусимы: международно-правовые аспекты практики государств по возмещению ядерного ущерба // Российский юридический журнал. – 2014. – № 5.
5. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека РФ О.О. Миронова «Экология и защита прав человека» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://greentam.narod.ru/mironov.html> (дата обращения: 28.11.2015).
6. Яблоков, А.В. Чернобыль: последствия катастрофы для человека и природы / А.В. Яблоков, В.Б. Нестеренко, А.В. Нестеренко. – СПб., 2007.
7. El-Hinnawi, E. Environmental Refugees (UN Environmental Programme). – 1985.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

***

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ДВУХ ИЛИ БОЛЕЕ ЛИЦ

КОРОТКИХ Наталья Николаевна

Аннотация. В статье анализируются спорные вопросы квалификации деяний, совершенных в отношении двух или более лиц с позиции норм уголовного закона, судебной практики и теории уголовного права. Автором критически оцениваются некоторые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, связанные с правовой оценкой действий при посягательстве на жизнь человека. Сделан вывод о необходимости одинакового понимания продолжаемого преступления как в сфере защиты собственности, так и в сфере защиты личности, а также единообразного толкования квалифицирующего признака преступления «в отношении двух или более лиц» с целью унификации практики применения норм уголовного закона.

Annotation. The article analyzes disputable issues of qualification of acts committed against two or more persons from a position of standards of criminal law, judicial practice, and the theory of criminal law. The author critically evaluates some interpretations of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation connected with the legal treatment of actions in case of infringement on a person's life. The author makes a conclusion that it is necessary to come to a similar understanding of a continuous crime in the sphere of privacy protection, as well as protection of a human person. The author also shows a need of uniform interpretation of a constituent element of offence "against two or more persons" in order to unify practice in the application of criminal law standards.

Ключевые слова: квалификация преступлений, множественность преступлений, совокупность преступлений, продолжаемое преступление, составное преступление, конкретизированный умысел, цель преступления.

Keywords: qualification of crimes, multiple offenses, cumulative offences, continuous crime, divisible crime, specific intent, purpose of crime.

В доктрине уголовного права нет единого мнения о толковании квалифицирующего признака совершения преступлений в отношении двух или более лиц. Одни ученые считают, что при отсутствии единства умысла такое деяние образует множественность преступлений, другие видят в нем единичное составное преступление, третьи – продолжаемое преступление¹.

Теория уголовного права составное преступление определяет как единое преступление, посягающее на два или более объекта, состоящее из нескольких деяний, каждое из которых обладает признаками самостоятельного состава преступления. В силу взаимосвязи и специфической общественной опасности в таком сочетании отдельные деяния рассматриваются уголовным законом как одно преступление и соответственно не требуют квалификации по совокупности преступлений².

¹ См.: Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань: Изд-во «Таглитмат» ИЭУиП, 2006. С. 74–75; Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: дис. ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2001. С. 43; Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 139.

² См.: Понятия и термины в уголовном праве России. Общая и Особенная части: учеб. пособие / отв.ред. А.И. Чучаев. М.: Контракт, 2014. С. 194; Гулиева Н.Б. Составные преступления в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2006. С. 8.

Одним из основных признаков составного преступления многие авторы называют «внутреннее единство» составляющих его деяний³. Составной характер деянию придает тесная взаимосвязь, единство правового и социального аспектов преступных поведений, в силу которого законодатель объединяет их в единое сложное преступление. Подобные сочетания становятся типизированной распространенной разновидностью преступного поведения.

Согласно внутреннему содержанию единичного составного преступления в его структуре можно выделить два посягательства: 1) основное, которое совпадает по своей направленности с видовым объектом преступления; 2) дополнительное, позволяющее отнести то или иное деяние к конкретному составу преступления. Посягательство на основной объект влечет наступление основного для данного состава последствия, а покушение на дополнительный объект приводит к наступлению дополнительного последствия.

Продолжаемое преступление – несколько иная разновидность единичного преступления, также состоящая из отдельных деяний. Продолжаемым преступлением следует признавать совершение нескольких тождественных деяний, объединенных единым умыслом и конкретизированной общей целью, которая заключается в том, что виновный заранее ставит для себя конечную цель, сознавая, что достигнуть ее можно только через сеть промежуточных целей, последовательно к ней приближаясь, и что конечная цель является синтезом промежуточных целей⁴. В связи с этим совершение деяния (например, хищения) до тех пор, пока это возможно, т. е. с неконкретизированным умыслом, не позволяет говорить о продолжаемом преступлении. Так, кассационным определением был изменен приговор суда в отношении осужденных, действия которых квалифицированы по ч. 3 ст. 186 УК РФ как 11 самостоятельных преступлений. Из материалов дела было установлено, что группа лиц сначала изготовила 100 поддельных банковских билетов номиналом в 1 000 руб., а затем в течение нескольких месяцев сбывала их по одной банкноте в разных торговых точках. При таких

условиях судебная коллегия пришла к правильному выводу о том, что все эпизоды сбыта поддельных купюр охватывались единым умыслом и были направлены к единой цели – сбыту всех поддельных банковских билетов. Следовательно, действия виновных образуют единое продолжаемое преступление⁵.

В то же время, если субъективная сторона нескольких совершенных преступлений характеризуется единым конкретизированным умыслом и общей целью, а объективная сторона состоит из неоднородных и нетождественных действий, то о продолжаемом преступлении говорить нельзя. Если совершенные деяния являются тождественными, но у виновного не имеется определенного (конкретизированного) единого умысла и общей цели до начала совершения преступления, также будет неправильным называть эти деяния продолжаемыми. Так, в апелляционном определении жалобу обвиняемых о неправильной квалификации их действий как самостоятельных преступлений по 25 эпизодам мошенничества Судебная коллегия Алтайского краевого суда посчитала несостоятельной по следующим основаниям. Для квалификации деяния как единого продолжаемого преступления необходимы тождественные действия, охватываемые единым умыслом и направленные на достижение единой цели. Мошенническая схема по каждому эпизоду состояла из ряда этапов, которые были различны, для реализации преступного умысла в каждом случае привлекались разные лица, в том числе неосведомленные о преступных планах организованной преступной группы. Предмет посягательства представлял собой различные объекты недвижимости, на хищение которых и был направлен преступный умысел осужденных. При этом умысел на хищение новых объектов недвижимости возникал по мере их нахождения. С учетом приведенных данных и в соответствии со ст. 17 УК РФ суд обоснованно установил совокупность преступлений в действиях осужденных⁶.

Таким образом, с субъективной стороны только наличие конкретизированного умысла и четко определенной цели являются критериями разграничения продолжаемого преступ-

³ См.: Караев Т.Э. Повторность преступлений. М., 1983. С. 9; Стручков Н.А. Назначение наказания при совокупности преступлений. М., 1957. С. 32.

⁴ См.: Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. СПб., 2011. С. 68.

⁵ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Татарстан по делу № 22-895. URL : <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-tatarstan-respublika-tatarstan-s/act-103750148/>

⁶ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии Алтайского краевого суда по делу № 22-173/2015. URL : <https://rospravosudie.com/court-altajskij-kraevoj-sud-altajskij-kraj-s/act-489128512/>

ления и совокупности преступлений. Такое правило должно применяться не только при квалификации преступлений против собственности, но и против личности.

Вместе с тем единство умысла в преступлениях, совершаемых в отношении двух или более лиц, в последнее время стало считаться совсем необязательным. Это обосновывается исключением из уголовного законодательства неоднократности преступлений (ст. 16 УК РФ), что якобы дает основания для расширения трактовки преступлений, совершаемых в отношении двух или более лиц⁷.

Например, совершение преступления в отношении двух или более лиц указано в п. «а» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 107, п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «а» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 121, ч. 3 ст. 122, п. «ж» ч. 2 ст. 126, п. «ж» ч. 2 ст. 127, п. «а» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ и др.

Анализ судебной практики показывает, что суды вменяют данный признак, как правило, при одновременном, без разрыва во времени, причинении вреда нескольким лицам либо последовательном, одному потерпевшему вслед за другим. В качестве типичного примера такой квалификации можно привести следующие случаи. Ш. на почве личных неприязненных отношений нанес удары ножом в разные части тела потерпевшему Х1, причинив ему тяжкий вред здоровья, а затем, продолжая свои действия, нанес удар ножом в область живота второму потерпевшему Х2, который пытался пресечь преступное поведение Ш. В результате все содеянное было квалифицировано по п. «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ⁸. Также поступил суд при вынесении решения по другому делу в отношении Б., осужденного по п. «а» ч. 2 ст. 117 УК РФ. Б. применял насилие в отношении двух потерпевших в одно и то же время, в одном и том же месте⁹.

Еще пример. Д. в драке совершил убийство двух человек и, осознавая, что Ж. является очевидцем этого преступления, решил убить и ее с целью скрыть предыдущие убийства.

⁷ См.: Савельева О.Ю. Ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по российскому и зарубежному уголовному законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 20.

⁸ См.: Приговор Уссурийского городского суда Приморского края. Дело № 1-962/2010. URL: <https://rospravosudie.com/court-ussurijskij-rajonnyj-sud-primorskij-kraj-s/act-101994097/>

⁹ См.: Приговор Нерехтского городского суда Костромской области. Дело № 1-11/2010. URL: <https://rospravosudie.com/court-nerextskij-rajonnyj-sud-kostromskaya-oblast-s/act-105581373/>

Его действия правильно квалифицированы по п. «а», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹⁰.

Давая юридическую оценку деяний с квалифицирующим признаком «в отношении двух или более лиц», суды поступают верно, когда вменяют его только при наличии единого умысла в отношении всех потерпевших. Например, гарнизонным военным судом Ч. осужден за совершение двух преступлений по п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ и четырех преступлений по ч. 1 ст. 335 УК РФ. Тожественные действия Ч., выразившиеся в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, связанном с унижением чести и достоинства, совершенные в отношении четырех потерпевших в разное время суд признал самостоятельными преступлениями и квалифицировал их по совокупности¹¹. На наш взгляд, суд верно пришел к такому выводу, поскольку содеянное Ч. не объединено единым умыслом в отношении всех потерпевших.

Таким образом, квалифицирующий признак «в отношении двух или более лиц» в судебной практике понимается в основном единообразно. Исходным моментом для квалификации служит то обстоятельство, что действия виновного охватываются единым умыслом и были совершены, как правило, одновременно.

Из общих правил выбивается квалификация преступлений, связанных с умышленным причинением смерти двум или более лицам. Так, Верховным судом Республики Татарстан был осужден А., обвиняемый в совершении ряда преступлений, в том числе и семи убийств, совершенных в разное время в составе вооруженной группы. Все семь эпизодов были квалифицированы по п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹². Очевидно, что суд руководствовался разъяснениями высшего судебного органа страны по данной категории дел.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 3 апреля 2008 г. № 4 сформулировал следующее правило, внесенное в Постановление от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной

¹⁰ См.: Приговор Забайкальского краевого суда. Дело № 2-8-2011. URL: <https://rospravosudie.com/court-zabajkalskij-kraevoj-sud-za-bajkalskij-kraj-s/act-100601569/>

¹¹ См.: Приговор Борзинского гарнизонного военного суда. Дело № 1-3/2012. URL: <https://rospravosudie.com/court-borzinskij-garnizonnyj-voennyj-sud-zabajkalskij-kraj-s/act-106254675/>

¹² См.: Приговор Верховного суда Республики Татарстан. Дело № 2-10/2015 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-tatarstan-respublika-tatarstan-s/act-465748925/>

практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»: «В соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам части 2 данной статьи при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден»¹³. Обоснованность данного разъяснения вызывает немало сомнений.

Прежде всего, в подобных случаях совершенные убийства не обладают внутренней взаимосвязью, которая является обязательным признаком всех единичных преступлений. Кроме того, предложенное Верховным Судом РФ разъяснение вступает в противоречие с другими рекомендациями по квалификации убийств. Так, практическое применение указанного разъяснения способно привести к одновременному вменению виновному нескольких мотивов или целей, выступающих в качестве квалифицирующих признаков убийства. В частности, если убийство одного потерпевшего совершено из хулиганских побуждений, а второго потерпевшего – с целью скрыть другое преступление, то в соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ содеянное придется квалифицировать как единичное преступление, предусмотренное п. «а», «и», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Между тем, в том же постановлении, посвященном убийству, Пленум Верховного Суда РФ недвусмысленно указывает, что квалифицирующие признаки, относящиеся к субъективной стороне убийства, не подлежат одновременному вменению. Однако в практике судов такие случаи квалификации теперь не редкость. Иркутским областным судом осужден В. по п. «а», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ за умышленное причинение смерти, совершенное в отношении двух и более лиц, из корыстных побуждений, с целью скрыть другое преступление. Преступления были совершены в разное время и по разным мотивам¹⁴. Думается, что

в этом случае подвергается сомнению принцип справедливости при квалификации деяний, в результате которых имеется несколько потерпевших, как одного преступления.

Кроме того, такими разъяснениями Пленум Верховного Суда РФ фактически поставил в привилегированное положение виновного, совершившего несколько убийств как самостоятельных преступлений, совершенных по разным мотивам и каждый раз с вновь возникшим умыслом, по отношению к лицу, совершившему убийство двух и более лиц с единым умыслом, направленное к единой цели, т. е. представляющее собой «продолжаемое» преступление. По существу происходит уравнивание множественности преступлений и единичного продолжаемого преступления.

Составные преступления, как было отмечено выше, посягают на два объекта. Однако ряд ученых в действующей редакции УК РФ выделяют составные преступления, посягающие на один и тот же объект, но на двух и более потерпевших¹⁵. Можно ли такие преступления относить к составным?

В каждом составе имеется только один основной объект охраны. Если при усмотрении в содеянном посягательстве на несколько объектов один объект является основным, а остальные – дополнительными, налицо единичное составное преступление, если же деяние посягает на два и более основных объекта, то речь должна идти об идеальной совокупности преступлений. При убийстве двух или более лиц нельзя выделить основной и дополнительный объект, здесь только два (или более) основных объекта. В то же время идеальная совокупность – это совершение одного действия (бездействия), содержащего признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ (ч. 2 ст. 17 УК РФ). Следовательно, совершение преступления в отношении двух или более лиц, с одной стороны, нельзя относить к составным преступлениям, поскольку в них только основные объекты и нет дополнительных, а с другой стороны, также нельзя отнести и к идеальной совокупности, поскольку последняя предусматривает квалификацию как минимум по двум статьям.

¹³ См.: Сборник постановлений пленумов Верховного Суда РФ (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 2010. С. 141. Правильность этой позиции была еще раз подтверждена постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1 апреля 2009 г. по делу Д. (см.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 10).

¹⁴ См.: Приговор Иркутского областного суда. Дело № 2-57/2012 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-irkutskij-oblastnoj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-107031086/>

¹⁵ См.: Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. С. 83.

Таким образом, в квалифицирующем признаке совершения преступления в отношении «двух или более лиц», на наш взгляд, подразумевается совершение одного продолжаемого преступления со всеми присущими ему признаками, в том числе единство умысла. Соответственно совершение нескольких тождественных деяний, объединенных единым умыслом, не может рассматриваться как составное преступление.

Анализ судебной практики показывает, что совершение тождественных действий, не объединенных единым умыслом виновного, даже в отношении одного и того же потерпевшего, квалифицируется по совокупности преступлений. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по ст. 132 УК РФ, содеянное следует квалифицировать только в тех случаях, когда в течение непродолжительного времени виновным было совершено несколько насильственных действий сексуального характера и обстоятельства их совершения свидетельствовали о едином умысле виновного на совершение указанных тождественных действий. Преступные действия К. не охватывались единым умыслом, поскольку между преступными деяниями имеются значительные временные интервалы, свидетельствующие о том, что каждый раз у осужденного умысел на совершение действий сексуального характера возникал заново. Поэтому К. правильно осужден за каждое из трех преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ¹⁶.

Итак, Пленум Верховного Суда РФ отказался от верного положения, имевшегося ранее в указанном постановлении в соответствии с которым п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ следовало квалифицировать как убийство двух или более лиц только в том случае, если действия виновного охватывались единым умыслом.

При этом абз. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» остался без изменений: «Убийство одного и покушение на убийство другого не может рассматриваться как оконченное преступление –

убийство двух лиц». Казалось бы, из приведенного напрямую вытекает квалификация не по совокупности преступлений, а только по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ибо при упомянутых условиях ссылка на ст. 30 является достаточным свидетельством ненаступления смерти именно двух лиц, т. е. совершения неоконченного преступления. Однако Пленум Верховного Суда РФ в таких случаях, независимо от последовательности преступных действий, рекомендует содеянное квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

С таким подходом нельзя согласиться. Игнорирование направленности умысла виновного ведет к грубым нарушениям правил квалификации преступлений, а также противоречит учению о стадиях преступления. К единому сложному преступлению нельзя применять правила квалификации, относящиеся к множественности, и наоборот. Совокупность преступлений при изложенных обстоятельствах отсутствует, соответственно признак состава преступления «в отношении двух или более лиц» должен подразумевать единство умысла, характеризующего преступные намерения виновного, отсутствие же такого единого умысла свидетельствует о совокупности преступлений.

Основной вывод, который можно сделать по результатам проведенного исследования, заключается в том, что единство преступных намерений должно служить разграничителем единичных продолжаемых преступлений от множественности преступлений. В продолжаемом преступлении происходит поэтапное достижение преступного результата, изначально поставленной цели. Квалифицирующий признак «совершенное в отношении двух или более лиц» подразумевает под собой наличие единого умысла у виновного, т. е. когда речь идет о едином сложном продолжаемом преступлении. В противном случае происходит смешение понятий множественности преступлений и единичного продолжаемого преступления. Если умысел в отношении каждого потерпевшего возникает самостоятельно, налицо совокупность преступлений.

¹⁶ См.: Определение Верховного Суда РФ № 48-АПУ14-41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 3. URL : http://www.vsrfr.ru/vscourt_detail.php?id=9973

Библиографический список

1. Определение Верховного Суда РФ № 48-АПУ14-41 [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 3. – Режим доступа : http://www.vsrfr.ru/vscourt_detale.php?id=9973
2. Апелляционное определение Судебной коллегии Алтайского краевого суда по делу № 22-173/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-altajskij-kraevoj-sud-altajskij-kraj-s/act-489128512/>
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Татарстан по делу № 22-895 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-tatarstan-respublika-tatarstan-s/act-103750148/>
4. Приговор Борзинского гарнизонного военного суда. Дело № 1-3/2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-borzinskij-garnizonnyj-voennyj-sud-zabajkalskij-kraj-s/act-106254675/>
5. Приговор Верховного суда Республики Татарстан. Дело № 2-10/2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-tatarstan-respublika-tatarstan-s/act-465748925/>
6. Приговор Забайкальского краевого суда. Дело № 2-8-2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-zabajkalskij-kraevoj-sud-zabajkalskij-kraj-s/act-100601569/>
7. Приговор Иркутского областного суда. Дело № 2-57/2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-irkutskij-oblastnoj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-107031086/>
8. Приговор Нерехтского городского суда Костромской области. Дело № 1-11/2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-nerextskij-rajonnyj-sud-kostromskaya-oblast-s/act-105581373/>
9. Приговор Уссурийского городского суда Приморского края. Дело № 1-962/ 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-ussurijskij-rajonnyj-sud-primorskij-kraj-s/act-101994097/>
10. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 10.
11. Гулиева, Н.Б. Составные преступления в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Кемерово, 2006.
12. Караев, Т.Э. Повторность преступлений. – М., 1983.
13. Козлов, А.П. Единичные и множественные преступления / А.П. Козлов, А.П. Севастьянов. – СПб., 2011.
14. Коробеев, А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. – М. : Юрлитинформ, 2012.
15. Малков, В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. – Казань : Изд-во «Таглитат» ИЭУиП, 2006.
16. Понятия и термины в уголовном праве России. Общая и Особенная части : учеб. пособие / отв. ред. А.И. Чучаев. – М. : Контракт, 2014.
17. Савельева, О.Ю. Ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по российскому и зарубежному уголовному законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
18. Сборник постановлений пленумов Верховного Суда РФ (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам. – М., 2010.
19. Стручков, Н.А. Назначение наказания при совокупности преступлений. – М., 1957.
20. Черненко, Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву : дис. ... д-ра юрид. наук. – Кемерово, 2001.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ЛАРИН Виктор Юрьевич

Аннотация. В статье анализируются нормы УК РФ, в соответствии с которыми может наступать ответственность за преступные посягательства в отношении сотрудников органов внутренних дел. Акцентируется внимание на том, что чаще всего сотрудники органов внутренних дел выступают в качестве более общей группы потерпевших – представителей власти. На основе проведенного исследования автором предлагается внести ряд изменений в соответствующие нормы УК РФ.

Annotation. The article analyzes some standards of the Criminal Code of the Russian Federation connected with incurrance of liability for encroachment on the life of law enforcement officials. The author emphasizes the fact that in most cases officers of law enforcement agencies act as a general group of victims that is authorities. On the basis of the conducted research the author proposes to make a number of amendments into the appropriate standards of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, сотрудник, орган внутренних дел, представитель власти, порядок управления.

Keywords: crime, criminal liability, officer, law enforcement body, authority, administration procedure.

Глава 32 УК РФ «Преступления против порядка управления» открывается статьями, охраняющими нормальную деятельность органов власти посредством установления ответственности за посягательства в отношении ее представителей (ст. 317–319 УК РФ). Такой подход вполне обоснован тем, что, во-первых, наиболее распространенным способом противодействия законной деятельности органов власти является воздействие на права и свободы лиц, осуществляющих ее, а во-вторых, выступающая в качестве дополнительного объекта указанных преступлений личность, ее права и свободы провозглашены в Конституции РФ в качестве высшей ценности.

Анализ материалов судебной практики показывает, что в абсолютном большинстве случаев потерпевшими от данных преступлений становятся сотрудники органов внутренних дел. Это обусловлено тем, что в силу осуществляемых функций они постоянно контактируют с гражданами по поводу нарушений законодательства, следовательно, составляют группу повышенного риска стать жертвой преступления при осуществлении противодействия их законной деятельности. Как заметил Президент РФ В.В. Путин, «МВД является ключевым звеном всей правоохранительной

системы. Ему принадлежит особая роль в обеспечении стабильного развития нашего общества и государства»¹. В научной литературе справедливо отмечается, что «особое место МВД России в правоохранительной системе и механизме обеспечения правопорядка обусловлено наличием исключительных сфер осуществляемой правоохранительной деятельности, многообразием функций, обширным объемом полномочий сотрудников органов внутренних дел, организационной территориальной структурой и определенным имиджем для населения, определяющих степень его доверия и общественной поддержки»². Специфику органов внутренних дел подчеркнул Конституционный Суд РФ, указав, что на их сотрудников «возложена исключительная по своему объему и характеру – даже в сравнении с сотрудниками иных правоохранительных органов – ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране

¹ Владимир Путин выступил на торжественном вечере, посвященном Дню сотрудника органов внутренних дел. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19593> (дата обращения: 25.11.2015).

² Безруков А.В. Органы внутренних дел в механизме обеспечения правопорядка в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 12.

общественного порядка»³. Высокая значимость данной деятельности ставит перед государством задачу обеспечения охраны лиц, ее осуществляющих. Именно поэтому уголовно-правовые нормы, направленные на защиту личности представителей власти, являются крайне актуальными для сотрудников органов внутренних дел.

Вместе с тем можно отметить некоторые проблемы конструирования и применения рассматриваемых норм. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что потерпевшим в ст. 317 УК РФ является только сотрудник правоохранительного органа и военнослужащий, выполняющие деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также их близкие, а в ст. 318 и 319 УК РФ – представители власти в целом. Получается, что законодатель предусматривает повышенную ответственность за посягательства на здоровье, честь и достоинство всех представителей власти, в то время как подобная ответственность за посягательство на более значимое благо – жизнь – устанавливается лишь для части представителей власти. Такой подход выглядит как минимум не логичным. Наличие в ст. 317 УК РФ специальной нормы обусловлено необходимостью обеспечения нормальной деятельности органов власти и недопущения нарушения этой деятельности в результате посягательств на жизнь лиц, осуществляющих ее. Следуя этой логике, общественная опасность посягательств на жизнь любых представителей власти является повышенной и должна осуществляться на равных условиях.

В последнее время активно возрождается институт добровольного участия граждан в охране общественного порядка в качестве народных дружинников или участников общественных объединений правоохранительной направленности. Эта деятельность получила законодательное закрепление в Федеральном законе от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», в силу ч. 1 ст. 25 которого народные дружинники и внештатные сотрудники полиции при исполнении своих обязанностей находятся под защитой государства, а их законные тре-

бования о прекращении противоправных действий обязательны для исполнения всеми гражданами и должностными лицами. Фактически сложилась ситуация, когда граждане, не являющиеся сотрудниками правоохранительных органов (и не подпадающие под понятие «представитель власти») участвуют в охране общественного порядка, противостоят лицам, совершающим правонарушения и преступления, таким образом рискуя, наравне с сотрудниками правоохранительных органов, стать жертвой посягательства на их жизнь, однако лишены специальной уголовно-правовой защиты.

Аналогичным образом складывается ситуация с частными охранниками и частными детективами. В силу абз. 19 ст. 3 Закона РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (ред. от 13.07.2015) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» и приложения 8 Постановления Правительства РФ от 14 августа 1992 г. № 587 (ред. от 09.09.2015) «Вопросы частной детективной (сыскальной) и частной охранной деятельности» частным охранным организациям предоставлено право содействовать правоохранительным органам в обеспечении правопорядка, а частным детективам – право содействовать правоохранительным органам в предупреждении и раскрытии преступлений, предупреждении и пресечении административных правонарушений. Получается, что эти лица также могут принимать участие в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, но повышенной охране не подлежат.

Вместе с тем привлечение добровольцев (народных дружинников, частных охранников и т. п.) к охране общественного порядка, особенно при проведении массовых мероприятий, стало обычной практикой. Так, по данным УМВД по Рязанской области в г. Рязани на массовых мероприятиях, посвященных Празднику Весны и Труда в 2014 г. в охране общественного порядка во время массовых мероприятий было задействовано более одной тысячи сотрудников органов внутренних дел, курсантов, сотрудников частных охранных предприятий и представителей общественных организаций правоохранительной направленности, в том числе народных дружинников⁴. Широко

³ Определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1623-О-О по запросу Лябытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2015).

⁴ См.: В Рязани на массовых мероприятиях, посвященных Празднику Весны и Труда, нарушений общественного порядка не допущено. URL : <https://62.mvd.ru/news/item/2181025> (дата обращения: 15.01.2016).

привлекаются указанные лица к охране общественного порядка в новогодние праздники⁵, а, по данным ГУ МВД по Самарской области, в охране общественного порядка при праздновании Рождества Христова в 2016 г. «охрану общественного порядка и обеспечение безопасности осуществляли почти 2 800 сотрудников органов внутренних дел, 44 дружинника, 10 работников частных охранных организаций и 25 представителей Волжского войскового казачьего общества»⁶.

Посягательство на жизнь рассматриваемых лиц при осуществлении ими вышеуказанных полномочий может быть квалифицировано по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, однако при этом не будет учтено, что содеянное направлено на противодействие органам власти, которым оказывают содействие народные дружинники, частные охранники и др. В результате посягательства на их жизнь причиняется вред или создается угроза причинения вреда отношениям в сфере порядка управления, что должно учитываться при определении основного объекта такого преступления.

В научной литературе можно встретить множество предложений об изменении понятия потерпевшего в ст. 317 УК РФ. В частности, А.В. Шрамченко предлагает считать потерпевшим сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, осуществляющих деятельность по обеспечению правопорядка⁷, однако при этом понятие «правопорядок» ни он, ни действующее законодательство не раскрывает. Ю.В. Баглай высказывается о необходимости указания «в качестве потерпевших также сотрудников контролирующих органов»⁸, понятия которых также не дается. Э.Ю. Бадалянц, напротив, выступает за сужение круга потерпевших и предлагает таковыми

в ст. 317 УК РФ считать только полицейских, выполняющих служебные обязанности⁹, что необоснованно оставляет без уголовно-правовой защиты сотрудников других правоохранительных органов.

В настоящее время в ст. 317 УК РФ в числе потерпевших указан военнослужащий. Последний не является сотрудником правоохранительных органов, но на него могут быть возложены полномочия по осуществлению охраны общественного порядка и (или) обеспечения общественной безопасности. Так, например, в силу п. «о» ст. 8 Устава внутренней службы Вооруженных Сил РФ военнослужащие могут привлекаться к оказанию помощи органам внутренних дел, другим правоохранительным органам по защите прав и свобод человека и гражданина, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности¹⁰. В этом случае представителями власти военнослужащие не будут, а станут лицами, принимающими на законном основании участие в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. В соответствии с п. 165 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил РФ если вблизи охраняемого объекта или караульного помещения нарушается общественный порядок и тем самым создается угроза снижения надежности выполнения караулом поставленной ему задачи, начальник караула принимает меры по восстановлению порядка силами караула и немедленно докладывает об этом дежурному¹¹. В состав Вооруженных Сил РФ входит военная полиция, военнослужащие которой прямо наделены распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости¹². Большая часть сотрудников ФСБ России являются военнослужащими, и на них возложены широкие распорядительные пол-

⁵ См.: В УМВД России по Калужской области состоялась пресс-конференция, посвященная вопросам обеспечения общественного порядка в период новогодних и рождественских праздников. URL : <https://mvd.ru/news/item/6960620> (дата обращения: 15.01.2016).

⁶ Самарская полиция обеспечила охрану общественного порядка в новогодние праздники. URL : <https://63.mvd.ru/news/item/7024860> (дата обращения: 15.01.2016).

⁷ Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 17.

⁸ Баглай Ю.В. Уголовно-правовая охрана сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности: по данным Приволжского округа : автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 12.

⁹ Бадалянц Э.Ю. Уголовно-правовая охрана жизни сотрудников полиции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 3. С. 54–55.

¹⁰ Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2016).

¹¹ Там же.

¹² Указ Президента РФ от 25 марта 2015 г. № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2016).

номочия¹³. Таким образом, военнослужащие, в зависимости от возложенных на них полномочий, могут выступать в качестве представителей власти, а также в качестве иных лиц, которые на законном основании принимают участие в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. Тот факт, что военнослужащие могут выступать в качестве представителей власти, подтверждает и судебная практика применения ст. 318 УК РФ¹⁴.

С учетом высказанных нами замечаний представляется, что диспозиция ст. 317 УК РФ должна быть изложена в следующей редакции: «Посягательство на жизнь представителя власти в целях воспрепятствования его законной деятельности или мести за нее, посягательство в тех же целях на жизнь иного лица, на законном основании участвующего в охране общественного порядка и (или) обеспечении общественной безопасности, либо содействующего этой деятельности, а равно совершение того же деяния в тех же целях в отношении близких указанных лиц».

Следующим моментом, на который необходимо обратить внимание с позиции конструирования норм, применяемых при совершении посягательств на сотрудников органов внутренних дел, является то, что занимающие разные должности сотрудники подлежат неодинаковой уголовно-правовой охране: следователи, дознаватели, эксперты, специалисты защищены в рамках ст. 296 УК РФ, охраняющей как их здоровье, так и имущество, а иные сотрудники – в рамках ст. 318 УК РФ, охраняющей только здоровье.

Воздействие на сотрудника органов внутренних дел посредством высказывания угроз уничтожения или повреждения его имущества, безусловно, свидетельствует об общественной опасности таких деяний, поскольку они посягают в первую очередь не на собственность, а на отношения в сфере осуществления государственными органами возложенных на них функций.

В ходе проведенного нами опроса сотрудников органов внутренних дел получены данные, показывающие, что в отношении 27 % сотрудников (почти каждого третьего), к которым применялось насилие или угрозы его применения, высказывались угрозы уничтожением или повреждением имущества. Такая распространенность в совокупности с повышенной общественной опасностью предопределяет необходимость обеспечения защиты как сотрудников органов внутренних дел, так и любых представителей власти уголовно-правовыми средствами.

При этом необходимо учитывать, что общественная опасность насилия, не опасного для жизни и уничтожения или повреждения имущества, исходя из санкций ст. 116, 119, 167 УК РФ, примерно равнозначна, в связи с чем выделять эти признаки в рассматриваемом преступлении в разные части одной статьи нецелесообразно. Кроме того, при таком разделении могут возникнуть квалификационные трудности при применении насилия и одновременных угрозах уничтожением или повреждением имущества.

С этой точки зрения вполне логичным видится предложение Е.В. Смолякова о включении в диспозицию ч. 1 ст. 318 УК РФ деяния в форме угроз уничтожения или повреждения имущества¹⁵. Однако если законодатель примет такую позицию, то правоприменитель вынужден будет столкнуться с определенными трудностями. Само уничтожение или повреждение имущества Е.В. Смоляковым не включено в специальные нормы, следовательно, ответственность за такие действия наступит по общей норме (ст. 167 УК РФ). В такой ситуации наказуемость угроз будет выше, чем действий по их реализации, что недопустимо. Именно так в настоящее время происходит применительно к ч. 2 ст. 296 УК РФ (ее санкция строже санкции ч. 1 ст. 167 УК РФ).

Для разрешения этой проблемы необходимо установить в специальной норме (например, в рамках ст. 318 УК РФ) уголовную ответственность не только за угрозу уничтожения или повреждения имущества представителя власти или его близких, но и за уничтожение или повреждение имущества таких лиц.

¹³ Указ Президента РФ от 11 августа 2003 г. № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2016).

¹⁴ См.: Приговор Волгоградского гарнизонного военного суда от 15 февраля 2011 г. по уголовному делу № 1-33/2011. URL: http://vgvs.vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=37165649&dela_id=1540006&new=&text_number=1; Приговор Красноярского районного суда Астраханской области от 29 июня 2011 г. по уголовному делу № 1-121/2011. URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnoyarskij-rajonnyj-sud-astaxanskaya-oblast-s/act-100959080/> (дата обращения: 15.01.2016).

¹⁵ См.: Смоляков Е.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 13–14.

Также дополнения в части уничтожения или повреждения имущества нужно внести в ст. 296 УК РФ. При этом необходимо ужесточить санкции указанных норм, чтобы не допустить превращения квалифицированных составов преступления в привилегированные. Это касается конкуренции не только со ст. 167 УК РФ, но и со статьями гл. 16 УК РФ. Например, ч. 1 ст. 318 УК РФ, охватывающая угрозу убийства или причинения вреда здоровью, имеет менее строгую санкцию, чем ч. 1 ст. 119 УК РФ: при одинаковом виде и размере максимального наказания в санкции ст. 119 УК РФ минимальным наказанием являются обязательные работы, а в ч. 1 ст. 318 УК РФ – штраф. С учетом повышенной общественной опасности, обусловленной главным образом наличием сложного объекта преступления, ч. 1 ст. 318 УК РФ необходимо отнести к преступлениям средней тяжести, увеличив максимальный размер санкции. С таким мнением согласились 87% опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов и 79% представителей научного сообщества.

Также для обеспечения учета повышенной общественной опасности необходимо увеличить верхний предел санкций ч. 2 ст. 318 УК РФ и ч. 4 ст. 296 УК РФ, поскольку они выступают в качестве специальных по отношению к ст. 111–112, 115 УК РФ.

В наказуемости применения насилия к представителю власти есть еще одна проблема: поскольку максимальный размер наказания в виде лишения свободы в санкциях ч. 2–4 ст. 111 УК РФ превышает размер наказания санкции ч. 2 ст. 318 УК РФ, получается, что при квалификации по ч. 2 ст. 318 УК РФ не учитывается повышенная общественная опасность деяний, явившаяся основанием для выделения специальной нормы. Отдельными авторами отстаивается позиция, согласно которой «дополнительная квалификация требуется только при наличии особо квалифицированных видов тяжкого вреда здоровью, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ»¹⁶. Такой подход представляется теоретически неверным, поскольку ст. 318 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 111 УК РФ, а в силу ч. 3 ст. 17 УК РФ в случае конкуренции общей и специальной норм, ответственность наступает

по специальной. Иными словами, совокупность преступлений в данном случае исключается.

Ранее Верховный Суд РФ указывал, что при осуждении лица по ч. 2 ст. 318 УК РФ дополнительной квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ не требуется, поскольку под насилием, указанным в ч. 2 ст. 318 УК РФ, понимается причинение вреда здоровью любой тяжести, в том числе и тяжкого. При этом подчеркивалось, что «в отличие от санкции п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в отношении лица в связи с осуществлением им служебной деятельности) санкция ч. 2 ст. 318 УК РФ за причинение такого вреда здоровью представителю власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей установлена более тяжкая»¹⁷. Однако в настоящее время санкция ч. 2 ст. 318 УК РФ является менее строгой, так как при тождественности основного наказания в ч. 2 ст. 111 УК РФ предусмотрено дополнительное наказание в виде ограничения свободы.

Некоторые авторы утверждают, что «причинение смерти по неосторожности при применении насилия в отношении представителя власти охватывается ч. 2 ст. 318»¹⁸. С такой позицией трудно согласиться, поскольку в содержании ст. 318 УК РФ речь идет об умышленных действиях и не указано последствие в виде смерти. Также высказывается мнение о том, что «применение насилия, опасного для жизни или здоровья в отношении представителя власти или его близких в виде причинения тяжкого вреда здоровью, если это повлекло по неосторожности смерть потерпевшего, следует квалифицировать по совокупности ч. 2 ст. 318 и ст. 109 УК РФ»¹⁹. Такую позицию тоже принять нельзя, поскольку при данной квалификации ст. 318 УК РФ приобретает характер привилегированной нормы, предусматривая менее строгое наказание (даже по совокупности со ст. 109 УК РФ), чем по ч. 4 ст. 111 УК РФ. На наш взгляд, последствие в виде причинения

¹⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 1999 г. (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 5 апреля 2000 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 7.

¹⁸ Антонов Ю. О необходимости сравнения санкций ст. 318 и статей гл. 16 УК РФ в случае применения насилия в отношении представителя власти // Уголовное право. 2014. № 5. С. 13.

¹⁹ Шарапов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.01.2016).

¹⁶ Цепелев В.Ф. Квалификация преступлений против порядка управления : учеб. пособие для магистрантов. М., 2015. С. 23.

смерти по неосторожности необходимо вынести в отдельный квалифицированный состав ст. 318 УК РФ с более строгой по сравнению с ч. 4 ст. 111 УК РФ санкцией. В этом случае правоприменитель будет иметь возможность адекватно оценить общественную опасность содеянного и назначить справедливое наказание.

С учетом повышенной общественной опасности квалифицированных видов причинения тяжкого вреда здоровью представителю власти эти деяния необходимо вынести в отдельную норму, отнеся содеянное к категории особо тяжких преступлений. Принимая во внимание сказанное, ч. 3 ст. 318 УК РФ может выглядеть следующим образом: «Причинение тяжкого вреда здоровью лицу, указанному в ч. 1 настоящей статьи, совершенное общеопасным способом; в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего; группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в отношении двух или более лиц, наказываемая лишением свободы на срок от пяти до четырнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет». Часть 4 ст. 318 УК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «Причинение тяжкого вреда здоровью лицу, указанному в части первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, наказываемая лишением свободы на срок от семи до семнадцати лет лишения свободы с ограничением свободы на срок до двух лет». Такие изменения позволят более точно квалифицировать содеянное без нарушения правил о конкуренции норм и назначать справедливое наказание.

Еще одна проблема конструирования и применения ст. 318 и 319 УК РФ заключается в формулировке отдельных признаков составов преступлений. При применении насилия в отношении представителя власти законодатель в качестве обязательного признака указывает, что деяние должно быть совершено «в связи с исполнением им своих должностных обязанностей», а при его оскорблении признак сформулирован как «при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением». В литературе не сложилось единства мнений по поводу того, к какому конкретно признаку следует их относить. В одних случаях «в связи с исполнением» трактуют как время совершения преступле-

ния²⁰, в других – «при исполнении» и «в связи с исполнением» рассматривают основанием для выделения цели воспрепятствования исполнению представителем власти должностных обязанностей либо мотива в виде мести за их исполнение²¹.

Некоторые авторы вообще придают признаку исполнения должностных обязанностей приоритетное значение по сравнению с другими признаками состава преступления. Так, Е.В. Смоляков считает неверными действия законодателя по отнесению к преступлениям против личности случая, когда «к сотруднику патрульно-постовой службы во время исполнения им своих должностных обязанностей, пребывающему в форменном обмундировании, в общественном месте подходит ранее знакомый гражданин и из-за личного конфликта (ревности, неприязни и пр.) начинает избивать»²². Такая позиция ошибочна и не учитывает субъективного отношения виновного к содеянному, поскольку его умыслом охватывается посягательство не на представителя власти, а на конкретного человека, чьи должностные обязанности для него не имеют никакого значения.

Обратившись к судебной практике, можно увидеть, что суды, описывая содеянное, обязательно указывают рассматриваемый признак в соответствии с его формулировкой в ст. 318 или 319 УК РФ («при исполнении...», «в связи с исполнением...»). При этом анализ материалов судебной практики позволил выявить тенденцию фиксации цели совершения противоправных действий в виде воспрепятствования исполнению должностным лицом своих служебных обязанностей²³, либо «воспрепятство-

²⁰ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. М., 2011. С. 1278.

²¹ См.: Есаков Г.А., Рапог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам. М., 2010. С. 544; Цепелев В.Ф. Квалификация преступлений против порядка управления. С. 22.

²² Смоляков Е.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти. С. 128.

²³ См.: Приговор Псковского городского суда Псковской области от 1 ноября 2012 г. по уголовному делу № 1-456/2012. URL : <https://rospravosudie.com/court-pskovskij-gorodskoj-sud-pskovskaya-oblast-s/act-107126246/>; Приговор Химкинского городского суда Московской области от 27 октября 2010 г. по уголовному делу № 1-373/2010. URL : http://himki.mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=17529415&delo_id=1540006&new=0&text_number=1; Приговор Октябрьского районного суда г. Рязани от 30 октября 2014 г. по уголовному делу № 1-325/2014 // Арх. Октябрьского районного суда г. Рязани; Приговор Рязжского районного суда Рязанской области от 2 сентября 2014 г. по уголовному делу № 1-87/2014 // Арх. Рязжского районного суда Рязанской области.

вания и создания невозможности для исполнения им своих должностных обязанностей»²⁴, либо «по мотиву воспрепятствования исполнению служебных обязанностей...»²⁵.

Основным признаком, отличающим деяние, предусмотренное в ст. 318 УК РФ, от деяний, указанных в гл. 16 УК РФ, является потерпевший, в качестве которого выступает представитель власти. Воздействуя на него, виновный причиняет вред (создает угрозу причинения такого вреда) отношениям в сфере порядка управления. Человек может обладать одновременно различными статусами (должностное лицо, мать, инвалид, спортсмен и т. д.), но ответственность по ст. 318 и 319 УК РФ наступает лишь в случае, если на потерпевшего посягают как на носителя статуса представителя власти. Исполнение же таким лицом своих должностных обязанностей прямо вытекает из его статуса. На общественную опасность содеянного не влияет, в какой момент имело место посягательство: во время, когда лицо исполняло свои обязанности, или после этого.

Отграничить посягательство на представителя власти от посягательства на личность можно лишь по его цели в виде воспрепятствования законной деятельности или мести за нее. Именно этот субъективный признак должен иметь квалификационное значение для ст. 318 и 319 УК РФ.

Кроме того, потерпевшими в ст. 318 и 319 УК РФ должны признаваться те же лица, что и в ст. 317 УК РФ, поскольку принципиальное различие указанных норм – в степени воздействия на потерпевших, что является основанием для различия в их санкциях. В связи с этим круг потерпевших в ст. 318 и 319 УК РФ необходимо расширить.

Таким образом, уголовная ответственность за посягательства в отношении сотрудников органов внутренних дел может наступать в рамках составов преступлений против порядка управления, против правосудия, а также против личности. Выявленные недостатки конструирования уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за такие посягательства, ставят перед законодателем задачу внесения соответствующих изменений в УК РФ.

Библиографический список

1. Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2016).
2. Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2016).
3. Указ Президента РФ от 11 августа 2003 г. № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2016).
4. Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2016).
5. Указ Президента РФ от 25 марта 2015 г. № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2016).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1623-О-О по запросу Лабитнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2015).
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 1999 г. (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 5 апреля 2000 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 7.

---

²⁴ Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 9 февраля 2012 г. по уголовному делу № 1-68/2012. URL: <https://rospravosudie.com/court-orekhovo-zuevskij-gorodskoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-102113330/>

²⁵ Приговор Клепиковского районного суда Рязанской области от 26 августа 2014 г. по уголовному делу № 1-41/2014 // Архив Клепиковского районного суда Рязанской области.

8. Приговор Химкинского городского суда Московской области от 27 октября 2010 г. по уголовному делу № 1-373/2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://himki.mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17529415&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 25.11.2015).

9. Приговор Волгоградского гарнизонного военного суда от 15 февраля 2011 г. по уголовному делу № 1-33/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://vgvs.vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=37165649&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 15.01.2016).

10. Приговор Красноярского районного суда Астраханской области от 29 июня 2011 г. по уголовному делу № 1-121/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-krasnoyarskij-rajonnyj-sud-astraxanskaya-oblast-s/act-100959080/> (дата обращения: 15.01.2016).

11. Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 9 февраля 2012 г. по уголовному делу № 1-68/2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-orexovo-zuevskij-gorodskoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-102113330/> (дата обращения: 25.11.2015).

12. Приговор Псковского городского суда Псковской области от 1 ноября 2012 г. по уголовному делу № 1-456/2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-pskovskij-gorodskoj-sud-pskovskaya-oblast-s/act-107126246/> (дата обращения: 25.11.2015).

13. Приговор Клепиковского районного суда Рязанской области от 26 августа 2014 г. по уголовному делу № 1-41/2014 // Арх. Клепиковского районного суда Рязанской области.

14. Приговор Рязского районного суда Рязанской области от 2 сентября 2014 г. по уголовному делу № 1-87/2014 // Арх. Рязского районного суда Рязанской области.

15. Приговор Октябрьского районного суда г. Рязани от 30 октября 2014 г. по уголовному делу № 1-325/2014 // Архив Октябрьского районного суда г. Рязани.

16. Антонов, Ю. О необходимости сравнения санкций ст. 318 и статей гл. 16 УК РФ в случае применения насилия в отношении представителя власти // Уголовное право. – 2014. – № 5.

17. Баглай, Ю.В. Уголовно-правовая охрана сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности: по данным Приволжского округа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.

18. Бадалянц, Э.Ю. Уголовно-правовая охрана жизни сотрудников полиции // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 3.

19. Безруков, А.В. Органы внутренних дел в механизме обеспечения правопорядка в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 2 (20).

20. В Рязани на массовых мероприятиях, посвященных Празднику Весны и Труда, нарушений общественного порядка не допущено [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://62.mvd.ru/news/item/2181025> (дата обращения: 15.01.2016).

21. В УМВД России по Калужской области состоялась пресс-конференция, посвященная вопросам обеспечения общественного порядка в период новогодних и рождественских праздников [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://mvd.ru/news/item/6960620> (дата обращения: 15.01.2016).

22. Владимир Путин выступил на торжественном вечере, посвященном Дню сотрудника органов внутренних дел [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19593> (дата обращения: 25.11.2015).

23. Есаков, Г.А. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г.А. Есаков, А.И. Парог, А.И. Чуцаев. – М., 2010.

24. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М., 2011.

25. Самарская полиция обеспечила охрану общественного порядка в новогодние праздники [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://63.mvd.ru/news/item/7024860> (дата обращения: 15.01.2016).

26. Смоляков, Е.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2015.

-
27. Цепелев, В.Ф. Квалификация преступлений против порядка управления : учеб. пособие для магистрантов. – М., 2015.
28. Шарапов, Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. – 2015. – № 1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.01.2016).
29. Шрамченко, А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.

АНАЛИЗ СПЕЦИАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 1 СТ. 134 УК РФ

ПАНТЮХИНА Инга Владимировна

Аннотация. В статье выделяются и анализируются условия, образующие специальное основание освобождения от наказания лица, совершившего половое сношение с лицом, не достигшим 16 лет. Определяются недостатки указанных условий, выявляются их спорные и противоречивые аспекты, создающие проблемы применения на практике примеч. 1 к ст. 134 УК РФ. Исследованы основания прекращения рассмотренной категории дел до введения в действие примеч. 1 к ст. 134 УК РФ, а также статистические показатели их прекращения и освобождения от наказания виновных в современный период. Полученные результаты привели автора к выводу об отсутствии необходимости наличия в ст. 134 УК РФ специальной нормы об освобождении от наказания.

Annotation. The article highlights and analyzes conditions that form special reason for remission of sentence of a person who committed illicit sexual relations with a person who obviously has not reached 16 years of age. The author identifies defects of these conditions, reveals their controversial and contradictory aspects which create some problems of application in practice note 1 to Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article investigates grounds for dismissal of a considered category of cases until the enactment of note 1 to Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as statistical indicators of determination of these cases and release from punishment in recent period. The obtained results led the author to the conclusion that there is no need of special rules on release from punishment in Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: освобождение от наказания, освобождение от ответственности, условия освобождения, лицо, впервые совершившее преступление, общественная опасность, брак с потерпевшим, примирение с потерпевшим, деятельное раскаяние.

Keywords: release from punishment, release from liability, conditions of exemption, first offender, social danger, marriage with the victim, the reconciliation with the victim, active repentance.

Согласно примеч. 1 к ст. 134 УК РФ «лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное первой частью ст. 134 УК РФ освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим)». Очевидно, что введением такой нормы законодатель хотел подчеркнуть исключительность некоторых случаев вступления совершеннолетнего лица в половое сношение с лицом, не достигшим 16 лет, в частности, обусловленных глубокими чувствами виновного к потерпевшему и, в конечном счете, его стремлением создать семью.

По сути, данная норма есть не что иное, как особая оценка законодателем посткриминального поведения виновного лица и в связи с этим в какой-то мере попытка «оправдать» мотив совершения этого преступления «благородными чувствами».

Конструкция нормы, предусмотренной примечанием 1 к ст. 134 УК РФ, вызывает неоднозначную ее оценку учеными. Так, несмотря на то, что в ней указано на освобождение от наказания, в специальной литературе, в том числе в комментариях УК РФ, встречается ее толкование как специального основания освобождения от уголовной ответственности, которое может применяться органами дознания, предварительного расследования, прокуратурой и судом, причем по их усмотрению, поскольку образующие его условия являются лишь правом лица на освобождение от ответственности, но не являются обязанностью перечисленных органов¹. Такое толкование не соответствует содержанию законодательной формулировки примеч. 1 к ст. 134 УК РФ. В рассматриваемой норме четко прописано:

¹ См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. С. 454–455.

во-первых, лицо освобождается от наказания, а не от ответственности; во-вторых, освобождение производится судом, что согласуется с институтом освобождения от наказания, поскольку никто, кроме суда, освободить лицо от наказания не вправе; в-третьих, лицо освобождается, а не может быть освобождено. Таким образом, следует констатировать, что в доктрине уголовного права встречается ошибочное толкование и смысла нормы, и механизма ее применения, и субъекта ее применения, что противоречит принципам уголовного законодательства и указывает на неверное ее понимание и применение.

Специальные условия освобождения от наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, установленные в примеч. 1 к ст. 134 УК РФ, сводятся к следующим:

- 1) определенная форма деяния – только вступление в половое сношение совершеннолетнего с лицом, не достигшим 16 лет;
- 2) совершение виновным деяния впервые;
- 3) возраст потерпевшего – от 14 до 16 лет;
- 4) заключение брака между виновным и потерпевшим;
- 5) утрата виновным и совершенным им преступлением общественной опасности.

Первое условие указывает на ограничительный характер применения рассматриваемой специальной нормы об освобождении от наказания. Законодатель предусмотрел ее только для случаев вступления виновного с потерпевшим в половое сношение, которое возможно только между лицами разного пола. В связи с этим возможность применения данной нормы к лицам, вступившим с лицом, не достигшим 16 лет, в гомосексуальные отношения, исключена, чем существенно сужено ее применение. Такое положение, по утверждению Ю.Е. Пудовочкина, фактически нарушает установленный в Конституции РФ и УК РФ принцип равенства граждан вне зависимости от каких-либо признаков, поскольку вводит дискриминационные правила ответственности для лиц нетрадиционной сексуальной ориентации². Однако такую позицию законодателя скорее следует признать оправданной. В доктрине уголовного

права общепризнанным является то, что вступление лиц, не достигших 16 лет, в половые отношения причиняет вред их нормальному физическому (физиологическому) и нравственному развитию. Гомосексуальные контакты в наибольшей степени искажают сущностное понимание половых отношений, предопределенное природой и физиологией человека, в силу чего являются наиболее опасными для несформировавшейся личности. Их повышенная опасность для лиц, не достигших 16 лет, признана и законодателем, подтверждением чего является установление более суровых санкций за мужеложство или лесбиянство с лицами указанного возраста (ч. 2 ст. 134 УК РФ), чем за совершение с ними полового сношения (ч. 1 ст. 134 УК РФ). Кроме того, согласно СК РФ однополые браки в России запрещены, что указывает на признание естественными только традиционных половых отношений, т. е. между лицами разного пола.

Вступление разнополых лиц, одно из которых достигло совершеннолетия, а другое не достигло 16 лет, в сексуальные отношения без применения насилия (добровольно, по обоюдному согласию), не относящиеся к половому сношению, мужеложству или лесбиянству (например, путем *per anum* или *per os*), образует для совершеннолетнего лица состав преступления, предусмотренный ст. 135 УК РФ, т. е. развратных действий. Специальных условий освобождения от уголовной ответственности или от наказания за их совершение не установлено, из чего следует, что даже заключение между виновным и потерпевшим брака после их вступления в такие отношения, не исключает для совершеннолетнего лица наступления уголовной ответственности, вынесения приговора и назначения наказания по ст. 135 УК РФ. Получается, что если совершеннолетний вступает с лицом, не достигшим 16 лет, в половое сношение, а потом заключает с последним брак, то и он, и его деяние перестают быть общественно опасными. Если же совершеннолетний вступает с таким потерпевшим в иные формы сексуальных отношений, то и он сам, и его деяния сохраняют опасность для общества, в том числе несмотря на заключаемый с потерпевшим брак. Такая ситуация лишена логики и дает основания заключить, что рассматриваемое основание освобождения от наказания нельзя признать достаточно проработанным. По меньшей мере было бы логичнее

² См.: Пудовочкин Ю.Е. Проблемы понимания и квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: новое в уголовном законодательстве // Российское правосудие. 2010. № 4. С. 72.

распространить его не только на ч. 1 ст. 134 УК РФ, но и на ч. 1 ст. 135 УК РФ, конечно, при условии его дальнейшего сохранения в действующем УК РФ, целесообразность которого сомнительна.

Толкование второго из перечисленных условий применения рассматриваемого специального основания освобождения от наказания носит дискуссионный характер, обусловленный отсутствием единого подхода к пониманию того, какое лицо следует признавать впервые совершившим преступление. Верховный Суд РФ считает возможным относить к таким лицам совершивших совокупность преступлений либо ранее освобожденных от уголовной ответственности или наказания, либо судимости которых сняты или погашены в установленном законом порядке³. Из данного толкования следует, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, освобожденное от уголовной ответственности или наказания, в случае привлечения к ответственности за совершение такого же преступления признается совершившим его впервые, и значит, также может быть освобождено и от ответственности, и от наказания по тому же основанию. Таким образом, фактически лицо может совершать указанное преступление многократно, тогда как юридически каждый раз будет признаваться совершившим его впервые и каждый раз иметь право на освобождение от ответственности или наказания. Такую ситуацию вряд ли можно признать справедливой.

Некоторые исследователи понятие «лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ», предлагают понимать более узко, в частности, допуская наличие судимости у виновного по любым статьям УК РФ, за исключением предусмотренных ст. 131–135 УК РФ⁴. Иными словами, предлагается не допускать применения рассматриваемой нормы при наличии судимости за половое преступление. Однако избирательное понимание общей уголовно-правовой ка-

тегории, а именно таковой является понятие «лицо, впервые совершившее преступление», представляется нецелесообразным. Иначе ее надо будет индивидуально понимать применительно к каждому преступлению, в котором такая категория может быть использована.

В доктрине уголовного права высказаны иные позиции. По мнению А.В. Шнитенкова, к лицам, совершившим преступление впервые, можно отнести лишь тех, которыми «преступление фактически совершено первый раз»⁵. Л.Ю. Ларина полагает, что «впервые совершившим преступление следует считать лицо, которое совершило одно или несколько преступлений, ни по одному из которых в соответствии с российским уголовным законом не применялись какие-либо меры уголовно-правового характера, то есть не имело место вступившего в законную силу приговора суда, постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, постановления о применении принудительных мер воспитательного воздействия»⁶. Такие доктринальные позиции представляются более логичными, чем вышеуказанная, занятая высшей судебной инстанцией, но, к сожалению, пока они остаются не воспринятыми законодателем, в силу чего не могут применяться практиками.

Третье условие вытекает из указания законодателя на то, что рассматриваемая норма распространяется только на ч. 1 ст. 134 УК РФ, и это исключает ее применение к остальным частям той же статьи. Поскольку в ч. 3 ст. 134 УК РФ возрастные границы потерпевшего очерчены возрастом от 12 до 14 лет, получается, что в ч. 1 ст. 134 УК РФ он составляет от 14 до 16 лет. Необходимо отметить, что это положение – единственное, не вызывающее ни сомнений, ни возражений у ученых, так как согласуется с возможно минимальным брачным возрастом, установленным (хотя и в исключительных случаях) в России.

Четвертым обязательным условием освобождения от наказания в примеч. 1 к ст. 134 УК РФ является вступление виновного лица в брак

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Сяткин Н.Н. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: законодательный и правоприменительный аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 21.

⁵ Шнитенков А.В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 22.

⁶ Ларина Л.Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 90.

с потерпевшей (потерпевшим). Именно заключение брака как условие применения освобождения от наказания вызывает наибольшее количество вопросов и нареканий.

Как верно отмечает В.В. Романова, в данном случае очевидно несоответствие примеч. 1 к ст. 134 УК РФ ст. 13 СК РФ, устанавливающей достижение брачного возраста в 18 лет. С учетом особых обстоятельств законами субъектов РФ заключение брака может быть разрешено до достижения 16 лет. При этом ученый подчеркивает, что перечень таких особых обстоятельств утвержден не во всех регионах России, а также не определены органы или должностные лица, которые могут давать разрешение на вступление в брак этой возрастной категории лиц (в одних регионах его дает губернатор, в других – специальная комиссия администрации области)⁷.

Кроме того, согласно ст. 12 СК РФ для заключения брака необходимо взаимное добровольное согласие заключающих его лиц. Потерпевшее от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, лицо может отказаться от вступления с виновным в брак или согласиться при определенных условиях, например материального порядка. Значит, применение рассматриваемой нормы всецело зависит от решения потерпевшего. Учитывая возраст последнего, нельзя исключить влияния на его волю законных представителей (возможных инициаторов возбуждения уголовного преследования), их диктата и выдвигания условий заключения брака.

Таким образом, заключаемому браку может быть придана форма дорогостоящей сделки, а целью его заключения – удовлетворение корыстных амбиций, а не создание семьи.

С заключением брака законодатель связывает утрату виновным и его деянием общественной опасности, что является пятым условием применения рассматриваемой нормы. Вместе с тем, законодательная формулировка этого условия предваряется оговоркой «если будет установлено», что лицо и его деяние перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим). Данная оговорка допускает двойное тол-

кование следующих за ней условий освобождения виновного от наказания: во-первых, в связи с заключением брака с потерпевшей виновный и его деяние автоматически перестают быть общественно опасными, и, во-вторых, суд еще должен определить, перестали или нет лицо и его деяние после заключения брака быть общественно опасными. Что же, собственно, должен установить суд?

Виновное лицо и совершенное им преступление, после заключения брака с потерпевшим, безусловно, перестают быть общественно опасными для последнего. Такое разъяснение дал Конституционный Суд РФ, указав, что положения ст. 134 УК РФ во взаимосвязи с положениями ст. 13 СК РФ исключают противоречивость полового сношения лица, достигшего 18-летнего возраста, с лицом, не достигшим 16 лет, только после регистрации их брака⁸. Таким образом, деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, является преступным лишь до заключения брака, и именно за него лицо привлекается к ответственности, а после его заключения оно перестает быть преступным.

Фактически, законодателем в примеч. 1 к ст. 134 УК РФ виновному предложен альтернативный выбор: брак или наказание. В свою очередь виновный, заключая брак, может преследовать единственную цель – освобождение от наказания за совершенное деяние, а не создание семьи. В связи с этим представляется необоснованным признавать виновное лицо и его деяние утратившими общественную опасность лишь на основании заключения брака с потерпевшим. Для других лиц, не достигших 16 лет, такое лицо несколько не утрачивает опасности. Что мешает виновному лицу вступить в половое сношение с другим лицом, не достигшим 16 лет, в том числе состоя в браке? Брак этому помешать явно не способен. Кроме того, в любой момент брак может быть расторгнут.

В случае отказа потерпевшего вступить в брак с виновным последний должен понести наказание, тогда как реально (объективно) может быть значительно менее общественно опасным для других лиц, не достигших 16 лет

⁷ См.: Романова В.В. Особенности состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ // КриминалистЪ. 2010. № 2 (7). С. 28–29.

⁸ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 568-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

(в силу вступления в половое сношение с потерпевшим, будучи движимым сильным искренним чувством и желанием создать семью), чем виновный, вступивший в брак только в силу угрозы наказания.

Условие о заключение брака порождает еще одну сложную проблему, которая неизбежно возникнет в практической деятельности в случае признания брака (на основе заключения которого виновный в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ был освобожден от наказания) недействительным.

Таким образом, однозначность признания заключения брака основанием утраты общественной опасности виновным и совершенного им деяния вызывает серьезные сомнения, поскольку его нельзя считать обоснованным.

Изложенное приводит к закономерному вопросу о целесообразности наличия в ст. 134 УК РФ рассмотренного специального основания освобождения от наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 этой статьи. Сомнения в его необходимости высказывают и другие авторы. В частности, В.В. Романова подчеркивает, что если подозреваемый, обвиняемый и потерпевшая заключили брак, значит, они примирились, и уголовное дело можно прекратить в соответствии со ст. 25 УПК РФ или на основании ст. 75 УК РФ в связи с деятельным раскаянием. Вместе с тем она полагает, что факт заключения брака можно расценить как частный случай изменения обстановки⁹.

По заявлению заместителя прокурора г. Каспийска Республики Дагестан Ч.М. Исмаилова, «основания освобождения от уголовного наказания, предусмотренные в примечании 1 к ст. 134 УК, соответствуют основаниям освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, предусмотренным ст. 80.1 УК»¹⁰. Представленные позиции подтверждают ненужность рассмотренной нормы.

Обращение к судебной практике применения ст. 134 УК РФ (до введения в нее рас-

сматриваемого основания освобождения от наказания) показало, что в ряде случаев уголовные дела, возбужденные по ст. 134 УК РФ, прекращались на основании ст. 25 УПК РФ в связи с примирением сторон.

Так, в Красноярском крае в 2008 г. по указанным обстоятельствам было прекращено 5,7% уголовных дел указанной категории¹¹. Например, «постановлением Саянского районного суда Красноярского края от 24 марта 2008 года <...> судьей было принято решение о прекращении уголовного дела в отношении Е. <...> Несовершеннолетняя потерпевшая <...> и ее законный представитель – мать – обратились к суду с ходатайством о прекращении уголовного дела в отношении подсудимого Е., так как они его прощают и примирились, поскольку потерпевшая и Е. совместно проживают и ожидают рождения ребенка»¹².

В другом случае основанием прекращения уголовного дела стало заявление от потерпевшей и ее законного представителя о том, что «подсудимый Б. примирился с потерпевшей и загладил причиненный вред»¹³.

Постановлением судьи Железнодорожного районного суда г. Красноярска от 28 января 2008 г. было прекращено уголовное дело в отношении Р. также на основании заявления потерпевшей К. и ее законного представителя, в котором указывалось, что «стороны примирились, потерпевшая и подсудимый планируют создать семью, по достижении потерпевшей шестнадцатилетнего возраста обратятся в органы опеки и попечительства за получением разрешения на заключение брака»¹⁴.

Включение в ст. 134 УК РФ примечания, устанавливающего основание освобождения от наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, не исключает возможности в случаях совершения указанного деяния применения к виновному норм об освобождении от уголовной ответственности. Речь идет о примирении с потерпевшим (ст. 25

¹¹ См.: Обобщение судебной практики судов Красноярского края за 2008 год по делам об условно-досрочном освобождении осужденных по пункту «д» части второй статьи 131 и 132 УК РФ, пункту «в» части 3 статьи 131 и 132 УК РФ, по статьям 134 и 135 УК РФ; по делам вышеперечисленной категории, по которым суды назначили наказание, не связанное с реальным лишением свободы. URL : <http://bazakakonov.ru/doc/?ID=2219160> (дата обращения: 28.11.2015).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

⁹ См.: Романова В.В. Особенности состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ. С. 29.

¹⁰ Исмаилов Ч.М. Освобождение от уголовной ответственности на основании примечаний к статьям Особенной части УК РФ. URL : <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=4249> (дата обращения: 28.11.2015).

УПК РФ), деятельном раскаянии (ст. 28 УПК РФ) и иных обстоятельствах.

В судебной практике достаточно примеров прекращения уголовных дел рассматриваемой категории по различным основаниям и без заключения брака с потерпевшим.

Так, по одному из дел, предусмотренных ч. 1 ст. 134 УК РФ, несовершеннолетняя потерпевшая Ж. и ее законный представитель (мать) в начале судебного заседания заявили ходатайство, поддержанное обвиняемым Т., о прекращении в отношении него уголовного дела в связи с примирением с потерпевшей. Подтверждением примирения послужили состоявшиеся между Т. и Ж. фактические брачные отношения, их совместное проживание одной семьей, на основании чего ходатайство было удовлетворено судом¹⁵.

Другое уголовное дело по обвинению П. по ч. 1 ст. 134 УК РФ было прекращено в связи с деятельным раскаянием виновного. Оно выразилось в его добровольной явке с повинной, способствовании раскрытию и расследованию преступления и в возмещении причиненного ущерба, вследствие чего, по мнению суда, П. перестал быть общественно опасным, и на основании ст. 28 УПК РФ уголовное дело было прекращено¹⁶.

И в том, и в другом деле судом не было установлено намерение заключить с потер-

певшими брак. Несмотря на это в обоих случаях суд счел поведение виновных и совершенные ими деяния утратившими общественную опасность и освободил их от уголовной ответственности.

Выборочное исследование материалов судебной практики в 15 субъектах РФ по уголовным делам, предусмотренным ч. 1 ст. 134 УК РФ, показало, что, несмотря на наличие рассмотренного примечания, прекращение уголовных дел по примирению с потерпевшим остается весьма распространенным. В частности, из 225 дел, рассмотренных в 2010–2014 гг. 15,6 % прекращены в судебном заседании по примирению с потерпевшим.

В регионах эти показатели сильно различаются. Например, из 14 дел, рассмотренных в Красноярском крае и из 15 – в Пензенской области, не прекращено ни одного. Из 20 дел, рассмотренных в Москве и из 23 – в Ростовской области, прекращено лишь по одному (4–5 %), тогда как в Архангельской области из восьми дел прекращены четыре (50 %), в Алтайском крае из 11 дел прекращено шесть (54,5 %)¹⁷.

Анализ данных судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 134 УК РФ (совершенных в масштабах всей страны в 2013 г. – I полугодии 2015 г.) позволяет констатировать более чем двукратный рост числа осужденных за это деяние, а также увеличение количества случаев освобождения виновных и от ответственности, и от наказания за его совершение.

Только в течение рассмотренного периода число случаев освобождения от ответственности и наказания (т. е. всех случаев, когда лицо не понесло наказания за совершение деяния) возросло более чем на 10 % (с 20,3 до 32,2 %).

Более подробно статистика случаев оснований освобождения от ответственности и наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, представлена в таблице.

¹⁵ См.: Постановление Лескенского районного суда Кабардино-Балкарской Республики № 1-72/2014 от 24 апреля 2006 г. по делу № 1-72/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL : http://sudact.ru/regular/doc/a6lpoAajBYL/?regular-txt=&regular-case_doc=1-72%2F2014&regular-doc_type=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=%D0%9B%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%BE-%D0%91%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%29&regular-judge=&_id=1453731413788 (дата обращения: 27.12.2015).

¹⁶ См.: Постановление Майминского районного суда Республики Алтай № 1-119/2011 по делу № 1-119/2011 // Судебные и нормативные акты РФ. URL : http://sudact.ru/regular/doc/WGu97X30NyVj/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+1-119%2F11+&regular-doc_type=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=%D0%9C%D0%B0%D0%B9%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%29&regular-judge=&_id=1453730895945 (дата обращения: 27.12.2015).

¹⁷ См.: Информация о деятельности федеральных судов общей юрисдикции / ГАС РФ «Правосудие». URL : http://www.sudrf.ru/index.php?id=300&act=go_search&searchtype=fs&court_name=&court_subj=62&court_type=0&court_addr=&court_okrug=0&vcourt_okrug=0&search=%CD%E0%E9%F2%E8#sp (дата обращения: 12.01.2016).

Таблица¹⁸

Статистика случаев оснований освобождения от ответственности и наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ

Период	Привлечено к ответственности по ч. 1 ст. 134 УК РФ	Всего осуждено по ч. 1 ст. 134 УК РФ	Освобождено от ответственности				По приговору освобождено от наказания	От числа привлеченных к ответственности освобождено	
			Всего	в их числе				от ответственности по всем основаниям, %	от наказания, %
				по примирению сторон	в связи с деятельным раскаянием	по другим обстоятельствам			
2013	508	405	79	50	10	19	24	15,6	4,7
2014	1 136*	871	188	171	14	3	76	16,5	6,7
6 мес. 2015	1 407	950	292	268	16	8	165	20,8	11,7

*В 2014 г. одно лицо, привлеченное к ответственности, было оправдано, что не представлено в таблице.

Последствия применения норм об освобождении от ответственности и от наказания к лицу, совершившему преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, равнозначны. В силу этого обстоятельства бессмысленны предложения о трансформации специального вида освобождения от наказания в специальный вид освобождения от уголовной ответственности, хотя бы и для усиления поощрительного воздействия нормы¹⁹. И в том, и в другом случае, при последующем совершении лицом, к которому были применены ука-

занные нормы, аналогичного преступления, оно будет признаваться совершившим его впервые. Разница между их применением заключается лишь в том, что нормы об освобождении от ответственности могут быть применены как на стадии предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, тогда как норма примеч. 1 к ст. 134 УК РФ может быть применена только судом и только не ранее стадии вынесения приговора. В связи с этим предпочтительней выглядит механизм освобождения от ответственности, поскольку он позволяет разгрузить суды и, как ни банально это звучит, сэкономить деньги налогоплательщиков, которые направляются в числе прочих расходов и на обеспечение деятельности судебной системы. Кроме того, обращение к судебной практике применения примеч. 1 к ст. 134 УК РФ позволяет констатировать, что вышеуказанные проблемы толкования условий освобождения от наказания не обосновательны и суды, сталкиваясь с ними, принимают разные решения. Так, Новочеркасский городской суд Ростовской области в своем решении подчеркнул, что подсудимый Х. заключил брак с потерпевшей Ю. и впервые привлекается к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 134 УК РФ, а это с учетом примечания к ст. 134 УК РФ свидетельствует о необходимости освобождения Х. от наказания, поскольку подсудимый и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными. Далее суд указал, что «по смыслу закона, если общественная опасность деяния отсутствует, хотя бы оно и подпадало под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, оно не является преступлением <...> после вступления Х. в брак с потерпевшей, совершенное им деяние потеряло общественную опасность и перестало быть преступлением»²⁰, однако в резолютивной части признал Х. виновным, назначил наказание и в соответствии с примечанием к ст. 134 УК РФ освободил его от наказания. Если суд констатировал, что деяние перестало быть преступлением, то за что он назначил наказание? Очевидным является, что суду следовало иначе сформулировать вывод, в частности, ак-

¹⁸ См.: Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Форма отчета № 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)». 2013 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>; 2014 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883>; 1 полугодие 2015 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3212> (дата обращения: 30.11.2015).

¹⁹ См., напр.: Сяткин Н.Н. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: законодательный и правоприменительный аспекты. С. 21.

²⁰ Приговор Новочеркасского городского суда Ростовской области в отношении Х. по ч. 1 ст. 134 УК РФ. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/1867426> (дата обращения: 12.01.2016).

центрируя его на том, что дальнейшее совершение деяния не общественно опасно, и ответственности виновный подлежит за деяние, совершенное до заключения брака. Именно эта идея разъяснена в вышеприведенной позиции Конституционного Суда РФ.

В другом случае Синарский районный суд г. Каменска-Уральского Свердловской области 19 мая 2010 г., несмотря на то, что М. после совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, вступил в брак с потерпевшей, назначил ему наказание, но не освободил от него. Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда, рассмотрев дело в кассационном производстве, указала: «Из материалов дела и приговора суда следует, что после совершения преступления М. вступил в зарегистрированный брак с потерпевшей, что подтверждается представленной в суд кассационной инстанции копией паспорта потерпевшей В. с отметкой о регистрации брака с М. 30 апреля 2010 г. Таким образом, учитывая, что М. и совершенное им деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, перестали быть общественно опасными в связи со вступлением М. в брак с потерпевшей В., судебная коллегия сочла необходимым освободить М. от наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, на основании примечания к ст. 134 УК РФ»²¹. Таким образом, несмотря на заключение брака с потерпевшей, суд первой инстанции не установил, что виновный и его деяние перестали быть общественно опасными. Суду требовались иные подтверждения, которых он не установил, тогда как вышестоящий суд счел достаточным факт заключения брака.

Баксанский районный суд Кабардино-Балкарской Республики в решении от 18 ноября 2011 г. указал: в связи с тем, что Ш. «вступил в брак с потерпевшей, проживает вместе с ней, суд приходит к выводу, что он перестал быть общественно опасным и в связи с этим необходимо применить к Ш. примечание к ст. 134 УК РФ, освободив его от назначенного наказания, и не находит оснований для прекращения уголов-

ного дела»²². О его прекращении в связи с примирением с потерпевшей с ходатайством к суду, поддержанном стороной защиты и обвинения, обращалась сама потерпевшая, однако в его удовлетворении было отказано, что нашло отражение в кассационной жалобе на указанное решение суда. Прокуратура Баксанского района принесла возражения на эту жалобу в Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики, указав: «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон является правом, а не обязанностью суда, который мотивировал свое решение тем, что прекращение уголовного дела не сможет обеспечить достижение целей уголовного наказания, учитывая обстоятельства и способ содеянного, степень общественной опасности совершенного преступления»²³. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики согласилась с доводами прокуратуры и вынесла определение об оставлении судебного акта без изменения²⁴. Таким образом, несмотря на указанное ходатайство потерпевшей, суд и первой, и кассационной инстанций счел невозможным освободить Ш. от ответственности, ссылаясь на необходимость назначения наказания и достижения его целей. При этом Ш. был освобожден от наказания, что представляется нелогичным.

Приведенные примеры показывают разные подходы судов к применению примеч. 1 к ст. 134 УК РФ. Одни считают необходимым, помимо заключения брака, установление и иных подтверждений утраты лицом и его деянием общественной опасности, другие находят достаточным основанием факт заключения брака. Встречаются случаи, когда суды, отказывая в освобождении от ответственности под предлогом необходимости применения наказания к виновному, выносят приговор и назначают наказание, но освобождают от его исполнения. Не исключено, что подобные ре-

²¹ Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 16 июля 2010 г. № 22-7175/2010 (извлечение) // Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (третий квартал 2010 г. (26)). URL : http://www.ekbobsud.ru/sudpr_det.php?srazd=6&id=73&page=2 (дата обращения: 13.01.2016).

²² Приговор Баксанского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 18 ноября 2011 г. Уголовное дело № 22-1146/2011. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/flTAqvHfMLg4/> (дата обращения: 13.01.2016).

²³ Возражение на кассационную жалобу адвоката осужденного Ш. по головному делу № 22-1146/2011. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/flTAqvHfMLg4/> (дата обращения: 13.01.2016).

²⁴ Сведения о слушании уголовного дела № 22-16/2012 (22-1146/2011). URL : http://vs.kbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=9359&result=1&delo_id=4 (дата обращения: 13.01.2016).

шения обусловлены тем, что в наличии примеч. 1 к ст. 134 УК РФ суды усматривают препятствие к применению оснований для освобождения от ответственности. Возможно, они считают общие нормы оснований освобождения от ответственности и специальную – об освобождении от наказания, предусмотренную примеч. 1 ст. 134 УК РФ, – конкурирующими, в связи с чем применяют специальную норму.

Итак, до включения в ст. 134 УК РФ примеч. 1, содержащего специальное основание освобождения от наказания за совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, был сформирован и успешно применялся механизм освобождения от ответственности за совершение этого деяния. Наиболее распространенными основаниями такого освобождения являлись и являются сегодня примирение виновного с потерпевшим лицом, подтверждением которого становились и становятся факты совместного их проживания, ожидания рождения ребенка, планирования создания семьи или факт заключения брака, а также деятельное раскаяние, выражаемое в явке с повинной, оказании содействия расследованию совершенного преступления, заглаживании винов-

ным причиненного вреда (однако без указания его формы; предполагаем, что самым распространенным способом является его материальная компенсация, определенная потерпевшим или его законными представителями). Введение в УК РФ примеч. 1 к ст. 134 УК РФ не отменило и не заменило этого механизма, он продолжает применяться по тем же основаниям. В связи с этим необходимости в существовании дополнительной нормы, предусматривающей специальное основание освобождения от наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, нет. Ее применение не изменяет положение лица, совершившего преступление. Однако данная норма позволяет потерпевшим и их представителям злоупотребить ею в своих интересах, манипулировать посредством ее использования виновным. Таким образом, по меньшей мере рассмотренная норма бесполезна, по большей – вредна, поскольку, как показали примеры исследованной судебной практики, единого понимания и подхода в ее применении судами не выработано. В силу этих обстоятельств предлагаем от нее отказаться.

Библиографический список

1. Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 568-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 16 июля 2010 г. № 22-7175/2010 (извлечение) // Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (третий квартал 2010 г. (26)) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ekbobsud.ru/sudpr_det.php?srazd=6&id=73&page=2 (дата обращения: 13.01.2016).
4. Постановление Лескенского районного суда Кабардино-Балкарской Республики № 1-72/2014 от 24 апреля 2006 г. по делу № 1-72/2014 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://sudact.ru/regular/doc/ablpoAajBfYL/?regular-txt=&regular-case_doc=1-72%2F2014&regular-doc_type=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=%D0%9B%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%9A%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%BE-%D0%91%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%29&regular-judge=&_id=1453731413788 (дата обращения: 27.12.2015).
5. Постановление Майминского районного суда Республики Алтай № 1-119/2011 по делу № 1-119/2011 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://sudact.ru/regular/doc/WGu97X30NyVj/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+1-119%2F

11+&regular-doc_type=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area =&regular-court=%D0%9C%D0%B0%D0%B9%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0% B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0+%D0%90%D0%BB%D1%82%D0%B0%D0%B9%29&regular-judge=&_=1453730895945 (дата обращения: 27.12.2015).

6. Приговор Баксанского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 18 ноября 2011 г. Уголовное дело № 22-1146/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sudact.ru/regular/doc/f1TAqvHfMLg4/> (дата обращения: 13.01.2016).

7. Приговор Новочеркасского городского суда Ростовской области в отношении Х. по ч. 1 ст. 134 УК РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://судебныерешения.рф/bsr/case/1867426> (дата обращения: 12.01.2016).

8. Возражение на кассационную жалобу адвоката осужденного Ш. по уголовному делу № 22-1146/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sudact.ru/regular/doc/f1TAqvHfMLg4/> (дата обращения: 13.01.2016).

9. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Форма отчета № 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)» [Электронный ресурс]. – 2013 – Режим доступа :: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>; 2014 год <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883> ; 1 полугодие 2015 г. – Режим доступа : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3212> (дата обращения: 30.11. 2015).

10. Информация о деятельности федеральных судов общей юрисдикции / ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.sudrf.ru/index.php?id=300&act=search&searchtype=fs&court_name=&court_subj=62&court_type=0&court_addr=&court_okrug=0&vcourt_okrug=0&search=%CD%E0%E9%F2%E8#sp (дата обращения: 12.01. 2016).

11. Обобщение судебной практики судов Красноярского края за 2008 год по делам об условно-досрочном освобождении осужденных по пункту «д» части второй статьи 131 и 132 УК РФ, пункту «в» части 3 статьи 131 и 132 УК РФ, по статьям 134 и 135 УК РФ; по делам вышеперечисленной категории, по которым суды назначили наказание, не связанное с реальным лишением свободы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bazakonov.ru/doc/?ID=2219160> (дата обращения: 28.11.2015).

12. Сведения о слушании уголовного дела № 22-16/2012 (22-1146/2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://vs.kbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=case&case_id=9359&result=1&delo_id=4 (дата обращения: 13.01.2016).

13. Исмаилов, Ч.М. Освобождение от уголовной ответственности на основании примечаний к статьям Особенной части УК РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=4249> (дата обращения: 28.11.2015).

14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. – 12-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2012.

15. Ларина, Л.Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. – 2014. – № 1.

16. Пудовочкин, Ю.Е. Проблемы понимания и квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: новое в уголовном законодательстве // Российское правосудие. – 2010. – № 4.

17. Романова, В.В. Особенности состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ // КриминалистЪ. – 2010. – № 2 (7).

18. Сяткин, Н.Н. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: законодательный и правоприменительный аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013.

19. Шнитенков, А.В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Российская юстиция. – 2009. – № 4.

ПРИМЕЧАНИЕ КАК ПРИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРОТИВ ПОРЯДКА КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ (СТ. 170.1, 185.2, 185.4, 185.5 УК РФ)

РУМЯНЦЕВ Михаил Сергеевич

Аннотация. В статье исследуются особенности регламентации примечания как приема законодательной техники в статьях о преступлениях против порядка корпоративного управления. Автор анализирует дискуссионные вопросы оценки нормативных примечаний в общей теории права и уголовно-правовой доктрине.

Annotation. The article investigates specific features of regulation of a note as a method of legislative technique in the articles on crimes against the order of corporate governance. The author analyzes some controversial issues of evaluation of regulatory notes in the general theory of law and criminal law doctrine.

Ключевые слова: уголовное право, законодательная техника, приемы, средства, примечание, корпоративный захват, рейдерские преступления, уголовная ответственность, освобождение.

Keywords: criminal law, legislative technique, methods, tools, note, corporate takeover, illegal takeover, criminal liability, exemption.

Приемы и средства законодательной техники, которые составляют основу нормотворческого процесса, в той или иной степени изучены отечественными учеными-юристами. Много внимания в теории права уделяется исследованиям юридических конструкций, нормативному языку, презумпциям, фикциям, отсылочным и бланкетным диспозициям, другим элементам законодательной техники. Тем не менее, отдельным технико-юридическим составляющим правотворческой деятельности уделяется недостаточно внимания. К таким элементам следует отнести нормативное примечание¹. Представляется, что в теории общего и уголовного права одна из первых попыток глубокого исследования такого правового феномена, как примечание, осуществлена В.М. Барановым, Д.С. Кондаковым, А.П. Кузнецовым, С.В. Изосимовым, И.П. Боковой². Затем целостное раз-

витие учение о примечании в уголовном праве получило в диссертационных исследованиях А.П. Войтовича и С.Н. Рубановой³. Однако рекомендации и предложения ученых-правоведов в части использования примечания как средства юридической техники в уголовном правотворчестве не были восприняты законодателем должным образом. Не образовалось единства в оценке исследуемого феномена и в научном сообществе.

Рассмотрим отдельные доктринальные подходы к анализу примечания как элемента нормотворческой техники в теории как общего, так и уголовного права. В первую очередь обозначим точки зрения к определению понятия и объема его содержания. Некоторые специалисты определяют примечание в общей теории права как «относительно самостоятельный объективно существующий и реально функционирующий прием юридической техники, представляющий собой государственно-властное нормативное нетипичное установление должного, запрещаемого, возможного, по-

¹ См. об этом: Соловьев О.Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. С. 172–174.

² См., напр.: Баранов В.М., Кондаков Д.С. Примечания в российском уголовном праве: природа, виды, проблемы реализации // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 340–348; Баранов В.М. Примечания в российском праве / В.М. Баранов [и др.]. Н. Новгород, 2005; Бокова И.Н., Изосимов С.В., Кондаков Д.С., Кузнецов А.П. Примечания в уголовном законодательстве России: эволюция правовой природы, модификация функций, техника эффективного

использования // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: материалы науч.-метод. семинара. М.: Юрист, 2001. Т. 2. С. 376–382.

³ См.: Войтович А.П. Примечания в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Рубанова С.Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.

ощряемого либо рекомендуемого варианта юридически значимой деятельности, предназначенное для специального содержательного текстового либо символического подчеркивания, обособления этой деятельности, носящее «сопроводительный» характер, выступающее формой конкретизации, дополнения, изменения объема правовой регуляции, имеющее особые обозначения, расположенное вне юридической нормы (нормативного акта), обладающее определенной юридической силой и влекущее юридические последствия»⁴. Несомненно, приведенное определение страдает некоторой громоздкостью и сложностью для восприятия. Однако, на наш взгляд, в него вошли все общие сущностные признаки примечания, вне зависимости от отрасли права, в которой это примечание применяется.

В свою очередь С.Н. Болдырев указывает, что примечания – это специфический технико-юридический прием, при содействии которого уточняется смысл нормы права либо определяются пределы ее действия, а также самостоятельные структурные элементы текста закона (статьи), уточняющие какой-либо из признаков структуры правовой нормы или ограничивающие пределы действия этой нормы. Примечания рассматриваются этим специалистом как правовая норма, часть правовой нормы, аутентическое толкование оценочных качеств и признаков правовой нормы, нетипичное нормативно задокументированное предписание, размещенное за пределами нормы права⁵.

Как видно, одним из ключевых признаков примечания авторы считают его нетипичность как правового установления, которая, на наш взгляд, обосновывается, во-первых, относительно редким использованием этого приема, во-вторых, отсутствием в примечании самостоятельного правового решения. Действительно, примечание практически всегда имеет вспомогательное нормативное значение, но без него невозможна юридическая оценка тех или иных фактических обстоятельств. Добавим также, что количество примечаний в нормативном материале, во всяком случае в уголовном праве, никак нельзя назвать редким. Существующая редакция уголовного закона на-

деляет примечания полномочиями не только в рамках одной статьи, а распространяет их действие в границах главы (примеч. 2, 3 к ст. 158 УК РФ), Особенной части (примеч. 1 к ст. 158 УК РФ), и даже (что не характерно для УК РФ) предусматривает использование этого приема в Общей части (примеч. к ст. 73 УК РФ «Условное осуждение»). В связи с этим в настоящее время считать примечание нетипичным, специфическим технико-юридическим приемом следует достаточно условно⁶.

В уголовно-правовой доктрине определения исследуемого законодательного приема более лаконичные, но в то же время более абстрактные, по всей видимости, по причине того, что в уголовном законе в примечание вкладывается более широкий спектр нормативного содержания. Так, по мнению К.К. Панько, примечание в уголовном праве необходимо определять как средство законодательной техники, закрепляющее установленные государством дополнительные правила (информацию) к общим предписаниям, регулирующим общественные отношения⁷.

В ряде случаев прием примечания в уголовном законе не только эффективен, но является оптимальным, а порой и единственным вариантом технико-юридического решения проблемы. Например, специальные виды освобождения от уголовной ответственности целесообразно закреплять именно в примечаниях к статьям Особенной части. В этом случае освобождение от ответственности выступает в качестве изъятия из основных положений статьи. Вместе с тем это изъятие должно быть прописано именно в данной статье, поскольку касается исключительно закрепленных в ней деяний. Однако сделать это, не нарушив правил законодательной техники и законотворческих традиций, не представляется возможным, поэтому, как отмечает А.В. Иванчин, лучшим вариантом решения проблемы является закрепление такого изъятия в примечании⁸.

⁶ См.: Соловьев О.Г. Использование приемов законодательной техники в уголовном правотворчестве // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2014. № 5 (40). С. 50–51.

⁷ Панько К.К. Примечания как нетипичное средство уголовного нормотворчества // Мировой судья. 2006. № 9. С. 19–20.

⁸ См.: Иванчин А.В. Использование уголовно-правовых конструкций и приема примечания при регламентации экономических преступлений // Налоговые и иные экономические преступления. Ярославль, 2000. Вып. 2. С. 94.

⁴ Баранов В.М., Кондаков Д.С. Примечания в российском уголовном праве: природа, виды, проблемы реализации. С. 346.

⁵ См.: Болдырев С.Н. Юридическая техника: теоретико-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2014. С. 19.

Подходов к классификации примечаний как технико-юридического приема в уголовно-правовой доктрине достаточно много. В соответствии с позицией С.Н. Болдырева по содержанию примечания делятся на следующие виды: 1) примечания-дефиниции, в которых сосредоточены и «расшифрованы» определенные понятия, применяемые законом; 2) примечания, устанавливающие специальные основания правовых норм; 3) примечания, дополнительно регламентирующие и определяющие признаки; 4) примечания, определяющие количественные показатели оценочных признаков (критериев); 5) стимулирующие (поощряющие) примечания; 6) примечания, ограничивающие сферу применения правовых норм; 7) примечания, регламентирующие исключения⁹. Схожую по своему содержанию позицию в доктрине уголовного права занимают Л.Л. Кругликов и О.Г. Соловьев, по мнению которых «все примечания по своему содержанию делятся на несколько видов: 1) примечания-определения, задача которых заключается в раскрытии содержания той совокупности понятий, которая законодательно закреплена; 2) примечания, дополнительно регламентирующие и определяющие признаки; 3) стимулирующие (поощряющие) примечания; 4) примечания, регламентирующие исключения; 5) примечания, в которых установлены оценочные критерии»¹⁰.

В юридической литературе предлагаются и иные варианты классификации: 1) примечания, содержащие нормы-определения; 2) примечания, устанавливающие специальные основания освобождения от уголовной ответственности; 3) примечания, исключающие уголовную ответственность; 4) иные примечания¹¹. Так, К.К. Панько предлагает более объемную и глубокую классификацию и выделяет (объединяет) все примечания в три классификационные группы: 1) примечания-понятия; 2) примечания-исключения; 3) иные примечания. Далее каждая из групп разбивается на отдельные подгруппы. Так, примечания-понятия делятся: а) на примечания-дефиниции; б) примечания-

разъяснения терминологии; в) примечания-размеры. Примечания-исключения могут быть разделены: а) на примечание-освобождение от уголовной ответственности; б) примечание-запрет уголовной ответственности (неприменение норм уголовного закона). Иные примечания также делятся на три подгруппы: а) примечания-процедуры; б) примечания-изъятия из исключений; в) примечания-отсылки¹².

Следует сказать, что регламентация примечаний в статьях о преступлениях против порядка корпоративного управления не отличается нормативной продуманностью, системностью, криминологической обоснованностью. Для данной группы норм законодатель использует два вида правовых положений, обычно закрепляемых в примечаниях: 1) указание на крупный (особо крупный) ущерб или доход; 2) освобождение от уголовной ответственности. Отметим, что в гл. 22 УК РФ, в которой располагаются все анализируемые нами нормы, законодатель использует несколько подходов при закреплении количественных признаков в примечаниях. В одних случаях примечание распространяет свое действие только на ту статью, в которой оно располагается (например, примечания к ст. 180, 193, 200.1 УК РФ); в других – примечание действует в границах группы «однородных» статей (примечания к ст. 180, 199 УК РФ). Третий вариант предусматривает распространение нормативной силы примечаний на статьи в рамках гл. 22 УК РФ (примечание к ст. 169 УК РФ). Как видно, применительно к рассматриваемым нами статьям законодатель использует второй вариант.

В ст. 170.1 УК РФ «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета», 185.5 УК РФ «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» указание на количественные стоимостные признаки отсутствуют, тогда как содержание крупного (особо крупного) ущерба (ч. 1, 2 ст. 185.2 УК РФ «Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги»), крупного ущерба, дохода в крупном размере (ч. 1 ст. 185.4 УК РФ

⁹ См.: Болдырев С.Н. Юридическая техника: теоретико-правовой анализ. С. 19.

¹⁰ Кругликов Л.Л., Соловьев О.Г. Преступление в сфере экономической деятельности и налогообложения (вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности) / под общ. ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2003. С. 172.

¹¹ См.: Рубанова С.Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды. С. 123.

¹² См.: Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004. С. 187.

«Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг») раскрываются в примечании к ст. 185 УК РФ, в соответствии с которым крупным ущербом, доходом в крупном размере в ст. 185, 185.1, 185.2 и 185.4 УК РФ признаются ущерб, доход в сумме, превышающей 1 млн руб., особо крупным – 2 млн 500 тыс. руб. По сравнению с большинством статей гл. 22 УК РФ размеры снижены законодателем (в примечании к ст. 169 УК РФ крупный размер составляет 1,5 млн руб., особо крупный – 6 млн руб.), и такое понижение криминообразующего порога свидетельствует о повышенной общественной опасности посягательств, предусмотренных ст. 185.2, 185.4 УК РФ. Тем более сказанное можно отнести и к преступлениям, предусмотренным ст. 170.1, 185.5 УК РФ, составы которых сконструированы по типу формальных без каких-либо криминообразующих порогов.

Специальные виды освобождения, которые, как правило, формулируются в подстатейных примечаниях, применительно к ст. 185.2, 185.4 УК РФ закреплены в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ. Несмотря на то, что ст. 76.1 УК РФ расположена в Общей части действующего уголовного закона, ее положения следует относить к специальным видам освобождения, поскольку они связаны исключительно с определенными правовыми запретами конкретной главы и не распространяются на всю Особенную часть. Логичнее было бы в этом случае расположить специальный вид освобождения в подстатейных примечаниях к ст. 185.2, 185.4 УК РФ. Действие такого освобождения следовало бы распространить и на квалифицированные виды преступных деяний, расположенных в данных

статьях, как это нормативно решено в примечаниях к ст. 198, 199 УК РФ. В нынешней ситуации на практике возникают проблемы при конкуренции общих (ст. 75 УК РФ) и специальных видов освобождения при деятельном раскаянии. Квалифицированные виды рассматриваемых посягательств относятся к деяниям средней тяжести (ч. 2 ст. 185.2, 185.5 УК РФ), что делает возможным применение положений ст. 75 УК РФ, которые в части возмещения материального ущерба значительно мягче, чем условия, прописанные в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ. Следовательно, допустима ситуация, когда условия освобождения за деяние, регламентированное в основном составе, будут более жесткими, чем за квалифицированное преступление, что противоречит, на наш взгляд, принципу справедливости.

Отдельно следует сказать о необходимости закрепления специального вида освобождения применительно к посягательствам против порядка корпоративного управления, закрепленным в ст. 170.1 и 185.5 УК РФ. Несомненно, что предложенные положения не могут быть расположены в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, поскольку в указанной норме обязательным условием является кратное возмещение ущерба или полученного преступного дохода, тогда как в ст. 170.1 и 185.5 УК РФ такие количественные признаки отсутствуют. Следовательно, условия специального освобождения для указанных норм должны размещаться исключительно в подстатейных примечаниях. Существующее же законодательное положение нарушает принцип равнозначного подхода к регулированию однородных криминальных посягательств и требует нормативной реконструкции.

Библиографический список

1. Баранов, В.М. Примечания в российском праве / В.М. Баранов [и др.]. – Н. Новгород, 2005.
2. Баранов, В.М. Примечания в российском уголовном праве: природа, виды, проблемы реализации / В.М. Баранов, Д.С. Кондаков // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.
3. Бокова, И.Н. Примечания в уголовном законодательстве России: эволюция правовой природы, модификация функций, техника эффективного использования / И.Н. Бокова, С.В. Изосимов, Д.С. Кондаков, А.П. Кузнецов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : материалы науч.-метод. семинара. – М. : Юрист, 2001. – Т. 2.
4. Болдырев, С.Н. Юридическая техника: теоретико-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д, 2014.
5. Войтович, А.П. Примечания в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.

6. Иванчин, А.В. Использование уголовно-правовых конструкций и приема примечания при регламентации экономических преступлений // Налоговые и иные экономические преступления. – Ярославль, 2000. – Вып. 2.
7. Кругликов, Л.Л. Преступление в сфере экономической деятельности и налогообложения (вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности) / Л.Л. Кругликов, О.Г. Соловьев ; под общ. ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 2003.
8. Панько, К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. – Воронеж, 2004.
9. Панько, К.К. Примечания как нетипичное средство уголовного нормотворчества // Мировой судья. – 2006. – № 9.
10. Рубанова, С.Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011.
11. Соловьев, О.Г. Использование приемов законодательной техники в уголовном правотворчестве // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». – 2014. – № 5 (40).
12. Соловьев, О.Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2002.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

***

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

СИДОРОВА Светлана Андреевна,
БУРАВЛЕВ Юрий Михайлович

Аннотация. В статье анализируются итоги научной дискуссии о назревших изменениях системы административного права, излагаются позиции известных ученых-административистов по данной проблеме, предлагаются авторские подходы к формированию современной системы этой отрасли публичного права.

Annotation. The article deals with the results of a scientific dispute devoted to urgent changes in the administrative law system. It also provides views of well-known scientists in the sphere of administrative law. The author of the article formulates his own approaches to development of the modern system of this branch of public law.

Ключевые слова: государственное управление, система административного права, предмет науки административного права

Keywords: public administration, system of administrative law, subject of administrative jurisprudence.

Сложные правовые и социальные явления наиболее конструктивно рассматривать с позиций системного подхода. Категория «система» – одно из ключевых методологических научных понятий в современном социальном знании. Следовательно, не только уяснение, но и разработка с учетом современных реалий правовой и социальной действительности имеют определяющие методологически необходимое значение для системы административного права как отрасли российской правовой системы и как одноименной учебной дисциплины.

Уже длительное время идет научная дискуссия о необходимости переосмысления сложившейся системы административного права, периодически активизируясь как ответная реакция на инициативу авторов, излагающих собственное видение этой методологически важной проблемы, ожидающей своего конструктивного решения. Непрерывающиеся попытки разобраться в концептуальном подходе к разработке этой сложной теоретической проблемы свидетельствуют о ее актуальности и притягательной силе для все новых исследований, результаты которых способны существенно изменить представление о том, что из себя должна представ-

лять система административного права на данном этапе развития правовой мысли.

В научном сообществе не оспаривается факт эволюционной трансформации всей системы права современной России, которая не может оставаться неизменной, близость позиций наблюдается и в том, что она нуждается в разработке парадигмы, основанной на предшествующем знании и, что более важно, моделирующей ее будущее состояние (параметры). Новые концептуальные подходы должны ответить на вопрос о том, в каком направлении и в соответствии с какими закономерностями будет развиваться система российского права с тем, чтобы соответствовать уровню развития общества, максимально полно удовлетворять его запросы на обеспечение прав и законных интересов всех субъектов, находящихся под охраной закона.

Однако на сегодняшний день отсутствует общепризнанная стратегия этого направления государственной деятельности, выраженная, например, в виде общегосударственной программы развития российского законодательства на ближайшую и долгосрочную перспективу, что негативным образом влияет и на совершен-

ствование системы права. Следовательно, преобразования осуществляются бессистемно, как правило, под воздействием политического импульса либо под давлением сложившихся обстоятельств, т. е. ситуационно, а не планомерно и последовательно.

«Большая часть проблем низкого качества государственного управления в современной России, – отмечают исследователи, – обусловлена не только пробелами и противоречиями правового регулирования отдельных вопросов государственного управления, но и *несистемным характером правового регулирования российского государственного управления в целом* (курсив наш – С.С., Ю.Б.)»¹. Как полагают авторы указанной публикации, «преодолеть несистемность правового регулирования государственного управления можно и целесообразно, разработав и приняв федеральный закон о государственном управлении»².

Административное право является правом управленческим, составляет неотъемлемую и весьма значительную часть правовой системы современной России и соответственно, наряду с собственными, подчиняется общим закономерностям ее построения и функционирования. И административное законодательство, и наука административного права, и одноименная учебная дисциплина также должны выстраиваться по системному принципу, который с полным основанием можно назвать универсальным свойством сложноорганизованных социальных систем.

Как отмечает К.С. Бельский, если предмет науки административного права в определенной мере обусловлен объектом познания и строго ограничивает круг собираемых наукой знаний, то система науки для удобства пользования этими знаниями приводит их в порядок. «Наука – это система, т. е. приведенная в порядок на основе известных принципов совокупность знаний», – писал И. Кант³.

«В основе различных подходов к оценке сущности современного российского административного права, – отмечает С.Д. Князев,

анализируя взгляды А.П. Лончакова⁴, – как правило, лежит ошибочное представление, согласно которому именно предмет правового регулирования дает необходимое представление о каждой отрасли права, включая административное право»⁵. Что же касается содержательного наполнения административного права, то, как утверждает автор, оно обеспечивается не предметом, а методом правового регулирования. «И именно в методе административного права должны найти отражение изменяющиеся потребности управленческих отношений в правовом регулировании, адекватном тем радикальным политическим и экономическим переменам»⁶, которые вызваны осуществлением реформ.

Абсолютизация как предмета, так и метода правового регулирования в равной степени деструктивна, ибо, как утверждает, например, С.С. Алексеев, «предметом общей теории права являются закономерности правовой действительности как особой области социальной жизни в теории права»⁷. Н.И. Матузов и А.В. Малько полагают: «В основе деления права на отрасли и институты лежат два критерия: 1) предмет правового регулирования; 2) метод правового регулирования. Они и выступают системообразующими факторами»⁸.

Есть мнение, что деление научного материала на Общую и Особую части связано с появлением учебника административного права 1940 г., авторы которого заимствовали эту конструкцию из курсов гражданского и уголовного права. Возможно, это в определенной мере соответствует действительности, но задача заключается в том, чтобы привести систему административного права к современному состоянию, не только отражающему правовые реалии, но и активным образом влияющему на них, формирующему правовое воздействие на процессы управления в соответствии с современными тенденциями, запросами общества и граждан.

⁴ Лончаков А.П. Предмет и система административного права Российской Федерации. Хабаровск, 1999. С. 168.

⁵ Князев С.Д. Предмет и система административного права Российской Федерации: традиционные взгляды и современные реалии // Административное право. 2001. № 5. С. 50.

⁶ Князев С.Д. Предмет и система административного права Российской Федерации: традиционные взгляды и современные реалии. С. 50.

⁷ Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. С. 7.

⁸ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд. М.: Юристъ, 2001. С. 399.

¹ Южаков В.Н., Александров О.В., Талапина Э.В. О системе правового регулирования государственного управления в Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 116.

² Там же. С. 117.

³ Бельский К.С. О предмете и системе науки административного права // Государство и право. 1998. № 10. С. 22.

Исходя из такой постановки проблемы, заслуживает внимания научная позиция К.С. Бельского, который еще в минувшем веке инициировал вопрос о замене институционально-отраслевой системы науки административного права функциональной, которая, по мнению ученого, может более полно охватить научный материал, более правильно распределить и, что особенно существенно, разумнее и доступнее объяснить его⁹.

Близкую научную позицию занимает Ю.А. Тихомиров, который предлагает отказаться от традиционного деления административного права на Общую и Особенную части из-за их слабой нормативной структурированности, аргументируя свою позицию также и тем, что, как в прошлом, так и в настоящее время, особенная часть административного права структурируется не по правовому, а по экономико-управленческому критерию, т. е. за основу берется классификация отраслей и сфер народного хозяйства. Все это способствовало созданию отрасли права, отличающейся нечеткостью структуры, отсутствием «правовой логики» ее построения и системного упорядочения¹⁰. Обновленная структура административного права, как полагает Ю.А. Тихомиров, в своей основе базируется на таких его подотраслях, как: а) органы исполнительной власти; б) государственная служба; в) административно-правовые режимы; г) административный процесс; д) законность в управлении; е) организация государственного управления; ж) информационное право; з) правовое регулирование нормативов¹¹.

По мнению Ю.Н. Старилова, полностью ликвидировать структуру административного права, состоящего из Общей и Особенной частей, нецелесообразно, а в основу их разделения следует положить *предмет регулирования*¹². Соответственно, в Общую часть ученый предлагает включить: 1) понятие и сущность публичного управления; 2) субъекты управленче-

ских действий; 3) структуру и содержание государственного управления; 4) управленческий процесс; 5) административное принуждение; 6) административно-юрисдикционный процесс; 7) административный процесс или административно-правовую судебную защиту; 8) возмещение вреда и ущерба, причиненного в административном порядке; 9) контроль и надзор¹³.

Анализируя учебную литературу 1996–2000 гг. издания, Ю.Н. Старилов констатирует, что представления о сущности и содержании Особенной части административного права остаются традиционными. В Особенную часть административного права, как полагает Ю.Н. Старилов, целесообразно объединить правовые нормы, регламентирующие конкретные сферы управленческой деятельности. Такому критерию соответствуют, по мнению данного автора, строительное право, дорожное право, предпринимательское право, социальное право, школьное (образовательное) право, полицейское право, служебное право и т. д.¹⁴

По аналогии с другими отраслями права (гражданским и уголовным), сохраняя Общую и Особенную части административного права, прежнюю форму необходимо будет наполнить новым содержанием, а это не простая задача.

Структурная дифференциация научного материала, по мнению К.С. Бельского, должна включать четыре основных части: догматическую, управленческое право, полицейское право и право административной юстиции (контрольное право).

Важно подчеркнуть, что в своих публикациях К.С. Бельский четко разграничивает систему науки административного права, которой он отдает приоритет, систему отрасли права и систему изложения учебного материала. Система учебной дисциплины, по мнению цитируемого ученого, отличается от системы науки тем, что не требует строгого расположения частей материала, свободнее этими частями распоряжается в соответствии с принципами дидактики, помогающими легко и прочно усваивать материал.

По мнению представителей саратовской школы административного права, систематизация правовых норм этой отрасли российского права может быть проведена по различным

⁹ Бельский К.С. О предмете и системе науки административного права. С. 23.

¹⁰ Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М.: Юриформцентр, 1998. С. 74–75.

¹¹ См.: О некоторых актуальных проблемах административного права (по материалам «Лазаревских чтений») // Государство и право. 1997. № 6. С. 23.

¹² Старилов Ю.Н. О сущности и новой системе административного права: некоторые итоги дискуссии // Государство и право. 2000. № 5. С. 17–18.

¹³ Старилов Ю.Н. О сущности и новой системе административного права: некоторые итоги дискуссии. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 19.

основаниям. При этом должны соблюдаться два требования: во-первых, чтобы систематизация исходила из объективного наличия и объективной дифференциации норм, и, во-вторых, чтобы систематизация приносила определенную пользу науке и практике¹⁵. С таким подходом следует согласиться, но критерий «возможных масштабов применения» вызывает сомнения своей нечеткостью и произвольным пониманием. По умолчанию авторы весьма солидного издания соглашались с сохранением и Общей, и Особенной частей учебного курса административного права, но вместе с тем предлагают выделить Специальную часть, включающую административно-политический блок управления (безопасность, общественный порядок, управление внутренними делами, управление в сфере внешних сношений и т.д.). Данный подход принципиально не изменяет систему административного права, внося в нее лишь незначительную корректировку. Однако эта новелла не нашла поддержки у большинства административистов.

Позднее указанная интерпретация системного построения учебного курса административного права была воспроизведена без каких-либо изменений в авторской трактовке В.М. Манохина¹⁶.

Как справедливо отмечает С.Д. Князев, уяснение предмета и системы административного права сопряжено с необходимостью преодоления существенных разногласий во взглядах отечественных административистов, которые предлагают порой совершенно противоположные модели построения данной отрасли публичного права¹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что за прошедшие годы наука административного права заметно не продвинулась в решении безусловно сложной теоретической проблемы построения современной системы административного права на научно выверенных объективных критериях концептуального характера. Разработка и обоснование научных подходов для формирования обновленной модели этой фундаментальной отрасли публичного права по-прежнему

остается актуальной задачей, для решения которой требуются коллективные усилия.

Исходя из масштабности и сложности проблемы разработки современной системы административного права, остановимся на принципиально важных *научных положениях*, которые, как справедливо отметил К.С. Бельский, «шире и богаче системы отрасли права»¹⁸.

Опираясь на естественную логику познания, вводной частью науки административного права, по К.С. Бельскому, должна стать *догматическая часть*, или пропедевтика¹⁹.

В соответствии с диалектическим методом познания первым разделом догматической части, по нашему убеждению, следует рассматривать исторический анализ развития административного права, который можно было бы именовать «Генезис административного права»²⁰. В этом случае можно проследить и лучше понять, как явление возникло, какие периоды своего развития оно прошло, и чем оно стало в современной правовой и социальной действительности. Подобного подхода придерживаются также и некоторые другие авторы. По справедливому замечанию Ю.Н. Старилова, «К.С. Бельский первым среди современных ученых-административистов предпринял весьма важную попытку проанализировать историю административного права, показать истоки российской административно-правовой науки. Его книга «Феноменология административного права»²¹ заслуживает самых лестных отзывов»²². Аналогичный подход к познанию административно-правовой действительности можно встретить в учебнике А.Б. Агапова, где значительное место отведено становлению и развитию административно-правовой науки²³.

По нашему мнению, в качестве теоретической основы догматической части следует

¹⁸ Бельский К.С. О предмете и системе науки административного права. С. 23.

¹⁹ Пропедевтика (греч. *propaideio* – предваряю) – сокращенное изложение какой-либо науки в систематизированном виде, т. е. подготовительный, вводный курс в какую-либо науку, предшествующий более глубокому и детальному изучению соответствующей дисциплины (РУССЛОВ: словари онлайн. URL : http://russlov.com/istoriya_filosofii/page/propedevtika.359)

²⁰ Генезис (греч. *genesis*) – происхождение, возникновение; процесс образования и становления развивающегося явления (Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 143).

²¹ См.: Бельский К.С. Феноменология административного права. Смоленск, 1995.

²² Стариков Ю.Н. О сущности и новой системе административного права: некоторые итоги дискуссии. С. 14.

²³ См.: Агапов А.Б. Административное право : учеб. для бакалавров. 9-е изд. М., 2014. С. 76–111.

¹⁵ Манохин В.М., Адушкин Ю., Багишаев З.А. Российское административное право : учеб. М., 1996. С. 32.

¹⁶ Манохин В.М. Административное право России : учеб. Саратов, 2010. С. 25–26.

¹⁷ Князев С.Д. Предмет и система административного права Российской Федерации: традиционные взгляды и современные реалии. С. 48.

рассматривать философию административного права. Фундаментальные вопросы философии административного права как отдельной самостоятельной научной и учебной дисциплины исследованы в трудах В.А. Юсупова. В монографии 2009 г. В.А. Юсупов впервые в философской и юридической литературе разработал онтологию административного права, гносеологию (теорию познания) административного права и его аксиологию²⁴. Дальнейшее развитие научных взглядов на эту проблематику излагается в следующей работе В.А. Юсупова²⁵, также посвященной философии и общей теории административного права. Научные положения этой монографии с полным основанием могут рассматриваться в качестве самостоятельной теоретической части системы административного права современной России.

Представляется, что следующий раздел должен быть посвящен современной концепции науки административного права, что позволит переосмыслить богатое теоретическое наследие и, основываясь на общих закономерностях научного познания, наметить перспективы прогностического моделирования науки административного права, вести целенаправленный научный поиск сущности правовых явлений, входящих в сферу интересов данной отрасли публичного права.

Пересмотр концептуальных положений невозможен без уточнения базовых категорий науки административного права, таких, например, как «понятие, предмет и метод административного права», «административно-правовые отношения», «субъекты административного права», «административно-правовой статус субъектов административного права» и т.д.

Нормативные регуляторы и научные разработки о субъектах административного права могут рассматриваться в качестве завершающего раздела догматической части рассматриваемой системы, что позволяет расширить представления о структуре административных правоотношений и в определенном смысле подвести к познанию вопросов государственного управления, практической деятельности исполнительной власти.

Соответственно, следующей крупной частью системы административного права может рассматриваться *государственное управление на основе права*. Центральное место здесь должно быть отведено вопросам правового регулирования, организации и функционирования федеральных и региональных органов исполнительной власти, всей системе государственной службы, а не только государственной гражданской ее разновидности²⁶. Логичнее, на наш взгляд, сюда же поместить весь комплекс вопросов, относящихся к административно-правовым формам и методам государственного управления: формы и методы реализации полномочий исполнительной власти; правовые акты управления; дисциплина и законность в государственном управлении.

Заслуживает внимания постановка вопроса о месте и роли административно-деликтного права в системе административного права Российской Федерации. По этой проблематике А.В. Кирин провел основательное диссертационное исследование и опубликовал специальную работу, посвященную теории и законодательным основам административно-деликтного права, сформировавшегося за последние десятилетия на основе советского института административной ответственности как новая самостоятельная подотрасль в системе административного права России²⁷.

В науке административного права пока не сложилось единообразного отношения к *полицейскому праву*, которое предлагается рассматривать и как самостоятельную отрасль права²⁸, и как крупную составную часть системы науки и одноименной отрасли административного права. Наиболее заметным и последовательным сторонником, развивающим его доктринальные положения, является К.С. Бельский, рассматривающий полицейское право как необходимую часть административно-правовой системы²⁹.

²⁶ Вопрос о том, что из себя представляет государственная служба в системе административного права остается дискуссионным. Подробнее см.: Гришковец А.А. К вопросу о служебном праве // Государство и право. 2013. № 4. С. 5–12; Стариков Ю.Н. Государственная служба и служебное право: учеб. пособие. М., 2015. С. 201–219.

²⁷ См.: Кирин А.В. Административно-деликтное право (теория и законодательные основы): моногр. М.: Норма, 2012.

²⁸ См.: Мушкет И.И., Хохлов Е.Б. Полицейское право России: проблемы теории. СПб., 1998.

²⁹ См.: Бельский К.С. Феноменология административного права. С. 115–118; Он же. Полицейское право: лекционный курс. М., 2004. С. 112–148.

²⁴ Юсупов В.А. Философия административного права: моногр. Волгоград, 2009.

²⁵ См.: Административное право: в 10 т. / В.А. Юсупов. М.: Изд. НИ «ЕААН», 2012. Т. 1: Философия и общая теория административного права.

Заметное влияние на систему административного права может оказать и активное развитие административно-процессуального законодательства, теоретических представлений об административном процессе³⁰. Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации непосредственным образом должно отразиться на разработке новой системы административного права, особенно в отношении права административной юстиции (контрольного права). Данный кодифицированный акт способен объединить родственные нормативные документы и сформировать в конечном итоге крупный элемент обновленной системы административного права.

В настоящее время в Государственную Думу РФ внесен обновленный проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, к разработке которого были привлечены многие ученые – специалисты в области административного права: В.А. Юсупов, А.В. Кирин, Н.И. Побежимова и др.

В оценке современного состояния и перспектив развития науки административного права, безусловно, правы те авторы, которые говорят о сложности и достаточно длительном периоде реформирования системы этой отрасли публичного права, находящейся, кроме того, в постоянном движении. Следует согласиться с замечанием Ю.Н. Старилова о том, что на реформирование административного права России, изменение его структуры потребуются долгие годы исследовательской, административно-политической и законодательской работы, прежде чем административному праву будет придан новый вид, и оно будет иметь новую структуру, адекватную уровню развития других отраслей публичного права³¹.

Методологически оправдан, на наш взгляд, эволюционный путь преобразований масштабной и разветвленной системы административного права, который, как неоднократно доказывала жизнь, оказывается более конструктивным в сравнении с кардинальными реформами.

Библиографический список

1. Агапов, А.Б. Административное право : учеб. для бакалавров. – 9-е изд. – М., 2014.
2. Административное право : в 10 т. / В.А. Юсупов. – М. : Изд. НП «ЕААН», 2012. – Т. 1 : Философия и общая теория административного права.
3. Административный процесс : учеб. для бакалавриата и магистратуры / под ред. М.А. Штатиной. – М., 2014.
4. Алексеев, С.С. Общая теория права : учеб. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2009.
5. Бельский, К.С. О предмете и системе науки административного права // Государство и право. – 1998. – № 10.
6. Бельский, К.С. Полицейское право : лекционный курс. – М., 2004.
7. Бельский, К.С. Феноменология административного права. – Смоленск, 1995.
8. Гришкова, А.А. К вопросу о служебном праве // Государство и право. – 2013. – № 4.
9. Кирин, А.В. Административно-деликтное право (теория и законодательные основы) : моногр. – М. : Норма, 2012.
10. Князев, С.Д. Предмет и система административного права Российской Федерации: традиционные взгляды и современные реалии // Административное право. – 2001. – № 5.
11. Лончаков, А.П. Предмет и система административного права Российской Федерации. – Хабаровск, 1999.
12. Манохин, В.М. Административное право России : учеб. – Саратов, 2010.
13. Манохин, В.М. Российское административное право : учеб. / В.М. Манохин, Ю. Адушкин, З.А. Багишаев. – М., 1996.
14. Матузов, Н.И. Теория государства и права : курс лекций / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 2-е изд. – М. : Юристъ, 2001.

³⁰ См., напр.: Административный процесс : учеб. для бакалавриата и магистратуры / под ред. М.А. Штатиной. М., 2014.

³¹ Старилов Ю.Н. Административное право. Воронеж, 1998. Ч. 1. : История. Наука. Предмет. Нормы. С. 285.

15. Мушкет, И.И. Полицейское право России: проблемы теории / И.И. Мушкет, Е.Б. Хохлов. – СПб., 1998.
16. О некоторых актуальных проблемах административного права (по материалам «Лазаревских чтений») // Государство и право. – 1997. – № 6.
17. РУССЛОВ : словари онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://russlov.com/istoriya_filosofii/page/propedevtika.359
18. Современный словарь иностранных слов. – М., 1993.
19. Стариков, Ю.Н. Административное право. – Воронеж, 1998. – Ч. 1. : История. Наука. Предмет. Нормы.
20. Стариков, Ю.Н. Государственная служба и служебное право : учеб. пособие. – М., 2015.
21. Стариков, Ю.Н. О сущности и новой системе административного права: некоторые итоги дискуссии // Государство и право. – 2000. – № 5.
22. Тихомиров, Ю.А. Курс административного права и процесса. – М. : Юринформцентр, 1998.
23. Южаков, В.Н. О системе правового регулирования государственного управления в Российской Федерации / В.Н. Южаков, О.В. Александров, Э.В. Талапина // Журнал российского права. – 2015. – № 7.
24. Юсупов, В.А. Философия административного права : моногр. – Волгоград, 2009.

РЕЦЕНЗИИ НА НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ; ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

* * *

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.Ю. ПАНЧЕНКО «ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА»¹

ШАМБА Тарас Миронович

***Аннотация.** В статье дается оценка монографического исследования В.Ю. Панченко, посвященного анализу категории юридического содействия реализации прав и законных интересов. Автор, отмечая отдельные дискуссионные положения, приходит к выводу о высокой актуальности научной работы и ее соответствии запросам современной юридической практики.*

***Annotation.** The article represents a review on the monographic research conducted by V.Yu. Panchenko that is devoted to categorical analysis of legal assistance to implementation of rights and legitimate interest. The author outlining several debatable points comes to a conclusion that the scientific paper is highly relevant to satisfy the needs of modern legal practice.*

***Ключевые слова:** юридическое содействие реализации прав и законных интересов, правовое взаимодействие, правовые средства, правовая политика, правовая жизнь.*

***Keywords:** legal assistance to implementation of rights and legitimate interest, legal interaction, legal instruments, legal policy, legal life.*

Необходимость прогрессивного преобразования российской политико-правовой действительности объективно требует поиска новых подходов к объяснению различных правовых явлений, отражаемых категориями и понятиями общей теории права и отраслевых юридических наук.

Одной из таких категорий является юридическое содействие реализации прав и законных интересов, впервые ставшее предметом специального изучения в рецензируемой монографии. Актуальность и значимость для современной юридической науки и практики проблем оказания профессиональными юристами необходимой правовой поддержки при осуществлении субъектами права своих правовых возможностей, вопросов совершенствования политико-правовыми средствами соответ-

ствующих институтов не вызывает сомнений. Заявленная тема исследования компенсирует сложившуюся в отечественной юриспруденции некоторую познавательную односторонность, которая, по верному замечанию автора, заключается в сосредоточенности внимания ученых-юристов на мерах правового принуждения, средствах борьбы с преступностью, юридических конфликтах и иных проявлениях юридического противодействия противоправному поведению. Категория юридического содействия реализации прав и законных интересов, напротив, охватывает правовые средства поддержки правомерной активности.

Рецензируемый научный труд, соединяя в себе фундаментальные построения, прикладные решения и концептуальные идеи, имеет комплексный характер и отличается глубокой проработкой излагаемого материала. Монографию В. Ю. Панченко отличает выдержанность стиля, последовательность и логичность изложения, начинающегося с разработки методологического основания научного исследова-

---

¹ Панченко В.Ю. Юридическое содействие реализации прав и законных интересов: методология, теория, правовая политика» / под науч. ред. Н.А. Фроловой. М. : Орбита-М, 2015. 296 с.

ния юридического содействия, в качестве которого взята теория правового взаимодействия. Автору удалось аргументировать возможность и необходимость оперирования понятием «правовое взаимодействие» как самостоятельной теоретически обоснованной и практически значимой научной категорией.

В первой главе монографии сформулированы отличительные признаки правового взаимодействия, показано место этой категории в научном аппарате общей теории права и в соотношении с иными правовыми категориями, подробно проанализирована структура правовых взаимодействий, проведена их классификация. По такому критерию, как отношение правовой деятельности одного участника к правовой деятельности другого участника в качестве типов правового взаимодействия, обоснованно разграничены юридический нейтралитет, юридическое противодействие и, наконец, юридическое содействие, ставшее предметом содержательного рассмотрения в двух последующих главах работы.

Опираясь на эвристический потенциал научного приема парных юридических категорий, исследование юридического содействия реализации прав и законных интересов начинается с выведения его признаков путем антиномии известным свойствам более изученного в науке феномена юридического противодействия, затем система признаков юридического содействия подвергается самостоятельному всестороннему анализу с использованием других методов научного познания.

Не вызывает возражений предложенная автором дефиниция, согласно которой «юридическое содействие реализации прав и законных интересов – это осуществляемая различными субъектами в предусмотренных позитивным правом видах и формах в качестве основной либо дополнительной функции принудительная в отношении получателя профессиональная юридическая деятельность, способствующая средствами юридического характера беспрепятственной реализации их прав и законных интересов».

Достоинством рецензируемой монографии является акцентирование имеющих принципиальное значение для исследования в целом ключевых моментов, благодаря которому читатель получает возможность проследить процесс формирования авторской позиции по рассматриваемым вопросам, увидеть, каковы

предпосылки тех или иных умозаключений. Так, при характеристике признаков юридического содействия реализации прав и законных интересов особое внимание обращено на дискуссию о правовой природе законных интересов, а также на такое свойство юридического содействия, как его осуществление по инициативе получателя при помощи непринудительных правовых средств. Автор обоснованно утверждает, что непринудительный характер правовых средств юридического содействия реализации прав и законных интересов означает их нацеленность, в отличие от мер правового принуждения на поддержку правовой деятельности получателя, а при осуществлении некоторых мер юридического содействия реализации прав и законных интересов правовое принуждение может составлять их содержание, однако оно неприменимо к получателям такого содействия. Связанность правовых средств юридического содействия реализации прав и законных интересов инициативой получателя означает, что меры юридического содействия реализации прав и законных интересов не могут применяться без воли и волеизъявления на то субъекта-носителя прав, т. е. меры юридического содействия не могут быть навязаны извне, без обращения за содействием в установленном законом порядке; если процесс осуществления мер юридического содействия является не одномоментным, а длящимся, то он подконтролен полностью или частично субъекту-носителю права, который может по своему усмотрению его изменить (прекратить) либо отказаться от него. При этом, как верно заключает автор, инициативность не абсолютна, но исключения здесь (меры юридического содействия реализации прав и законных интересов лицам с неполной дееспособностью, случаи обязательного оказания юридической помощи в уголовном процессе и пр.) как раз подтверждают правило.

Рассматривая цели и функции юридического содействия реализации прав и законных интересов, автор останавливается на вопросе соотношения в них двух начал – правозащитного и правоохранительного, предлагая исходить из того, что взятая как идеальный тип, в чистом виде правозащита заключается в отстаивании исключительно индивидуальных правовых интересов и целей конкретного лица, а правоохрана, напротив, будет или обезличенной, беспристрастной, или реализующейся

в отношении всех и каждого при наличии предусмотренных нормами права оснований. Все это развивает представления о правоохранительной и правозащитной деятельности, правоохранительных и правозащитных целях и средствах правовой деятельности в общей теории права.

Оригинальность подхода В.Ю. Панченко к рассматриваемой теме заключается в том, что средства юридического содействия реализации прав и законных интересов представлены им на трех взаимосвязанных уровнях организации, среди которых элементарный уровень, уровень форм юридического содействия реализации прав и законных интересов и уровень видов правовой деятельности различных субъектов права. Это позволило раскрыть в работе различные формы проявления исследуемого феномена.

На первом, элементарном уровне правовые средства юридического содействия реализации прав и законных интересов рассматриваются как действия двух видов: юридико-информационные действия и практические юридически значимые действия (правовые акты); на втором – как однородные по своему характеру совокупности юридически значимых действий (правовых актов), объединенных общей целевой направленностью и основаниями осуществления. При этом формы юридического содействия реализации прав и законных интересов автором разграничены на два типа: создание правовых средств (информирование, консультирование и документирование) и правовое сопроудирование (профессиональное юридическое представительство, юридическое посредничество (медиация) и юрисдикционное процессуальное содействие).

Разграничение типов правового взаимодействия – юридического противодействия противоправной деятельности и юридического содействия деятельности правомерной – в связи с такими отмеченными признаками правовых средств, используемых при осуществлении последнего, как непринудительность и инициативность, позволили автору монографии по-новому взглянуть на правовую природу ряда принудительных мер процессуального обеспечения, выделив в особую группу форм юридического содействия юрисдикционное процессуальное содействие: содействие сторонам в получении необходимых доказательств, обеспечительные меры, исполнительное и приказное производство.

Третий уровень организации правовых средств юридического содействия – это уровень его институтов, функционирующих в конкретном государстве в определенный исторический период, на котором речь идет о мерах юридического содействия реализации прав и законных интересов, его формах или их сочетаниях, но взятых в единстве с установленными действующими нормами права условиями и порядком осуществления (получения или оказания).

Автор дает классификацию институтов юридического содействия реализации прав и законных интересов, исходя из положения о том, что ввиду разнообразия институтов юридического содействия реализации прав и законных интересов теоретически более продуктивным будет не перечисление и детальное описание конкретных институтов и тех мер юридического содействия, которые каждый из них вправе осуществлять, а их систематизация по определенным критериям.

В монографии обобщаются основные положения теории правовой политики, обосновывается методологическое значение данной правовой категории, состоящее в возможности совмещения для решения конкретной практической задачи – оптимизации правового регулирования – трех различных по своей природе аспектов: представлений об идеале, который должен быть отражен в позитивном праве, социокультурной среды действия позитивного права, а также оптимальной юридической техники и юридических технологий; исследований для выработки определенной правовой политики социальной жизни во всем ее многообразии, выявлении всех факторов, влияющих на эффективность тех или иных правовых институтов; необходимости расширения познавательного инструментария юридической науки, широкого использования при формировании правовой политики методов других наук. Автором особо подчеркивается значение правовой политики для юридической науки с позиций социального престижа и самооценки научного юридического сообщества.

Правовая политика в области юридического содействия реализации прав и законных интересов (правосодействующая политика) в рецензируемой монографии определена как самостоятельное направление (вид) правовой политики, представляющее собой научно обоснованную, последовательную и системную деятельность публично-правовых и частноправо-

вых структур в целях формирования и оптимизации условий для наиболее эффективного функционирования и развития всех институтов юридического содействия как гарантий беспрепятственной реализации права.

Исследование завершается формулированием осуществимых на практике предложений по совершенствованию доступности юридических услуг как одного из направлений правовой политики в области юридического содействия реализации прав и законных интересов, в частности: внедрение модели свободной конкуренции юристов-профессионалов с гибкими условиями допуска к оказанию юридической помощи для отдельных видов субъектов (юридических клиник и др.), которая в наибольшей степени соответствует современному этапу развития рынка юридических услуг в России, и установление обязанности раскрытия информации о своей профессиональной деятельности как условия допуска к оказанию юридической помощи на постоянной платной основе; создание информационных ресурсов, содержащих систематизированную по разработанным автором монографии параметрам полную и достоверную информацию о юридической помощи, организационным механизмом обеспечения функционирования которых может стать профессиональное юридическое сообщество – Ассоциация юристов России и ее региональные подразделения; распространение механизма возмещения расходов на оплату услуг представителя, когда юридическая помощь была оказана бесплатно не только адвокатом, но и иными субъектами оказания юридической помощи, в том числе при финансировании за счет бюджетов, и конкретизация критериев разумности возмещения расходов на юридическую помощь в судебных процедурах путем введения «презумпции разумности документально подтвержденных расходов на юридическую помощь» (с возложением бремени доказывания обратного на сторону, за счет которой предполагается эти расходы возместить); использование (после тщательной доктринальной и правотворческой проработки) опыта зарубежных стран по страхованию расходов на юридическую помощь, механизмы которого стимулируют правовую активность граждан, повышая финансовую доступность юридической помощи, усиливают мотивацию юристов оказывать свои услуги на максимально высоком уровне, оптимизируют расходы бюджетов на субсидируемую юридическую по-

мощь; изменение действующего нормативно-правового регулирования в части установления для лиц с неполной дееспособностью возможности пользования правом на юридическую помощь без каких-либо ограничений.

Как и любой серьезный научный труд, рецензируемая монография содержит ряд спорных моментов, на которые хотелось бы обратить внимание.

Во-первых, представляется, что определенной доработки требует высказанное В.Ю. Панченко предложение о закреплении «юридической обязанности органов брать во внимание законные интересы участников правового взаимодействия, принимать правоприменительное решение только с учетом законных интересов», поскольку возникает множество вопросов относительно механизмов идентификации таких интересов (в частности, степени конкретизации правомерных устремлений, достаточной для того, чтобы принимать их во внимание), их процедурного оформления (необходимости внесения изменений в используемые в настоящее время стандартные бланки заявлений, дополнения действующих административных регламентов, разработки специальных форм отчетности и пр.), ценностных ориентиров, которыми должны руководствоваться правоприменители (при определении приоритетов в случае возникновения коллизий между интересами различных лиц), предотвращения дисбаланса в системе публичного управления и нецелесообразного расходования ресурсов (в том числе неправильного перераспределения нагрузок, замедления работы аппаратов государственных и муниципальных органов вследствие увеличения времени, требуемого на обработку поступающих обращений и пр.), порядка осуществления контроля и способов минимизации риска злоупотреблений.

Во-вторых, читатель может столкнуться с некоторыми затруднениями при определении значения, в котором употребляется термин «юридическое противодействие» в том или ином контексте. Это связано с тем, что в то время, как при развернутой характеристике юридического противодействия отмечаются и положительный, и отрицательный смыслы понятия, в резюмирующей дефиниции автор в качестве его сущностного признака называет только направленность «на недопущение и (или) пресечение социально негативной противоправной деятельности», хотя в последую-

шем изложении вновь встречаются случаи широкого понимания юридического противодействия, по каким-то причинам не взятого за основу общей дефиниции (например, далее по тексту при раскрытии взаимных связей и взаимопереходов парных правовых категорий говорится, что «при ненадлежащем оказании юридической помощи, государственных и муниципальных услуг юридического характера налицо юридическое противодействие, часто делающее невозможным реализацию и защиту прав и законных интересов»).

В-третьих, рассматривая проблему обеспечения субъектной доступности квалифицированной юридической помощи для недееспособных граждан, автор ограничивается указанием на то, что «законодателю надлежит более тщательно урегулировать вопрос о гарантиях реализации права на юридическую помощь лицами с неполной дееспособностью». Вместе с тем монографическое исследование только

выиграло бы, если в нем были бы намечены возможные пути реформирования отечественного законодательства, предусмотрены научно обоснованные доктринальные ориентиры, которые орган формирования правосудяющей политики мог бы взять на заметку.

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемая монография может внести значительный вклад в развитие правовой науки, обеспечив существенный прирост научного знания.

Проведение основательного анализа текущей обстановки, складывающейся в правовой жизни российского общества, обусловило высокую актуальность исследования и его соответствие запросам современной юридической практики.

Думается, монография будет полезна для ученых и практиков, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов и всех заинтересованных читателей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Алексей Павлович – профессор кафедры гражданского права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: anisimovap@mail.ru

Буравлев Юрий Михайлович – доцент кафедры финансового, административного права и основ правопедения Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: umb50@mail.ru

Ваньков Александр Васильевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: vankov@legal.perm.ru

Джаназян Вагинак Грачинович – аспирант кафедры теории и истории государства и права Международного юридического института.

E-mail: olegmui@mail.ru

Дорская Александра Андреевна – заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Климова Анна Николаевна – доцент кафедры предпринимательского и трудового права Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат юридических наук.

E-mail: a.klimova@rsu.edu.ru

Коротких Наталья Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета.

E-mail: knn2010@mail.ru

Ларин Виктор Юрьевич – преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, аспирант кафедры уголовного права и процесса Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, подполковник полиции.

E-mail: v.yu.larin@yandex.ru

Логинова Евгения Владимировна – доцент кафедры гражданского права и процесса Дедовского филиала Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук.

E-mail: dedovsk@rgsu.net

Недилько Юлия Викторовна – доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук.

E-mail: jvna@list.ru

Пантюхина Инга Владимировна – заведующая кафедрой уголовного права и процесса Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: i.pantjuhina@rsu.edu.ru

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета, профессор кафедры гражданского права Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: dp-70@mail.ru

Подшивалов Тихон Петрович – доцент кафедры гражданского права и процесса Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: podshivalovtp@gmail.com

Рахманов Фаррух Бехзодович – аспирант кафедры теории государства и права, конституционного права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

E-mail: iferbenks@mail.ru

Румянцев Михаил Сергеевич – прокурор отдела по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью прокуратуры Ярославской области.

E-mail: rumyantsev87@mail.ru

Рыбаков Игорь Вячеславович – аспирант кафедры гражданского права и процесса Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

E-mail: rva945@yandex.ru

Сидорова Светлана Андреевна – заведующая кафедрой финансового, административного права и основ правоповедения Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат юридических наук.

E-mail: s.sidrova@rsu.edu.ru

Соловьев Сергей Геннадьевич – заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), член Экспертного совета Комитета по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления Государственной Думы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: solovev@feml.miass.susu.ru

Стругова Елена Владимировна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

E-mail: anastasia1991-30@mail.ru

Чердаков Олег Иванович – проректор по научной и инновационной работе Международного юридического института, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор.

E-mail: olegmui@mail.ru

Шамба Тарас Миронович – нотариус города Москвы, Московская городская нотариальная палата, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

E-mail: ejusto@yandex.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА»

Статья предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски автоматические постраничные, кегль 12, поля 2,0 см.

Минимальный размер статьи – 12 страниц.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Статьи следует направлять по адресу электронной почты: jur-science@mail.ru

Все рукописи в обязательном порядке рецензируются в соответствии с установленным порядком.

После принятия статьи к публикации автору направляется по электронной почте счет на оплату соответствующих услуг.

Стоимость публикации составляет 900 рублей за одну страницу текста (включает в себя стоимость авторского экземпляра журнала, а также почтовые расходы).

Статьи ученых, имеющих «Индекс Хирша без учета самоцитирования» 10 и более (по данным системы РИНЦ), или «Индекс Хирша» 5 и более (по данным системы Scopus) публикуются бесплатно (в пределах 12 страниц, без соавторства, не более двух статей в год).

Автору высылается один бесплатный экземпляр журнала.

При публикации статьи в журнале автор передает издательству право на распространение статьи (включая информацию об авторе) любым способом (размещение на сайте журнала, в научных электронных библиотеках, в справочно-правовых системах и т.п.) без выплаты автору вознаграждения.

Данное предложение является публичной офертой в соответствии со ст. 437 Гражданского кодекса Российской Федерации.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Юридическая наука» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Юридическая наука» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

- 8.1.1. Соответствие содержания рукописи ее названию;
  - 8.1.2. Актуальность темы исследования;
  - 8.1.3. Научная новизна полученных результатов;
  - 8.1.4. Целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
  - 8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);
  - 8.1.7. Законность и обоснованность заимствований.
- 8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.
- 8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:
- 8.3.1. Рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;
  - 8.3.2. Рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;
  - 8.3.3. Рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);
  - 8.3.4. Рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.
9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.
10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2–8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.
11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает главный редактор на основании рецензии.
12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.
13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии представляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

Редактор *Алексеев Кирилл Васильевич*
Корректор *Смурова Надежда Васильевна*
Верстка *Алексеев Кирилл Васильевич*

Отпечатано в ООО «Издательство «Концепция»
390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1
Тел. 8(4912) 99-21-97

